

АБИССИНЕЦ 4

— ★ — 1889 — ★ —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 4

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 4 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Арестант Громов	5
Глава 2. Пароль "Аден"	13
Глава 3. Костра не разводите	22
Глава 4. Трое из ларца	32
Глава 5. Третий не лишний	39
Глава 6. Американский капкан	48
Глава 7. Путина в Лончаково	58
Глава 8. Товарищеский матч	67
Глава 9. По кубанскому обычаю	76
Г	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1889. Том 4

Глава 1. Арестант Громов

Я молча смотрел на Василия Петровича Федюкова, чиновника губернской канцелярии, только что закончившего читать предписание о моем задержании. Рядом с ним стоял представитель войскового начальства — хорунжий Антон Павлович Митрофанов. Именно ему надлежало принять предписание к исполнению. В станице гражданский чиновник не мог сам распоряжаться задержанием казака. За спиной обоих ожидали два жандарма.

И часа не прошло после рукобития, а я разом превратился едва ли не в преступника. Праздничный стол еще не успели убрать, большая часть румяного каравая лежала на рушнике, а в горнице словно похолодало. Судьба опять пыталась перечеркнуть все, к чему я так долго шел.

Первым опомнился Степан Анисимович. Крестный шагнул вперед.

— Это как понимать, ваше благородие? Неужто казака по французской указке брать станете? Андрей Новую Москву защищал. Отец его, мой побратим, под французским снарядам голову сложил. Самого Андрея за храбрость отметили, а теперь в преступники записывают? Французы наших без суда в петлю сунуть собирались. Захват «Метеора» был единственным спасением от виселицы. Что хотите делайте, но крестника на расправу я не отдам.

— Вахмистр Кравцов, что вы себе позволяете? — оборвал его Овсянников. — Перед вами предписание военного губернатора, принятое к исполнению войсковым начальством. Громов обязан проследовать в Хабаровку для дознания. Ни о выдаче Франции, ни о каторге, ни о приговоре речи нет. Он подозреваемый, а не осужденный. Смуты в станице я не допущу. Любая попытка помешать исполнению предписания будет расценена как открытое неповиновение.

Атаман повернулся к хорунжему и спросил уже спокойнее:

— Каков порядок конвоирования, Антон Павлович?

— Громов задержан как подозреваемый, — ответил Митрофанов, — и самовольно покидать расположение не имеет права. До Хабаровки он будет находиться под неотлучным надзором двух жандармов.

Акулина Никитична охнула, схватилась за сердце и осела на лавку.

— Воды, живо! Расступитесь, дайте воздуху! — распорядился Юдинцев.

Он уже был рядом. Достал из саквояжа пузырек и принялся отсчитывать капли.

Пелагея Александровна шагнула к чиновнику.

— Чтобы с ним как с преступником не обращались, слышите? Не заслуживает он этого.

— Истинно так, — поддержала ее пришедшая в себя Акулина Никитична. — Он отца под теми снарядами потерял, а теперь еще сам ответ держать должен?

Я посмотрел на Сашу. Она побледнела, но держалась стойко. Только пальцы, лежавшие на коленях, крепко сцепились.

Баба Серафима одернула темный фартук:

— Раз на дознание везете, так и обращайтесь по закону. Чай, не преступник он.

Тут уже не выдержали мои друзья.

— Я с ним до Хабаровки пойду, — сказал Илья. — Он мой побратим.

— Мы всей командой за него поручимся и показания дадим, — загудели Прохор с Меренским. — Глеб Маркелович, отпустите нас с Андреем!

— Я тоже с братом поеду! — Олег ринулся вперед.

— Отставить балаган! — рявкнул Овсянников. — Если следствию понадобятся свидетели, вызовут по форме.

— Тихо, братцы. — Я поднялся из-за стола. — Глеб Маркелович прав. Поеду один. На месте разберутся, тогда уж и вернусь домой.

Иного выхода не было. Стоило крестному или друзьям перегнуть палку, дело могли обернуть бунтом или мятежом. Название само не шибко важно. Под ударом оказался бы не только я, но и дорогие мне люди.

— Оружие приготовьте к сдаче, — сказал хорунжий.

— Мой револьвер в снях.

Один из жандармов принес кобуру. Федюков, принявший на себя составление описи, вынул оружие и бегло осмотрел.

— Американский «Смит-Вессон». К французским трофеям не относится.

— Я выменял его позже у десятника Албазова. К событиям на канонерке он отношения не имеет.

— Вещественным доказательством револьвер не является, — заключил чиновник. — Но как подозреваемому брать его с собой вам не дозволено.

При Овсянникове, Митрофанове и конвойных «Смит-Вессон» передали Степану Анисимовичу на хранение.

— Нам надлежит принять, описать и опечатать французское оружие и другое имущество, относящееся к тем событиям, — продолжил Федюков.

— Все хранится в курене Кравцовых, где я живу.

Мы вышли со двора бабы Серафимы. Со мной пошли Федюков, хорунжий, Овсянников, два жандарма, Степан Анисимович, тетка Поля, Акулина Никитична и Олег. Остальным атаман велел разойтись по домам и не разводить балаган.

Я возвращался по той же улице, по которой совсем недавно шел свататься. Только теперь рядом шагал конвой. Меня не связывали и не придерживали, но намерения показывали ясно. Да и лезть в бутылку самому сейчас было не с руки.

— Чего это Андрея повели? Никак на каторгу? — донеслось из-за плетня.

В курене я открыл сундук и выложил на стол французские трофеи. Каждая вещь напоминала о тесном кубрике, ожидании петли, мокрой палубе, шторме и пятнадцати смертниках. Для чиновника это были вещественные доказательства. Для меня — нечто большее.

— Винтовка системы Кропачека, винтовка Лебеля, морской тесак, кожаный ранец, — перечислял Василий Петрович, занося все в журнал. — А револьвер системы Шамело-Дельвина?

— Обменян у десятника Албазова на «Смит-Вессон».

— Его мы тоже обязаны изъять.

— Я распоряжусь, — вмешался Овсянников. — Револьвер доставят в правление.

Федюков кивнул. Из ранца мне позволили выложить личные вещи, после чего жандармы забрали оружие.

Пелагея Александровна принесла дорожную сумку. Я сложил туда сменную рубаху, исподнее, мыло, немного денег и документы.

Акулина Никитична стала добавлять хлеб, копченое мясо, яйца и туесок с медом, никак не могла остановиться.

— Матушка, ну куда ему столько? — Тетка Поля мягко отвела ее руки и оставила лишь то, что могло пригодиться в дороге.

Под присмотром конвоя меня повели в станичное правление. У крыльца уже ждал Албазов. Он передал Шамело-Дельвина Овсянникову и молча посмотрел на меня. По лицу Дениса Палыча было видно: сказать ему хотелось всякого, но при Митрофанове он сдержался.

В кабинете изъятые внесли в протокол, я расписался в описи.

— Извольте выдать копию для рапорта в окружное правление, — потребовал Овсянников.

Федюков заполнил еще один лист и передал атаману.

Когда с формальностями закончили, меня повели к пристани. Возле небольшого парового катера уже собрались близкие. Саша пришла вместе с моими друзьями.

Я остановился в нескольких шагах от нее.

— Жди меня, Саша. Я вернусь. Все для этого сделаю.

— Я буду ждать, Андрей, — ответила она. — Береги себя. Ангела-хранителя тебе в дорогу.

Она перекрестила меня. Не заплакала и не бросилась ко мне, только крепче сжала край платка.

— И ты дурными мыслями себя не изводи.

Степан Анисимович подошел ближе.

— Если бумаги какие дадут подписывать, сперва читай внимательно. Правды не скрывай, но лишку не болтай.

— Понял, крестный.

— По первому зову в Хабаровку двину, анда, — сказал Илька, выступив из толпы.

— Держись, Абиссинец. Где наша не пропадала! — бросил Моренченко

Я поднялся на борт. Меня сразу провели в маленькую пассажирскую каюту у рубки. Формально я оставался задержанным для дознания, выйти без разрешения не мог, а у двери встал жандарм из конвоя.

Через крохотное окно я смотрел на берег. Катер дал гудок, плицы зашлепали по воде, и пристань стала отдаляться. В Лончаково оставались Саша, крестный, тетка Поля, Олег и мои друзья.

Примерно через три часа сумерки накрыли реку, берег и вода слились в одну темную стену. Катер сбавил ход. За переборкой раздался голос капитана:

— Все, ваше благородие. Дальше в темноте не пойдем.

— Как не пойдем? У меня предписание доставить подозреваемого без промедления!

— А я вам говорю: ночью идти — верная смерть. После дождей вода гуляет, фарватер меняется. Корчей и топляков с верховьев нанесло. Напоремся на бревно и пойдем ко дну вместе с вашим губернаторским предписанием. Вон огни станицы Венюковой. Там заночуем, а с рассветом двинемся дальше.

Федюков для порядка повозмущался, но спорить с капитаном не стал. Катер предупредил станицу гудком и пошел к пристани.

— Значит так, — распорядился Митрофанов, обращаясь к старшему из жандармов. — Идем к местному атаману. Громова до утра определим в холодную. Вы с Чебышевым будете меняться и охранять, а господина Федюкова пусть определяют на постой. Мне тоже найдется место при станичном правлении. Не на катере же всю ночь куковать.

— На выход, Громов.

Дверь распахнулась.

— Дозвольте сперва до ветру?

— Иди. Только без глупостей. Марин, Чебышев, за ним!

Когда мы выбрались из ивняка и направились к станичному правлению, из темноты навстречу выступили две здоровенные фигуры. Фонарь на столбе осветил знакомые лица.

— Ба! Глазам не верю! — раздался густой бас. — Никак сам Громов к нам пожаловал?

Братья Архиповы, Ермолай и Дмитрий, радостно улыбнулись, но тут же заметили жандармов с винтовками.

— Андрей, ты чего это под конвоем? — нахмурился Дмитрий.

— Назад! К задержанному не подходить! — крикнул жандарм, перехватывая берданку.

— Спокойно, братцы. — Я поднял руку. — Долго рассказывать. В Хабаровку везут на дознание.

— В Хабаровку? А сейчас куда тянут? — спросил Ермолай, глядя на конвойных.

— В холодную велено, до утра, — буркнул старший. — Отойдите, казаки. Не мешайте службе.

— В холодную? Как тата какого-нибудь? Не выйдет. Да и занята она нынче. Обождите здесь.

Ермолай развернулся и растворился в темноте.

Ждать пришлось недолго. Федюков и Митрофанов как раз подошли от катера, когда к пристани быстрым шагом направился атаман станицы Венюковой. Рядом с ним шел Ермолай.

— Здравия желаю, господа, — басовито поприветствовал прибывших атаман. — Слыхал, у вас арестант особый?

— Подозреваемый по делу государственной важности, задержанный по предписанию военного губернатора, — ответил хорунжий. — Следуем в Хабаровку. Прошу оказать содействие и предоставить помещение для содержания.

— Содействие окажем, отчего не оказать, — усмехнулся атаман в усы. — Только в холодную мы его не пустим.

— Это еще почему? Вы отказываетесь содействовать войсковому начальству? — спросил Митрофанов.

— Никак нет. Вам велено доставить его в целости. В холодной сейчас трое хунхузов, места и без того нет. Да и негоже казака с разбойниками держать. Громов для нашей станицы человек не чужой: сестру Архиповых из плена вытащил. К тому же вы сами сказали, что он пока подозреваемый. У нас постоянный двор справный. Там и вас разместим, и конвою тепло будет, и Громову отдельную комнату выделим. Поставите у двери часового, никуда он не денется.

Хорунжий помолчал и переглянулся с Федюковым.

— Извольте. Но если сбежит, ответственность разделите со мной.

— Не сбежит, — сказал Ермолай. — Казак от своих слов не бегаёт.

На постоялом дворе меня заперли в небольшой, но чистой комнате на втором этаже. У двери уселся жандарм.

Я бросил суму на кровать, снял сапоги и вытянулся поверх одеяла. Вскоре постучали. В комнату заглянул старший конвоя, а из-за его спины протиснулся Дмитрий Архипов с объемистым узлом.

— Вот, брат, держи. — Дима положил сверток на стол. — Ермолай велел передать. Тут пироги с рыбой, сало, свежий хлеб и табачок. Матушка узнала, что ты здесь, сразу собирать кинулась.

— Благодарствую. Неловко даже.

— Брось, Андрей. Ты нам сестру вернул, мы твою доброту до гроба помнить будем. Держись в Хабаровке. Там, глядишь, начальство разберется.

Он крепко пожал мне руку и вышел.

Подняли меня около пяти утра, когда над рекой еще висел серый туман. Над Уссури разнесся гудок катера, котлы уже набирали пар.

У пристани, несмотря на такую рань, стояли братья Архиповы. Рядом с ними, кутаясь в пуховую шаль, ждала Настя. Увидев меня, она робко улыбнулась и помахала рукой.

— С Богом, Андрей! — крикнул Ермолай, когда я ступил на сходни. — Ты там не плошай. На обратном пути обязательно к нам заезжай. Ждать будем!

— Заеду!

Катер дал гудок. Плицы забили по воде, перемалывая туман, и пристань Венюковой растаяла в серой дымке.

Весь день мы шли вниз по Уссури. Река ширилась, берега раздвигались, тайга тянулась по сторонам бесконечным зеленым морем. Я сидел в каюте и пытался понять, как снова влез в очередную заваруху. Поганей всего было то, что теперь здесь замешалась политика.

К вечеру вода за бортом изменила цвет. Мутные желтые буруны Уссури встретились с темной водой огромной реки.

Мы вышли в Амур.

Он поражал шириной и мощью течения. На его фоне наш катер казался щепкой. Вскоре на высоком правом берегу появились строения: сперва отдельные дома, потом добротные кирпичные здания и золотые купола церквей. У причалов теснились пароходы, баржи и плашкоуты.

Мы приближались к Хабаровке, центру Приамурского генерал-губернаторства, где решалось многое из того, что происходило на всем Дальнем Востоке империи.

Катер сбавил ход, прошел между судами и направился к пристани военного ведомства.

Оттуда меня повели пешком. Впереди шагали Федюков и хорунжий, по сторонам держались оба жандарма. По установленному порядку казака следовало поместить в холодную при Войсковом правлении. Однако Уссурийское казачье войско учредили совсем недавно, и собственной холодной при правлении оно еще не имело. Поэтому задержанных казаков временно содержали на гарнизонной гауптвахте по соглашению с военным начальством.

Городская жизнь разительно отличалась от станичной. Колеса пролеток и телег вязли в раскисшей глине. Вдоль домов тянулись дощатые мостки. Мимо сновали мастеровые, офицеры вели дам, стараясь не забрызгать платья.

На меня, шагающего с жандармами, оборачивались. Одни шептались, другие поспешно отводили глаза. После Лончаково город казался огромным, шумным и совершенно чужим. Там меня знали по имени, а здесь видели перед собой лишь арестанта.

Вскоре мы подошли к мрачному зданию из темного кирпича за высоким забором. Это была гарнизонная гауптвахта на Военной горе.

В дежурной Федюков положил перед офицером бумаги и опечатанный ранец с оружием.

— Задержанный Громов доставлен согласно предписанию. Вот опись изъятого. Оружие и вещественные доказательства передаю под вашу расписку.

Пожилый поручик с равнодушным взглядом сверил печати, пересчитал узлы на бечеве и расписался в журнале.

— Принять подследственного. В третью одиночную.

— Позвольте, господин поручик. Какого подследственного? В предписании сказано: подозреваемый, доставленный для дознания.

Поручик даже глаз не поднял.

— На гауптвахте все равны. Увести.

Меня обыскали, забрали портупею. Дорожную суму с харчами тоже изъяли, оставив лишь сменное исподнее. Затем повели по коридору, где шаги гулко отдавались от низкого потолка.

Камера оказалась узкой, шага три в длину. Крошечное зарешеченное оконце под самым потолком впускало бледный свет. Вдоль стены темнел сколоченный из плах топчан, в углу стоял деревянный ушат.

Лязгнул засов, провернулся ключ и я остался один.

Примерно через два часа за дверью послышались шаги. Меня вывели, подняли на второй этаж и подтолкнули в кабинет следователя.

За массивным дубовым столом сидел человек в гражданском мундире Министерства юстиции, с петлицами коллежского асессора. Узкое лицо, аккуратная борода, пронзительные голубые глаза. Перед ним лежала толстая папка.

— Присаживайтесь, Громов. — Он указал на стул. — Судебный следователь по особо важным делам Александр Иванович Пилипенко.

Я сел и выпрямил спину.

— Господин следователь, прежде чем вы начнете задавать вопросы, хочу прояснить свой статус. Почему со мной обращаются как с осужденным? Я подозреваемый, а меня бросили в одиночную камеру, лишили вещей...

— Оставьте этот тон, Громов. — Пилипенко открыл папку. — Вы больше не подозреваемый. Вы обвиняемый. Постановление вынесено мною сегодня утром на основании документов, поступивших из Министерства иностранных дел.

— Обвиняемый? В чем именно?

— В морском разбое. В вооруженном захвате военного судна дружественной державы. В убийстве французских подданных при исполнении. Наконец, в деяниях, едва не вовлекших Российскую империю в войну.

Слова прозвучали как приговор. Память Добрецова привычно разложила услышанное по полочкам. Меня не собирались расспрашивать. Мне показывали готовое обвинение и ждали, когда начну оправдываться. Я заставил себя сидеть спокойно.

— Захват «Метеора» был самообороной. Французы расстреливали Новую Москву из орудий. Если бы мы не взяли канонерку, нас всех вздернули бы на рее прямоком в море.

— Французов ваши объяснения не интересуют, Громов, — усмехнулся Пилипенко. — Для Парижа вы захватили военное судно и пленили его команду. Республика требует выдачи зачинщиков. В Петербурге идут переговоры. Знаете, что нужно столице, чтобы успокоить французов?

Он подался вперед, сцепив длинные пальцы.

— Им нужна ваша голова. И головы остальных ваших поделльников. Если вас признают виновным здесь, то Франции вас не выдадут. Но впереди Сахалин и лет двадцать каторги. Пожалуй, это лучший для вас исход.

— Я присяги не нарушал, — сказал я сквозь зубы. — И чести своей...

— О какой чести вы говорите? — Пилипенко откинулся на спинку стула и достал несколько исписанных листов. — Ваши мотивы на «Метеоре» мне понятны, но дальнейшие подвиги рисуют иную картину.

Он выдержал паузу и продолжил вкрадчиво:

— Следствию поступили любопытные показания из Владивостока. Арестованные матрос Сенцов и ветеринарный врач Градов оказались весьма разговорчивы. Оба утверждают, что вы были полноправным участником их шайки и за плату помогли убить ротмистра Резанова.

— Что за бред? Я сам скрутил Сенцова и сдал капитану Шестакову. Если мы были в сговоре, зачем мне это делать? Да и во время убийства я сидел в карцере.

— Обычная ссора поделльников. Не поделили добычу, не договорились. Всякое бывает. Сенцов и Градов утверждают, что вашей долей за молчание и соучастие должен был стать породистый строевой жеребец Беркут. Тот самый, с которым вы сошли на берег во Владивостоке.

— На коня есть дарственная, выписанная по всей форме купцом Иваном Сергеевичем Назаровым.

— Ах да, дарственная. — Пилипенко брезгливо подцепил лист двумя пальцами. — Бумага качественная, печати похожи на настоящие. Только мы проверили: ни во владивостокских, ни в хабаровских, ни в одесских гильдиях купца с таким именем нет. Документ подложный.

Вот тут я прокашлялся. Имя Назарова дал дядя Аркадий. Если следствие раскопало дарственную, копали не только под меня.

Пилипенко положил лист на стол.

— Как вы это объясните? Кто снабдил вас фальшивыми бумагами на краденого коня?

— Я не знал, что они подложные. Человек представился купцом и подарил Беркута за то, что я спас коня в шторм. Сенцов лжет, пытаясь выгородить себя.

— Ложь на лжи! — Пилипенко ударил ладонью по столу. — Сначала вы захватываете боевой корабль, затем оказываетесь замешаны в убийстве гвардейского офицера, а после обзаводитесь фальшивыми документами. Вы не герой, Громов. Вы опасный и расчетливый авантюрист. А еще успели втереться в доверие новому атаману и устроиться писарем при Глебе Маркеловиче Овсянникове.

Он резко встал, обошел стол и навис надо мной.

— Но и это не все. Меня интересует Аден. Горстка оборванных добровольцев без гроша в кармане внезапно получает оружие, припасы, проводников и уходит от французов. Кто-то щедро оплатил вашу вылазку. Знаете ли вы Семена Трофимовича Бирюкова?

Речь шла о Семе Рыжем.

— Не припоминаю, — солгал я без паузы.

Рыжий знал Исмаила, видел его в Адене и выполнял его поручения. Но настоящего имени дяди он, насколько мне было известно, не слышал.

— А он вас помнит прекрасно. — Ассессор едва заметно улыбнулся. — И оказался на редкость разговорчив. Из Екатеринодара по его делу пришли любопытные бумаги.

Пилипенко взял протокол и зачитал:

— «...и там же, в Адене, делами заправлял человек, которого называли Исмаил. Он тайно снабжал нас оружием, деньгами и давал указания...»

Следователь бросил лист на стол.

— Исмаил. Тот самый человек, который, как я полагаю, позднее снабдил вас фальшивой дарственной. Вы пешка, Громов, но вы выведете меня на крупную рыбу. Кто такой Исмаил? Каковы его настоящее имя и подданство?

Пилипенко связал воедино Сагалло, Аден, дядю Аркадия, «Кострому» и Беркута. Один неверный шаг, и я потяну за собой всех.

— Я не знаю никакого Исмаила. Ваш Бирюков, спасая свою шкуру, готов наплести сказок хоть про арабских джиннов. Сенцов мстит за то, что я его поймал и сдал капитану. Я состою в приговорительном разряде станицы Лончаково Уссурийского казачьего войска и готовлюсь к службе. Не шпион я и не убийца. Больше мне сказать нечего.

Лицо Пилипенко покраснело, показная утонченность слетела разом.

— Ты играешь с огнем, Громов! — заорал он. — Не понимаешь, где находишься? Твой атаман Овсянников остался в станице. Здесь за тобой никто не стоит. Дай мне имя Исмаила, признайся в сговоре на «Костроме», и я переквалифицирую дело. Пойдешь свидетелем и вернешься домой к своей невесте. Есть ведь уже такая?

Он схватил меня за ворот рубахи.

— А если нет, то пуцу в ход все, что имею. А тут много: пиратство, убийство офицера, шпионаж. Ты сгниешь на сахалинских рудниках, не дожив до двадцати пяти. Кто такой Исмаил?

Я снял его руку со своего ворота и посмотрел прямо в бешеные глаза.

— Записывайте в протокол что хотите, господин следователь. Я никого оговаривать не собираюсь.

Пилипенко резко повернулся к двери.

— Караул! В карцер его. В подвал, на хлеб и воду. Посмотрим, как запоет через неделю!

Тяжелая дверь распахнулась. Но вместо караульного на пороге появился Федюков, привезший меня из Лончаково.

— Отставить, Александр Иванович. Хватит с него, — произнес он будничным тоном.

Лицо Пилипенко мгновенно изменилось. Ярость исчезла, будто ее и не было. Он одернул мундир и ответил обычным голосом:

— Есть, отставить.

Я еще пытался осмыслить перемену, когда Федюков шагнул в кабинет. За его спиной показалась знакомая фигура.

Дядька. Аркадий Игнатьевич.

Сердце екнуло от радости и злости. Я, кажется, все понял, и прямо сейчас хотелось хорошенько приложить по шее всех, включая самого дядьку.

Но я взял себя в руки, выдохнул и начал подниматься ему навстречу. Аркадий тоже отступил в сторону, освобождая проход. Из полумрака коридора вошел еще один человек.

Я замер, наполовину привстав со стула.

Здесь я мог ожидать увидеть кого угодно, но только не его.

Я смотрел на знакомое лицо человека, которого в Хабаровке быть никак не могло.

Перевел взгляд на застывшего Пилипенко, невозмутимого Федюкова, спокойного дядю Аркадия и снова на вошедшего.

Теперь я окончательно перестал понимать, что, черт возьми, здесь происходит.

Глава 2. Пароль "Аден"

Я все-таки сорвался. Вскочил со стула, в два шага подлетел к вошедшему за дядей и с размаху впечатал кулак ему в скулу.

Тот отшатнулся, влетел спиной в дверной косяк и едва не сбил с ног стоявшего рядом Федюкова. Я рванулся следом, но Пилипенко перехватил меня за руку и дернул назад.

— Сдурел?! Стоять! — рявкнул дядька.

— Сука, Сема! Как же ты мог? Другом еще назывался! — выкрикнул я, пытаюсь вырваться.

Рыжие вихры, знакомый хитрый прищур. Передо мной стоял Семен Бирюков, Рыжий, мой товарищ по Сагалло, Адену и всем нашим приключениям на далеком Ближнем Востоке.

Семен сплюнул на пол кровь, потрогал наливающуюся синяком скулу и вдруг хохотнул.

— О-о, вот теперь узнаю Андрюху. Чуть челюсть не свернул. Это ты мне ту оплеуху в сарае Юсуфа все забыть не можешь?

— Все, Андрей, остынь! — Аркадий Игнатьевич встряхнул меня за плечи и отпустил.

— Проверка закончена и спектакль тоже.

Я замер, переводя ошалелый взгляд с улыбающегося Семена на невозмутимого дядю.

— Какая еще проверка?

Аркадий Игнатьевич не ответил. Повернулся к Пилипенко и Федюкову, наблюдавшим за разыгравшейся сценой.

— Александр Иванович, Василий Петрович, благодарю за службу. Вы свободны. Оставьте нас.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие, — козырнул Пилипенко.

Он первым вышел из кабинета. Федюков молча последовал за ним и прикрыл дверь.

Мы остались втроем. Семен шагнул ко мне, все еще потирая челюсть, и протянул руку.

— Ну что, здорово дневали, Андрюха!

— Слава Богу, Семен, — ответил я, пожимая его крепкую ладонь. — Я ничего не понимаю. Меня только что во всех смертных грехах обвинили, на каторге четвертак прочили. Я уж думал, все, приплыл.

Аркадий Игнатьевич отодвинул стул, на котором сидел Пилипенко, и устроился за столом.

— Присаживайтесь, братцы. Теперь все по порядку. Дознание по делу «Метеора» действительно было. Только прошло оно еще два месяца назад, когда французы снова подняли дипломатический шум.

— А мне ты почему ничего не сказал?

— Потому что делу ходу не дали, Андрей. Неужто ты и вправду думаешь, что Россия позволила бы судить казаков за защиту Новой Москвы? Министр иностранных дел Гирс потребовал разобраться во всем досконально. Разобрались без вашего участия, в высоких кабинетах, и там наши люди вас отстояли.

— А арест в Лончаково? Конвой? Опись моих трофеев?

— Теперь это часть твоей легенды. — Аркадий Игнатьевич чуть улыбнулся. — На такую службу официальной повесткой не вызывают, поэтому настоящее предписание пришлось немного подправить. Новых людей у нас проверяют делом. Со мной в свое время обошлись еще круче.

Он откинулся на спинку стула.

— Как видишь, все сработало. Через месяц вернешься в Лончаково полностью оправданным. Для всех история закончится именно так.

— Вы меня берете на службу?

Дядя подался вперед, и взгляд его стал предельно серьезным.

— А ты забыл наш разговор перед выходом во Владивосток?

— Нет, Аркадий Игнатьевич. Но все слишком неожиданно.

— Привыкай. В нашем деле иначе не бывает. Шлыкова помнишь?

Я кивнул.

— Наверху решили усилить наше направление. Потребуется подготовленные группы вроде той, которой он командует, для дел, которые открыто вести нельзя.

Он понизил голос:

— Нужна разведка по всему Приамурью и дальше. В Петербурге вопрос о строительстве Великого Сибирского пути решен. Новая дорога свяжет Россию с Тихим океаном, а это крепко заденет чужие интересы. Банда метких стрелков, за которой мы охотились больше двух месяцев, только начало. По нашим сведениям, на китайском берегу англичане снабжают оружием и сколачивают хунхузские шайки для нападений на изыскателей и приграничные селения. Японцы тоже проявляют к Приморью нездоровый интерес. Тайная съемка местности была лишь первым шагом их лазутчиков. И без Лондона там, похоже, не обошлось.

Дядя ненадолго замолчал.

— Поэтому и создаются особые разведывательные команды. Вы с Семеном среди кандидатов. Но сам понимаешь, в наше ведомство с улицы не берут. Мне, а главное моему начальству требовалось убедиться, что тебя не так просто сломать и своих ты за понюшку табаку не продашь. Такие испытания проходят далеко не все.

Он одобритительно кивнул.

— Ты справился, племянник. Не дрогнул, никого не оговорил. Как, впрочем, и друг твой Семен.

Я откинулся на спинку стула. Напряжение наконец стало отпускать.

— Значит, я не подозреваемый? И меня ни в чем не обвиняют?

— Совершенно верно. Перед законом Российской империи ты чист.

Я провел ладонью по лицу и повернулся к Бирюкову.

— Семен, ты уж извини. Пилипенко так все обставил, что я поверил. Решил, тебя на допросах все-таки сломали. Злой был, дурной, голова совсем не варила.

Рыжий хмыкнул.

— А я говорил вам, Аркадий Игнатьевич, что Андрею эта история не понравится.

Дядя усмехнулся, но промолчал.

— Добре, с этим разобрались. Но ты-то, Семен, откуда здесь взялся?

— Я же, Андрей, как на Кубань прибыл...

— Все, братцы, — перебил дядька. — В дороге наговоритесь. Времени у нас в обрез.

Он поднялся из-за стола.

— Сейчас вас обоих выведут через задний двор гауптвахты под конвоем, как настоящих арестантов. Погрузят на катер и отправят вниз по Амуру, немного ниже Хабаровки. Там устроен учебный лагерь. С него и начнется ваша подготовка. Поверьте, разговор с Пилипенко скоро покажется легкой разминкой.

Через несколько минут дверь снова открылась. На пороге появился Василий Петрович Федюков, а за его спиной стояли двое конвойных.

— Пора. Прошу следовать за мной.

Во дворе гауптвахты дожидались четверо солдат с винтовками. Они взяли нас в коробку и повели через задние ворота. Со стороны все и впрямь выглядело как конвоирование арестантов.

На пристани стоял небольшой паровой катер.

— Поднимайтесь на борт, — скомандовал Федюков.

Конвоиры остались на берегу. Мы с Семеном поднялись по сходням и сразу спустились в небольшую кормовую каюту. В ней стояли две узкие койки и столик, прикрученный к полу.

Катер дал гудок, отошел от пристани и набрал ход.

— Ну вот, Андрюха, — произнес Рыжий, вытягивая ноги на койке. — Снова мы с тобой в тесной каюте.

— Хотя не связаны. И радуйся, что на этот раз это не кубрик «Метеора».

Дверь отворилась, и вошел Федюков. В руках он держал два одинаковых свертка и пару длинных ножей в черных кожаных ножнах. Положив все на стол, Василий Петрович окинул нас взглядом.

— С этой минуты вы состоите в особой учебной команде. На время подготовки забудьте свои имена, звания и родство. Обращаться друг к другу будете только так, — перевел он взгляд на Семена, — Бирюков будет Рыжий, а Громов — Абиссинец.

Семен покосился в мою сторону и хмыкнул.

— Хотя тут ничего нового выдумывать не стали.

Федюков развязал один сверток. Внутри лежали черная рубаша и такие же шаровары. Второй оказался точно таким же.

— Переоденетесь немедленно. Свою справу сложите и оставьте здесь. Получите после окончания обучения. Ножи тоже ваши.

Я взял ближайший. Вместе с рукоятью он был длиной почти в локоть. Никаких украшений, зато в ладони лежал удобно. Добротная вещь, сделанная на совесть.

Семен вытянул второй нож, проверил хват и вернул в ножны.

— А винтовки?

— Остальное оружие выдадут в лагере, если сочтут нужным. До места высадки около часа. Дальнейшие указания получите там.

Рыжий вздохнул и с надеждой посмотрел на чиновника.

— Василий Петрович, а поснедать тут ничего не найдется? С утра маковой росинки во рту не было.

— Тут вам не харчевня. В лагере накормят. Переодевайтесь.

Он развернулся и вышел.

— Давай, Рыжий, переодевайся, — сказал я, стягивая чекмень.

— Гляди-ка, уже без имени кличешь, хотя я и так привычный, — усмехнулся Семен, разворачивая рубашу. — А сукно и вправду доброе.

Через несколько минут мы сидели в одинаковой черной одежде. Справу сложили на освободившейся койке, ножи повесили на пояса.

Я оглядел Рыжего и усмехнулся:

— Вылитый разбойник.

— На себя погляди. Абиссинец, одно слово.

Катер слегка качнуло на волне. За переборкой шумела машина, в иллюминаторе проплывал высокий берег Амура, поросший тайгой.

Я устроился напротив Рыжего.

— Рассказывай. Как ты здесь оказался?

Семен откинулся к стене, решая, с чего начать.

— Помнишь, как вы с Исмаилом в Адене остались, а мы погрузились на «Москву»?

— Такое забудешь.

— За две седмицы тогда до Одессы дошли. Думали, дорога спокойная будет, но куда там. Домбровский, паскуда этакая, снова бежать пытался.

— С парохода?

— Ага. При заходе в Порт-Саид решил с матросской сменой на берег соскочить. Не ведаю, кого успел купить, только путы с него сняли. Я заметил вовремя. Схватил за шиворот да приложил носом о переборку.

Рыжий зло усмехнулся.

— Я тогда Чугунову предлагал ночью за борт его сбросить. Чужало сердце, что эта гнида опять вывернется. А поплавал бы в море, и дело с концом. Только Федор Николаевич не позволил. Сказал, чести в том нет, да и для допроса Домбровский нужен.

— И что с ним дальше было?

— В Одессе сдали вместе с бумагами кому велено. Думаю, этот пшек давно на каторге кайлом машет.

— Не угадал, Рыжий.

Улыбка сошла с его лица.

— В смысле?

— Домбровского и вправду отправили на каторгу, на золотые прииски неподалеку от моей станицы. Только недавно он сбежал. История долгая, после расскажу. Закончилось тем, что я в него выстрелил. Он рухнул на дно лодки, а течение уволокло ее к китайскому берегу. Теперь не ведаю, жив или рыб кормит.

— Вот же паскуда... — тяжело выдохнул Семен. — Живой, зуб даю. Я эту крысиную породу знаю: такие просто так недохнут. Пока сам могилу не увижу, не поверю. Видать, незря меня сюда занесло.

Он повернул шею до хруста и несколько мгновений смотрел в иллюминатор. Потом потрянул головой.

— Домбровского и бумаги мы в Одессе сдали. После этого нас самих начали таскать на допросы. Про Новую Москву спрашивали, про французов, про тебя с Исмаилом. Кто стрелял, кто приказы отдавал. Одно и то же по десять раз, только заходили с разных сторон. Я уж думал, не выберемся.

— Долго держали?

— Порядком. Вроде и не под арестом, но уехать не давали. Хорошо, Федор Николаевич рядом был. Он этих дознатчиков малость уgomонил.

— А Анциферович?

— Как и говорил, из Одессы доктор отправился в Петербург. Больше о нем ничего не слыхал.

— Сам Чугунов где?

— У себя, в Пластуновской. После возвращения на Кубань я с ним так и не увиделся. Сам восстановился на службе, думал остепениться, жениться. А потом клич кинули: набирают охочих казаков на Дальний Восток. Земли много дают, подъемные обещают. Меня на Кубани особо ничего не держало, вот и записался.

— Один?

— Нет. Еще пара десятков набралась. Опять добрались до Одессы, а потом муторная дорога во Владивосток. Уже здесь, месяца два назад, Исмаил меня и нашел.

— Как интересно?

— Так списки новоприбывших просматривал. Увидел фамилию и явился. Я сперва глазам не поверил, а он все такой же спокойный, будто мы вчера расстались. Сказал, что ты жив, здоров и до крестного добрался. Больше ничего не поведал. Сколько ни допытывался, только улыбался. Потом отправил меня в Хабаровку. Сказал, здесь люди нужны.

— А про эту службу?

— Ни слова. Я даже не знал, в какой станице ты осел. Думал, до Хабаровки доберусь, там разузнаю. Только вчера Исмаил снова объявился, объяснил, зачем меня сюда направил, и спросил, согласен ли войти в особую команду.

— И ты сразу согласился?

— А чего отказываться? Тем более он сказал, что служить стану с тобой. После обучения поселят в твоей станице. Для всех я буду обычным казаком-переселенцем: курень поставлю, семью заведу. А настоящая служба останется в тайне.

Он довольно усмехнулся.

— Мне такое дело по нраву. Ты же меня знаешь!

— Знаю. Вот не сидится тебе на месте, Рыжий.

— Угу, чья бы корова мычала!

Мы рассмеялись.

Катер качнуло сильнее. Где-то наверху прокричал матрос, ему ответили с носа. Машина застучала реже, дрожь под ногами ослабла.

— Пришли, что ли? — Прислушался Семен.

Я поднялся и посмотрел в иллюминатор. За мутным стеклом почти ничего нельзя было разобрать. Над водой стелились серые сумерки, высокий берег сливался в сплошную темную стену.

— Похоже на то.

Вскоре машина умолкла окончательно. Катер по инерции прошел еще немного, и нос мягко уперся в берег. Загрохотали сапоги, заскрипели снасти. Дверь каюты распахнулась, на пороге появился Федюков.

— Переоделись. Это хорошо. С собой только выданные ножи. Справу оставьте здесь, она не пропадет.

Мы поднялись на палубу.

Пристани не было. Катер ткнулся носом в узкую песчаную отмель у подножия высокого берега. Дальше сразу начиналась тайга. Ни тропы, ни заметного прохода меж деревьями я не разглядел.

Матросы перекинули сходни. Федюков сошел первым, следом спустились мы с Рыжим.

В обе стороны тянулся заросший кустарником берег. Ни жилья, ни огней, ни дороги. Только Амур за спиной и глухая тайга впереди.

Василий Петрович достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист и протянул мне.

— Здесь обозначен учебный лагерь. Добраться до него должны самостоятельно. Это ваше первое задание.

Я развернул карту. На ней были нанесены изгиб берега, несколько ручьев, высоты и небольшой крест в глубине тайги. Никакой дороги к нему, разумеется, не имелось.

— На подходе к лагерю будет секрет. Пароль для прохода: «Аден». Он действует до шести часов утра, после его сменят.

— Погодите, — вмешался Рыжий. — Мы сейчас сами должны ночью искать лагерь в тайге?

— Верно.

— Без проводника?

— Без проводника.

— И без оружия?

— У вас есть ножи.

Семен посмотрел на лес, потом на меня и снова на Федюкова.

— До лагеря далеко?

— Это вам надлежит определить по карте.

— А если не найдем или до шести не успеем?

— Первое задание будет провалено, и значит к дальнейшей службе вы не годитесь.

— А коли выйдем на секрет после смены пароля? Стрелять станут?

Федюков невозмутимо поправил очки.

— Значит, следует прийти вовремя.

— Хорошенькое начало, — пробормотал Рыжий.

Василий Петрович повернулся к катеру.

— Поднять сходни!

— Василий Петрович! — окликнул его Семен. — Который теперь час?

— Без четверти девять, — ответил Федюков уже с борта.

Машина снова застучала. Катер медленно попятился от берега, развернулся на течении и стал набирать ход. Через несколько минут его темный силуэт растворился в сумерках.

Мы остались вдвоем.

Рыжий посмотрел вслед ушедшему катеру.

— Ну что, Абиссинец, служба и вправду настоящая.

Я опустил карту на колени и попытался рассмотреть отметки в последних отблесках уходящего дня.

— Все как ты любишь.

— Да хоть бы покормили, ироды. Перед таким делом пожрать не помешало бы.

— Сначала разберемся, куда идти.

Место высадки пришлось привязывать к карте самому. Судя по изгибу берега, нас оставили возле длинной излучины Амура, верстах в семи от креста. Сначала предстояло пройти вдоль реки на восток, пересечь ручей у самого устья, затем повернуть на северо-восток. Дальше путь преграждали второй ручей и вытянутая сопка, которую следовало обогнуть с запада.

— До рассвета управимся? — спросил Рыжий.

— Если не собьемся. Пошли уже.

Над тайгой проступили первые звезды. Я нашел Полярную, определил север и сложил карту. Пока предстояло двигаться вдоль берега. Через полверсты должен был попасться распадок с ручьем. От него и свернем в тайгу.

— Может, раньше повернем? — спросил Семен.

— Можно. Только потом до утра будем искать, откуда начали путь.

Отмель вскоре закончилась. Пришлось пробираться сквозь тальник, обходить поваленные деревья и продираться между кочками высокой осоки.

Наконец впереди послышалось журчание. Это из тайги вытекал узкий ручей.

— Первый есть, — сказал я.

— А мне показалось, версты три отмахали.

Мы перешли ручей по камням у самого устья. Я сверился с картой. Все совпадало: каменная коса и невысокий обрыв выше по течению.

— Теперь на северо-восток. До второго ручья около двух верст.

Под кронами сразу стало темнее. Звезды почти исчезли, направление приходилось держать по редким просветам между деревьями. Я выбирал впереди приметный ствол, доходил до него, находил следующий и так вел нас в глубь тайги.

Через полчаса Рыжий начал тяжело сопеть.

— Далеко еще?

— С полверсты.

— А пожрать тут ничего нельзя? Уже мочи нет.

— Вон лимонник. Ягоды еще зеленые, но лист или стебель пожевать можно.

Семен сорвал лист, сунул в рот и скривился.

— Кислятина-то какая. И во рту вяжет.

— Зато взбодрит.

Чуть дальше попался дикий орешник. Зверье обобрало нижние ветки, но наверху еще оставались зеленые орехи. Мы набрали по пригоршне и пожевали молочные ядра.

— Вот это другое дело, — одобрил Рыжий. — Ежели в лагере кормить не станут, вернемся сюда.

Второй ручей оказался широким, но мелким. Мы перешли его по камням и снова сверились с картой. Дальше предстояло подняться между двумя высотами, обогнуть западный склон вытянутой сопки и спуститься в распадок. Там и стоял крест.

— Больше половины прошли, — сказал я.

— А времени сколько?

Часов у нас не было. Оставалось судить только по звездам.

— Около полуночи.

— Такими темпами как раз к смене пароля придем.

— Дальше лес должен быть чище, попробуем ускориться.

За ручьем началась заросшая осокой низина. Под травой блестела вода, выступали поросшие мхом кочки. Мы попытались обойти топь, но сухая полоса вскоре закончилась. Пришлось выломать по длинной следе и пробираться от кочки к кочке, проверяя дно перед собой.

До сухого места оставалось не больше сотни шагов, когда за спиной раздались хлопанье и вскрик.

Я обернулся. Рыжий провалился между кочками по пояс и, пытаясь выбраться, уходил глубже.

— Не дергайся!

— А я, по-твоему, купаться собрался?!

Я лег животом на широкую кочку и протянул ему слегу.

— Цепляйся. Ногами не молоти, грудью ложись на кочку и ползи ко мне.

— Легко тебе говорить!

— Делай, Рыжий! Времени мало!

Он перестал барахтаться и подтянулся. Я перехватил его за запястье и выволок на твердую землю.

Несколько мгновений Семен лежал, тяжело дыша. Потом сел и осмотрел перепачканную одежду. Вода стекала с шаровар, от него несло болотом.

— Хороша справа. Только выдали, уже стирать надо.

— Цел?

— Кажись, да. Даже сапоги не потерял.

Мы обогнули топь и поднялись по склону. Над головой снова показались звезды. Я нашел Полярную и проверил направление. Обход увел нас к востоку, пришлось забирать левее, возвращаясь на прежний курс.

На небольшом холме ветер донес резкий звериный дух. Я остановился и поднял руку.

— Что? — шепотом спросил Рыжий.

Впереди затрещали ветви, послышалось тяжелое сопение. В темноте мелькнула широкая спина.

— Секач.

Семен вытащил нож.

— Убери. Только разозлишь.

Зверь фыркнул совсем близко. Мы замерли. Через несколько долгих мгновений кусты качнулись, и кабан с треском ушел вниз по склону.

Рыжий убрал нож.

— Жаль. Сейчас бы мяском разжились.

— Тут тебе не кубанская степь. На секача с ножом не ходят.

— Есть хочется, Абиссинец.

— Пошли уже.

Вскоре справа показалась вытянутая сопка. Сверяясь с картой, мы обогнули ее по западному склону и вышли на седловину между нею и соседней высотой. Отсюда начинался распадок с третьим ручьем. Крест находился примерно в полуверсте ниже по течению.

Дальше мы почти бежали. Первой показалась старая лиственница, расщепленная молнией. На карте она была отмечена раздвоенным значком. Затем нашлись три валуна у ручья, а за ними распадок расширился в ровную поляну.

— Пришли, похоже, — выдохнул я.

Рыжий остановился рядом.

— И где лагерь?

Поляна была пуста. Ни строений, ни палаток, ни костров. Даже дымом не тянуло.

Мы обошли ее по кругу. Я проверил опушку, заглянул за валуны, поднялся выше по склону. Ничего. Ни следов людей, ни рубленых ветвей, ни утоптанной земли.

— Может, лагерь замаскирован? — предположил Рыжий.

— Целый лагерь так не спрячешь.

— Значит, пришли не туда.

Я развернул карту. Совпадало все: расщепленная лиственница, валуны, ручей, очертания склонов. Крест приходился точно на середину поляны.

— Туда.

— Тогда нас обманули.

Я напился из ручья. По моим прикидкам, до шести оставалось около трех часов.

— Может, Федюков не ту карту дал?

— Такие люди случайно картами не ошибаются. Значит, сделал это намеренно.

Я положил лист на плоский валун и принялся изучать заново. Русло Амура, ручьи, высоты, несколько примет и крест. Даже стрелки, указывающей север, не было.

Возле креста обнаружилась крохотная дырочка. Сперва я принял ее за случайный прокол, но затем заметил похожее отверстие у нижнего края листа.

— Погоди-ка...

Я сложил карту по старым сгибам. Отверстия сошлись.

— Чего там? — Семен наклонился ко мне.

Я поднял сложенный лист к светлеющему небу. Сквозь четыре слоя бумаги проходил один тонкий прокол. Карту проткнули иглой уже сложенной, а потом одну из дырочек обвели крестом.

Развернув лист, я отыскал остальные отверстия. Всего их было четыре, по одному в каждой четверти карты.

— Крест ложный.

— А дырки?

— Одна пришлась на Амур. Там лагерь не поставишь. Вторая — на топь, где ты искупался. Третья — на эту поляну.

— А четвертая?

Последний прокол находился к северо-западу от нас, за округлой сопкой. Там карта показывала другую седловину и небольшой ключ.

— Вот там, похоже, и лагерь.

Рыжий нахмурился.

— Почему?

— Здесь низина. Весной ее затопит, а с обоих склонов поляна простреливается насквозь. Для тайного лагеря место никудашное. У четвертого прокола сухая седловина, рядом ключ и два пути отхода по распадкам. Другого подходящего места на карте нет.

— Далеко?

Я прикинул расстояние.

— Около четырех верст.

— Успеваем?

— Должны, если поторопимся.

Теперь было не до осторожности. Мы рванули вперед, спустились в заросший папоротником овраг, перешли мелкий ручей и снова полезли вверх.

Небо на востоке начало сереть.

— Рассвет? — спросил Семен.

— Похоже.

Распадок постепенно сузился. Впереди темнели два сходящихся склона, между которыми лежала обозначенная на карте седловина. Справа журчал ключ.

— Должно быть здесь, — сказал я.

— Тихо больно.

— Для тайного лагеря в самый раз.

Мы начали последний подъем. До гребня оставалось несколько десятков шагов, когда впереди щелкнул оружейный затвор.

Мы замерли.

— Стой! Кто идет? — раздался голос из темноты.

— Свои! Аден! — крикнул я.

Глава 3. Костра не разводить

После короткой паузы из темноты донеслось:

— Позывные?

— Ры...

Я зажал Семену рот ладонью и потянул вниз. Рыжий от неожиданности дернулся, но я навалился сильнее и повалил его в высокую траву.

— Назовите позывные! — повторил часовой, которого мы так и не разглядели.

Мы лежали молча.

Память Добрецова сработала мгновенно, подсказывая. Пароль мы прокричали неизвестно кому. Часового не видели, в правильное ли место вышли, тоже не знали. Первый крестик на карте уже привел нас на пустую поляну, а эту седловину мы выбрали лишь по косвенным признакам.

С таким же успехом здесь могла оказаться ловушка. Незнакомец уже знал пароль и теперь требовал наши позывные.

— Стоять на месте! — Голос стал жестче. — Буду стрелять!

Я отпустил Семена, приложил палец к губам и указал сперва на заросли справа, потом вниз по склону. Рыжий удивленно посмотрел на меня, однако кивнул.

Мы поползли пятясь назад. Высокая трава надежно скрывала нас. До кустов оставалось несколько шагов, когда сверху снова окликнули:

— Последний раз предупреждаю! Назовите позывные!

Мы не остановились и грохнул выстрел.

Одновременно перекатившись через край небольшой ложбины, мы съехали вниз по траве. Теперь склон прикрывал нас от стрелка.

Рыжий приподнялся на локте.

— Что за цирк, Андрюха?

— Тише.

— Сам ты тише. Я едва язык не откусил.

— Рыжий, мы не знаем, кто там.

— Часовой, кто же еще?

— Ты сам его видел?

— Нет. — Семен задрал голову.

— Вот и я не видел. Пароль мы уже назвали, а место нашли сами, по проколу на карте. Могли и промахнуться. А сюда до нас могли выйти посторонние и снять этот чертов секрет.

Семен осторожно выглянул из-за кочки и тут же втянул голову обратно.

— И то верно.

Сверху снова потребовали остановиться. Голос теперь звучал немного левее. Нас пытались обойти.

Я потянул Рыжего за рукав и указал вниз. Мы отползли еще на несколько саженей, укрылись за вывороченным корнем здоровенной лиственницы и замерли.

Стало тихо. Лишь едва слышно шелестели листья. Кто-то осторожно раздвинул кусты там, где мы лежали несколько мгновений назад.

— Двое, — прошептал Рыжий.

— Уверен?

— Один идет прямо за нами. Второй забирает правее, в обход.

Я тоже прислушался. Первый двигался короткими перебежками и часто замирал. Второго почти не было слышно, но справа время от времени шелестели кусты, пару раз хрустнула ветка.

— Уходим? — спросил я.

— Нет, Абиссинец. — Рыжий улыбнулся. — Сперва поглядим, кто там нас так увидеть желает.

Резон в этом имелся. Если впереди настоящий секрет, следовало убедиться самим. Если нет, оставлять неизвестных за спиной тем более нельзя. Я кивнул.

Рыжий пошарил возле корней и подобрал два голыша размером с кулак. Один передал мне, второй оставил себе, затем показал вниз по оврагу.

Я приподнялся и швырнул камень как можно дальше. Тот врезался в кусты и загрохотал по осыпи.

Шелест наверху стих. Мы тоже выжидали.

Семен бросил свой камень левее. Голыш упал в траву, ударился о сухой ствол и покатился вниз.

Почти сразу справа мелькнула темная фигура. Один из преследователей направился к шуму, второй остался выше, прикрывая товарища.

Рыжий коснулся моего плеча и указал в противоположную сторону.

Мы поползли вдоль склона, удаляясь от ложного следа. Семен выбирал места, где под ногами не трещали ветки. Когда неизвестные останавливались, замирали и мы. Стоило им продолжить движение, как Рыжий снова начинал тянуть меня вперед.

Объясняться не требовалось. Еще в Африке я убедился в отличной пластунской выучке Семена. Мы миновали заросли ольхи, поднялись по неглубокой промоине и оказались на фланге ищущей нас двойки. Оттуда Рыжий повел нас выше, к седловине. Сделав полукруг, мы вышли им в тыл.

Небо уже светлело. Я осторожно раздвинул папоротник и увидел первого неизвестного. Он лежал шагах в тридцати ниже нас, за поваленным стволом, и держал под прицелом дно оврага. Второй короткими перебежками приближался к месту, куда улетели камни.

Оба были одеты странно. Из-под темных плащей виднелись свободные шаровары и короткие сапоги. Лица чем-то вымазаны. На расстоянии люди почти сливались с подлеском.

Двигались они со знанием дела: вместе не сходились, открытых мест избегали, под возможный выстрел не подставлялись.

Я всмотрелся в оружие ближнего. Точно не берданка, затвор другой. Винтовка показалась знакомой. Такая имела и у крестного: старая шестилинейная Крнка с более толстым стволом.

Подобное оружие могло оказаться у варнаков, контрабандистов или хунхузов. Ни погон, ни кокард, ни иных признаков принадлежности к войску я не заметил.

Семен вопросительно поднял два пальца, затем указал одним на меня, другим на себя: брать обоих разом.

Я выбрал того, кто лежал за стволом. Рыжему оставался второй.

Мы вытащили ножи. Если подберемся вплотную, приставим клинки к горлу и обезоружим. Потом разберемся, с кем встретились.

Рыжий первым скользнул в кусты, я двинулся следом.

Ближний стрелок лежал к нам спиной. Его товарищ успел спуститься ниже и прочесывал заросли возле осыпи. Оба сосредоточились на поиске, что позволило нам подобраться сперва шагов на двадцать, а вскоре и на десять.

Семен показал, что забирает правее. Еще немного, и мы разойдемся, каждый к своей цели.

Я перехватил нож поудобнее, готовясь быстро преодолеть оставшееся расстояние.

Возле правой ноги тихо шелкнуло, и это была не ветка.

Веревочная петля затянулась на шиколотке. Из травы взметнулась сеть, ударила снизу, сбила меня с ног и стянула по рукам и ногам. С дерева что-то ухнуло. Похоже, противовес.

Небо с землей поменялись местами. Ветки хлестнули по лицу, и через мгновение я уже раскачивался в нескольких аршинах над склоном, запутавшись в сети.

— Твою ж мать! — выдохнул я и почти сразу услышал матерный загиб Рыжего.

С ним вышло то же самое. Качнувшись, я увидел Семена, висевшего вниз головой в такой же сетке.

Удерживающая веревка уходила вверх через толстый сук. Внизу покачивался противовес из связанных здоровенных камней.

Нож остался в руке, но до каната я не доставал. Сеть сковывала движения. Я искал, за что зацепиться клинком, когда внизу послышались шаги.

Из зарослей вышел человек. Не торопился, словно выбрался на обычную прогулку.

На вид лет сорок, может, немного больше. Высокий, широкоплечий, короткая борода тронута сединой. Одет в такую же черную рубаху и шаровары, как мы с Рыжим. На поясе нож и кобура с револьвером.

Он остановился возле поваленного ствола и посмотрел на стрелков.

— Сыч, Бурый, вас обоих убили. Выходите из секрета.

Тот, что находился ближе, недовольно пробурчал:

— Они же в ловушке.

— Сейчас в ловушке. А до этого подобрались к вам незаметно на пять шагов. Будь у них винтовки, вы оба уже лежали бы запертво.

— Мы их специально вели, — возразил второй.

Незнакомец поднял голову.

— А вы двое, я так понимаю, Абиссинец и Рыжий?

Отвечать мы не спешили. Семен продолжал выворачивать руку с зажатым ножом, пытаясь дотянуться до каната. Я тоже развернул клинок и попробовал подцепить ближайшую веревку.

— Отставить. Не портите сети, еще пригодятся. Сейчас вас спустим.

Он убрал руки за спину.

— Добро пожаловать в лагерь. Ко мне обращаться: Кречет.

Затем повернулся к стрелкам:

— Опускайте.

Двое подошли к противовесу. Один взялся за удерживающую веревку, второй освободил крепление. Сеть дрогнула и медленно пошла вниз.

Мне помогли выбраться, затем освободили Сему. Я поднялся, отряхнул налипшие листья и убрал нож в ножны. Семен размял затекшие запястья.

— Стройся! — скомандовал Кречет.

Сыч и Бурый сразу встали рядом с нами по стойке смирно.

Мы с Рыжим остались на месте. Черная одежда и знание позывных еще ничего не доказывали. Кречет посмотрел сперва на меня, потом на Семена.

— Вам особое распоряжение требуется?

Рыжий не двинулся.

— А документы ваши посмотреть можно? Сомнения берут.

— Какие еще доказательства вам нужны?

— Да хоть какие-нибудь. Мы до сих пор не знаем, кто вы и тот ли это лагерь. Может, нас здесь только и дожидались, чтобы прихлопнуть.

— Имя Исмаил вам о чем-нибудь говорит?

Мы с Семеном переглянулись.

— Говорит, — ответил я.

— Тогда стройся.

На этот раз спорить не стали и вытянулись рядом с Сычом и Бурым.

Кречет прислонился спиной к березе, упер одну ногу подошвой в ствол и достал яблоко. Следом появился небольшой складной нож. Он отрезал ломтик, отправил в рот и лишь потом посмотрел на нас.

— Как поняли, что позывные называть не стоит? Пароль назвали, а позывные утаили.

— Часового мы не видели, — ответил я. — Пароль уже прокричали неизвестно кому, и это было ошибкой. Место нашли сами, по проколу на карте, поэтому не знали наверняка, что пришли правильно. Решили сперва выяснить, кто требует позывные.

Кречет отрезал еще кусок и неторопливо прожевал.

— Ясно. Первое задание вы прошли. Только под ноги смотреть надо тщательнее.

Он указал ножом на сеть.

— Все, кто добирался до вас, называли позывные по первому требованию. Вы первые, кто не подчинился и сумел зайти секрету в тыл. До сети прежде никто не доходил.

— Хорошо придумано, — проворчал Рыжий. — Испытание ваше, стало быть. Под пулями по кустам скакать, потом вверх тормашками болтаться.

Кречет чуть приподнял бровь.

— Неужто Рыжий холостых испугался?

Мы с Семеном переглянулись. И правда, выстрел грохнул, но звука попадания пули мы не слышали. Тогда просто не обратили внимания видать.

— А место как определили? — спросил Кречет, продолжая жевать свое чертово яблоко.

— По запаху, — ответил Рыжий. — Жрать шибко хочется, а тут у вас яблочки дают...

Кречет усмехнулся, убрал недоеденный фрукт, достал из другого кармана еще один и бросил Семе.

— Благодарствую.

Семен поймал яблоко на лету и сразу впился зубами.

— Все, выдвигаемся в лагерь.

Сыч и Бурый шагнули к снаряжению, но Рыжий не торопился уходить.

— А если бы мы и сеть прошли, что дальше было бы?

Кречет посмотрел на него с легкой усмешкой.

— А кто ж вам скажет? Вы на учебе. До какого места с первого раза не дошли, оттуда в следующий и продолжите.

Пока Сыч сматывал удерживающую веревку, Бурый опустил противовес и сложил сеть. Затем они спрятали снаряжение под вывороченными корнями и забросали ветвями. Винтовки взяли с собой.

Кречет пошел первым. За ним двинулись мы с Рыжим, Сыч и Бурый замкнули небольшую колонну.

До лагеря оказалось около версты. Пока шли, окончательно рассвело. Сквозь кроны пробился утренний свет. Тропу я заметил не сразу. Она петляла между деревьями и местами почти исчезала.

Вскоре впереди проступила стена из жердей. Кору с них не снимали, с внешней стороны вплели еловые ветки и кустарник. Из тайги ограду можно было принять за обычный бурелом.

Кречет толкнул небольшую калитку.

За оградой стояла невысокая изба в два окна, рядом наспех сколоченный сарай. Вдоль забора тянулись сооружения, похожие не то на шалаши, не то на кое-как устроенные навесы. Большую часть двора занимала расчищенная площадка с утоптанной землей.

Возле нее собрались еще с десятков человек в одинаковых черных рубахах и шароварах. Возраст разный: самому молодому на вид едва исполнилось восемнадцать, старшему было под сорок. Все крепкие, жилистые. Доходяг и калечных не наблюдалось.

Особенно выделялся широкоплечий бородач с умудренным лицом, словно у батюшки, и сложенными на груди ручищами. Рядом переминался невысокий сухой живчик с заметной хромотой. Увидев нас, оба замолчали.

— Общее построение! — скомандовал Кречет.

Люди мгновенно двинулись на площадку. Сыч и Бурый оставили винтовки у сарая и заняли свои места. Мы с Семеном пристроились на левом фланге.

Кречет вышел перед строем и достал карманные часы.

— Половина шестого, — объявил он, захлопнув крышку. — Из двадцати трех назначенных к прибытию кандидатов добрались шестнадцать. Семеро в команду не попадают. Почти все присутствующие первое задание провалили. Исключения есть, но о них позднее.

Он вынул из-за пазухи сложенный лист и начал перекличку:

— Сыч!

— Здесь!

Позывные сменяли друг друга. Отвечали коротко, без запинки.

— Бурый!

— Здесь!

На позывной Монах отозвался широкоплечий бородач. Следом ответил Соболь. Хромой неожиданно низким голосом отозвался на Кривого. Замыкали список мы с Рыжим.

Закончив перекличку, Кречет убрал лист за пазуху.

— С этой минуты вы составляете учебную команду. Подготовка будет проходить в условиях, приближенных к боевым. Поблажек не ждите. Кто не справится, отправится туда, откуда прибыл. Сегодняшний день дается на обустройство лагеря. Разойдись!

Строй еще не успел распасться, когда Семен поднял руку.

— Разрешите обратиться?

— Обращайся. — Кречет приподнял бровь.

— А как мы такой оравой в эту избу затолкаемся? — Рыжий махнул в сторону строения.

— А вам этого и не нужно, Рыжий.

По строю пробежали смешки. Кречет обвел всех взглядом.

— Кому еще непонятно выражение «условия, приближенные к боевым»? Или кто-то из вас по тайге за хунхузами и контрабандистами со своей избой бегать собирается?

На этот раз засмеялись громче. Даже Монах усмехнулся в бороду.

Кречет дождался тишины и продолжил без улыбки:

— Для непонятливых объясняю. Ножи у вас есть, за забором тайга. На выход за ограду даю не больше двух часов. Но только сегодня. Дальше свободного времени на обустройство не будет.

— А далеко от лагеря отходить можно? — спросил кто-то.

— Дальше линии секретов все равно не уйдете. По периметру выставлено оцепление. Внутри еще пропустить могут, наружу нет.

— Тоже холостыми пугать будут? — усмехнулся Рыжий.

Кречет посмотрел на него.

— Можешь проверить. Но я бы поостерегся.

Смешки стихли. Кречет убрал часы в карман.

— Если кого-то такие условия не устраивают, выйти из строя. Покажу дорогу к реке.

Никто не шевельнулся.

В дальней части ограды заскрипели ворота. Во двор медленно вошла гнедая кобыла, тянувшая подводу. В утреннем свете я сперва не разобрал, что лежит на телеге. Виднелась большая темная груда под рогожей.

Семен снова поднял руку.

— Разрешите обратиться?

Кречет покосился на него и усмехнулся.

— Ты смотри, какой настырный да говорливый попался. Ну, давай.

— А за едой нам тоже в тайгу ходить? Или как тут устроено?

— Сегодня событие особое: учебная команда собралась. Поэтому добывать пищу пока не придется.

Подвода выкатилась на площадку. Возница откинул рогожу. Под ней лежала туша лося.

Кречет указал на телегу:

— Вот ваша еда на ближайшие три дня. Дальше каждый день назначается наряд из двух человек. Их обязанность — добыть пропитание для всей команды. Чем разживутся, тем всех и станут потчевать.

Он еще раз оглядел строй.

— Все. Разбирайте тушу и обустройвайтесь. Разойдись!

Строй уже начал расходиться, когда Кречет словно вспомнил еще одно правило:

— Ах да. Костры разводить запрещено. Никакого дыма над лагерем быть не должно.

Люди остановились.

— А мясо как готовить?

— Сырым жрать будем?

— Скажите хоть, где соль брать? — раздалось справа.

— Соли в наших краях тоже не предвидится, — спокойно ответил Кречет.

По строю прошел недовольный ропот.

— Да как же так? — возмутился один из учеников. — Мясо к вечеру стухнет!

— Разговоры! Кто не готов, шаг вперед.

Кречет обвел всех тяжелым взглядом. Никто не двинулся.

— Вот то-то же.

Он развернулся и направился к избе.

— Не ропщите, братцы, — произнес Кривой. — Разберемся с мясом.

Люди вышли из строя и потянулись к подводе. Мы с Рыжим двинулись следом.

— Здорово дневали, — привычно поздоровался Семен.

Монах посмотрел на него с интересом.

— О, из казаков, стало быть?

— А то не видно?

— Папаху вижу, да красное донце приметил.

— С Кубани я.

— А откуда именно?

Рыжий тут же поднял ладонь.

— Э нет, дядя. Ни имен, ни родни. Просто Рыжий. На этом допрос заканчиваем.

— Добре, Рыжий так Рыжий. Верно говоришь, нечего лишнее выпытывать.

Монах подошел к телеге, откинул рогожу и хлопнул ладонью по борту.

— Так, братцы, кто тушу разделять умеет?

Руки подняли несколько человек. Мы с Семеном тоже отозвались.

Кривой уже осматривал тушу. Потрогал мясо, затем взглянул на светлеющее небо.

— Давайте я займусь. Только помощник понадобится.

— Я и помогу, — вызвался Монах. — У нас с тобой ночлег, почитай, уже имеется.

Он кивнул на кое-как устроенные навесы.

— Остальным толпиться незачем. Времени дали мало, занимайтесь укрытиями. Тушу разделаем, мясо потом на всех поровну поделим.

Кривой снова наклонился к лосю.

— Погода теплая. Работать надо быстро.

Он выпрямился и обвел нас взглядом.

— Кто пойдет за ограду, ищите сухой мох, полынь, дикую мяту, ветки черемухи. Еще нужны ягоды и ветки лимонника, дикий лук, орехи. Крепкие молодые сыроежки тоже несите. Если рогоз попадется, выкапывайте с корневищами.

— Зачем столько всего? — спросил Соболев.

— Мясо мочить нельзя, без соли вмиг гнить начнет. Мхом промокнем кровь и влагу. Остальное нарежем тонкими полосами и развесим в тени, где есть ветер. Полынью, мятой и черемухой попробуем отогнать мух. Лимонник с луком пойдут на то, что сегодня есть будем.

Кривой указал на уже круживших над телегой мух.

— Делать надо быстро, иначе они нашу еду на три дня мигом загубят.

— Что найдем, обязательно притащим, — пообещал я.

Все разбились на пары и потянулись к калитке.

За оградой я остановил Рыжего.

— Сперва ищем жерди для каркаса. Прямые, ростом с человека или чуть длиннее. Еще нужны тонкие прутья либо корни для связок, лапник на стены и подстилку.

— А камни?

— Попадутся рядом, возьмем. Ими нижние края прижмем.

Семен огляделся.

— Ты что строить собрался?

— Низкий шалаш на двоих.

Я показал на небольшую прогалину между елями.

— Все найденное складываем там.

Первую подходящую жердь обнаружили неподалеку. Тонкая сухая ель стояла у края бурелома. Я подрубил ее ножом у самой земли и раскачал, пока ствол не переломился. Очищать от сучьев было тяжело, но сдюжил. Рыжий тем временем собирал лапник.

— Погуще выбирай, — сказал я.

— Сам знаю, чай не дитя неразумное.

Вскоре на прогалине появилась первая куча. Я заготовил еще несколько прямых жердей и обрубил сучья. Семен нарезал гибкие прутья для вязки.

Возле старого выворотня попался мох. Сверху он напитался росой, зато под нависшими корнями оставался сухим.

— Кривому пригодится, — сказал я, осторожно собирая его.

Неподалеку тянулись заросли дикого лука. Мы нарезали большой пучок и крепко перевязали.

Орешник первым заметил Семен. Сорвал молодой орех, раскусил зеленую скорлупу и выковырял светлое ядро.

— Для всех собирай, да гляди не только в свой рот.

— Да ну тебя, Абиссинец! — отмахнулся Сема.

Чуть дальше белели молодые сыроежки. Мы срезали только самые крепкие и не тронутые червями. Возле ручья нашлись полынь и дикая мята. Черемухи поблизости не оказалось, зато пахучих трав набрали несколько охапок.

К тому времени на прогалине скопилось столько добра, что за один раз не унести. Семен обошел кучу и почесал затылок.

— И как я это все потащу?

— Сделаем волокушу.

Я выбрал две тонкие жерди с рогадинами на концах. Между ними привязали несколько поперечных прутьев. Сверху уложили лапник, погрузили мох, травы, лимонник, грибы, дикий лук, орехи и часть веток. Груз как смог закрепил гибкими прутьями.

— Ступай, Рыжий. Тащи к Кривому и возвращайся. Я пока остальным займусь.

Рыжий взялся за концы жердей и потянул легкую волокушу по траве. Я вернулся к работе.

За время его отсутствия дорубил жерди для каркаса, нарезал тонких поперечин и заготовил еще несколько связок прутьев. Для подстилки набрал папоротника.

— Передал? — спросил я вернувшегося Рыжего.

— Передал. Кривой мох одобрил, грибы велел отложить. Говорит, без огня есть не станем.

— Еще что-нибудь собирать велел?

— Нет.

— А лапник где оставил?

— Возле ограды сгрузил. Для нашего дворца.

Мы уложили на волокушу оставшиеся жерди, сверху привязали поперечины и еще лапника. Часть веток пришлось нести в руках. Перед уходом я обошел прогалину, проверяя, не забыли ли чего нужного.

Когда вернулись, у калитки стоял Бурый с винтовкой. Он взглянул на нас, затем на часы.

— Успели. Несколько минут осталось.

— Любят они тут загадки, как я погляжу, — пробурчал Рыжий.

Я сразу принялся искать место для шалаша.

— Здесь ставим.

— Чем это место лучше остальных? — Семен огляделся.

— Сухое и чуть повыше. Ограда от ветра прикроет.

Я расчистил участок и отмерил длину будущего укрытия. Две основные жерди установили наклонно и связали наверху. Между ними закрепили продольную слегу, затем добавили опоры.

Гибкие прутья держали хуже веревки, поэтому каждую связку приходилось затягивать по нескольку раз.

Закончив каркас, мы уложили поперечины и принялись накрывать его лапником. Ветви клали снизу вверх, чтобы верхние перекрывали нижние. Края прижали камнями и короткими кольями.

Внутри первым слоем положили сухие ветки, сверху настелили папоротник, траву и лапник.

Семен забрался внутрь, лег на спину и попытался сесть. Голова уперлась в верхушку шалаша.

— Не разгуляешься тут, Абиссинец.

— Зато теплее, чем под открытым небом. И под дождем мокнуть не придется.

Я осмотрел укрытие изнутри. Между ветками еще оставались просветы, и мы уложили сверху последний слой лапника.

Шалаш вышел небольшим, но крепким. Встать внутри невозможно, зато двое могли свободно лечь и вытянуть ноги.

Рыжий отошел на несколько шагов и оглядел нашу работу.

— Добре. Похоже, знаешь, что делаешь.

Со стороны площадки донесся голос Монаха:

— Еда готова, подходи!

— Вот это сегодня, пожалуй, лучшая новость, Анд... Абиссинец, — оживился Семен.

За время нашей отлучки туша сохатого заметно уменьшилась. Монах и Кривой сняли шкуру, отделили мягкие части, остальное мясо срезали с костей и разделили на длинные тонкие пласты.

В тени уже стояли вешала из жердей. Полосы мяса висели отдельно, не соприкасаясь. От прямого солнца их прикрывали еловые ветви. Вокруг развесили связки полыни, мяты и черемухи, принесенные другими учениками.

Снятую шкуру растянули над местом разделки наподобие навеса.

Кривой осматривал развешанные полосы.

— Травы немного отгонят мух, но надолго не спасут. За мясом придется следить. Появится слизь или дурной запах, сразу говорите. В такую погоду часть все равно может пропасть.

— А три дня оно выдержит? — спросил Соболев.

— Если ветер не стихнет и жара не усилится, но обещать не стану.

Люди собрались на площадке. На больших листьях лежали почти прозрачные ломти мяса, размятые ягоды лимонника, мелко порубленный дикий лук и молодые орехи. Рядом белели сердцевинки рогоза.

Сыроежки накололи на ветки, надеясь подсушить на ветру.

— Сегодня едим понемногу, — предупредил Кривой. — Вырезки на всех мало. Остальное должно хотя бы обветриться.

Мясо недолго подержали в соке лимонника, смешав с диким луком. От кислоты поверхность ломтиков посветлела.

— Кислятина вкус крови отобьет, — объяснил Кривой. — Безопаснее мясо от этого не станет, зато проглотить легче.

Он указал на вешала.

— Завтра, коли не испортится, уже побольше поесть выйдет.

Порции получились небольшими.

Я попробовал мясо. Холодное, непривычно мягкое. Кислота лимонника свела скулы. Дикий лук почти перебивал вкус крови, но ощущение сырого мяса никуда не делось.

Рыжий долго рассматривал свою порцию.

— Чего ждешь? — спросил я.

— Думаю, с какого края начинать.

— С любого. Везде одинаково.

Семен отправил в рот кусок, прожевал и поморщился.

— На сало совсем не похоже.

Морщился, но съел все.

Монах жевал спокойно, словно сырая лосятина была для него привычной едой. Молодой ученик рядом долго вертел ломтик в пальцах и лишь потом решился попробовать. Соболев расправился со своей долей первым.

— С голодухи и это в радость, — сказал он.

После еды работа продолжилась. Несколько человек приводили в порядок площадку. Монах и Кривой проверили вешала, перевесив полосы, к которым плохо поступал воздух.

Мы с Рыжим вернулись к шалашу. Семен забрался внутрь и вытянулся на подстилке.

— Ну, почитай, у нас тут барские хоромы.

К вечеру вдоль ограды вырос целый ряд низких шалашей. Площадку очистили от щепок, кости сложили отдельно: мало ли еще пригодятся.

Солнце скрылось за деревьями. Когда ученики разобрались по своим наспех сооруженным укрытиям, прозвучала команда Кречета:

— Учебная команда, построение!

Он дождался, пока все встанут в строй, и продолжил:

— Перед отбоем все ножи сдать. Складывать возле сарая. Утром получите обратно.

По строю прокатился недовольный ропот.

— Это еще зачем? — спросил Соболев. — Сами же говорили, что условия боевые. А теперь без оружия спать?

— Таковы правила лагеря, — ответил Кречет. — На ночь все оружие сдается.

— А если тревога?

— Получите по команде.

Вопросов больше не последовало. Мы подошли к сараю. Кречет принимал ножи и делал отметки в бумаге. Когда оружие сдали, команда разошлась по укрытиям.

Мы с Семеном забрались в шалаш. Рыжий поворочался, устраиваясь поудобнее, и затих. День выдался тяжелым. Я и не заметил, как уснул.

Проснулся от шороха. Рядом кто-то возился, стараясь выбраться наружу. В тусклом свете, проникавшем через вход, я различил силуэт Рыжего.

— Ты куда? — сонно спросил я.

— До ветру сбегаю.

Семен выполз из шалаша. Сапоги надевать не стал и босиком прошлепал к ограде. Видать, сырая лосятина все-таки пришлась не по нраву.

Я перевернулся на другой бок, подложил под голову руку и снова закрыл глаза.

Очнулся оттого, что не мог дышать.

Чья-то ладонь зажала мне рот и нос. Я дернулся, но человек сидел сверху, коленями придавив мои предплечья к земле.

Я выгнулся всем телом, а незнакомец лишь сильнее навалился на грудь.

Нужно было действовать. Воздуха почти не осталось.

Глава 4. Трое из ларца

Перед глазами потемнело. Я смутно различил бородатое лицо, над которым возвышалась то ли копна волос, то ли огромная несуразная папаха. Гул в ушах нарастал, заглушая удары сердца. Я пытался вырваться, но силы уходили.

Внезапно ладонь, зажимавшая мне рот и нос, соскользнула. Я судорожно втянул воздух и закашлялся.

Рядом кто-то выругался.

— Отпусти его, сволочь!

Рыжий навалился на незнакомца, стараясь стащить его с меня. Бородач качнулся, плечом налетел на жерди, и опоры разошлись.

Продольная слегка сорвалась и рухнула рядом с моей головой. Прутья затрещали, несколько связок распустились. На нас посыпался лапник.

Семен снова дернул незнакомца. Шалаш не стерпел и развалился окончательно.

Рыжий с бородачом выкатились наружу вместе с обрушившимися ветками. Я остался лежать на смятой подстилке, придавленный двумя жердями.

Сбросив лапник, я повернул голову. В темноте различил два сцепившихся силуэта. Семен оказался сверху и пытался прижать противника к земле. Тот не суетился: перехватил Рыжего за руку, вывернул ее и одним движением сбросил Сему в сторону.

Бирюков перекатился через плечо, но сразу вновь вцепился в бородача.

Незнакомец успел подняться на колено, подтянул Рыжего к себе, завел его руку за спину и почти прижал лицом к земле. Действовал спокойно, будто заранее знал, что делать.

Я выполз из-под жердей и, не успев подняться, рванулся к бородачу, вцепившись в его ногу.

Он резко обернулся и на мгновение ослабил хватку. Семен вывернулся. Незнакомец попытался стряхнуть меня, но я уже вцепился руками в его пояс. Перед глазами еще плавали темные пятна, сил после удушья почти не осталось, однако отвлечь бородача удалось.

Семен снова навалился сверху.

— Держи его, Андрюха!

Легко сказать. Больно уж здоровый он был, да и я оказался не в лучшей форме. Бородач ударил Рыжего плечом, уперся ладонью в землю и начал подниматься вместе с нами.

— Отставить! — раздался голос Кречета.

Бородач прекратил сопротивляться.

Семен, тяжело дыша, продолжал заламывать ему руку.

— Рыжий, отставить! — жестче повторил Кречет.

Только тогда Семен отпустил незнакомца, и я разжал пальцы на его поясе.

Похоже, ночное нападение устроили люди Кречета. Очередная проверка, будь неладны эти фантазеры.

Бородач спокойно поднялся, стряхнул с рубахи хвою и поправил странный головной убор. Даже не запыхался, вроде бы.

Семен остался возле меня.

— Живой?

— Пока да, — прохрипел я, сел и огляделся.

От нашего шалаша за несколько секунд осталась лишь груда жердей да веток.

Возле Кречета стояли два незнакомых нам человека, такие же рослые и бородатые. Только теперь я понял, что на головах у них были не огромные папахи, а чалмы, похожие на те, что я видел в Адене и на Цейлоне у индусов. Один из них был постарше других.

Из двух шалашей неподалеку выбирались разбуженные ученики. Кривой держался за шею. Монах выглядел так, будто лишь сейчас понял, что произошло. Возле другого укрытия Соболев потирал затылок, а его напарник растерянно ощупывал свой бок.

Остальные проснулись от шума, выглядывали наружу и спрашивали друг друга, что случилось.

Выходит, незнакомцы наведались не только к нам.

— Учебная команда, построиться! — скомандовал Кречет.

Ученики потянулись на площадку. Я все еще не мог отдышаться и растирал горло.

Рыжий наклонился ко мне.

— Был бы нож, я бы иначе бородатого встретил.

Кречет дождался тишины.

— Этой ночью три прибывших мастера-наставника проверили три группы. Результаты плачевные. Две партии условно уничтожены. Абиссинец погиб бы следом, не вернись Рыжий. Эти двое оказали сопротивление, но спасла их случайность, а не предусмотрительность.

Он обвел взглядом строй.

— Остальным радоваться тоже не следует. До вас этой ночью просто не добрались. Абиссинец, доложить, что произошло.

Я прокашлялся, но легче не стало.

— Рыжий вышел до ветру, а я заснул. Очнулся, когда противник уже сидел на мне и душил. Освободиться не выходило. Рыжий вернулся, стащил его, после чего я вмешался, как смог.

— Приближение противника ты слышал?

— Нет.

— Значит, будь ты один, погиб бы, — подвел итог Кречет и повернулся к Семену: — Как сумел подойти незаметно?

— Босиком возвращался. Увидел возле сарая троих. Они разошлись по шалашам, а этот направился к нашему. Я пошел следом и застал его уже внутри.

Кречет задал бородачу короткий вопрос на незнакомом языке. Тот ответил несколькими отрывистыми фразами. Старший из троих перевел.

— Возле входа стояли две пары сапог, — сказал Кречет. — Он решил, что оба спят внутри, и не проверил. Рыжий подошел босиком и застал его врасплох. Не радуйтесь такой удаче. Это тоже случайность.

— Ножи для того и отобрали? Чтобы мы ваших бородачей спросонья не перерезали?

— Мастеров-наставников, — поправил Кречет.

— Хорошо, мастеров-наставников.

— Оружие сдали ради безопасности обеих сторон. Вы не знали о проверке и могли пустить ножи в ход. Наставники тоже действовали без оружия. Но в настоящем столкновении таких условий вам никто не предоставит.

Кречет повысил голос, чтобы слышал весь строй:

— И не думайте, будто ножи сильно изменили бы результат. Нож не поможет тому, кто подпустил противника так близко.

Он сделал шаг в сторону.

— Теперь познакомлю вас как следует. Перед вами мастера-наставники, сикхи из Индии.

Я внимательнее посмотрел на людей в чалмах. Индийцев мне доводилось видеть, особенно в Адене, но сикхов прежде не встречал.

Кречет указал на старшего:

— Мастер Раджит Сингх. Обращаться к нему будете именно так.

Раджит сложил руки на груди и коротко наклонил голову. Двое других остались неподвижны.

— Почему именно они? Многие сикхи служат британской короне, но эти трое выбрали другую сторону. Они сами прошли английскую военную школу, знают, как обучают британских солдат, как устроена их служба и чего от них ждать. За плечами наставников тайная война, ночные вылазки и рукопашные схватки. Именно тонкостями обучения британцев они станут с вами делиться, пока вы здесь.

Кречет помолчал и продолжил:

— Теперь о главном. Днем Абиссинец и Рыжий обошли секрет, зашли часовым в тыл и добрались почти вплотную. Вы своими глазами увидели, что внешнюю охрану можно перехитрить. Однако ночью решили, будто за оградой вам ничего не угрожает.

— Но то учебный секрет был, — возразил кто-то справа. — Настоящие часовые чужого не пропустят.

Кречет повернул голову на голос.

— Часового можно обойти, снять ножом или обмануть. А к тому времени, как в лагере поднимется тревога, половина людей может быть вырезана. Помните об этом всегда.

Возражений не последовало. Урок был хорош.

— Внешний караул не снимает ответственности с тех, кто находится внутри, особенно во время боевых действий, — продолжил Кречет. — Оружие вам не поможет, если будете сопеть в две дырочки. Вас было по двое, вот и учитесь спать по очереди.

Он прошел вдоль строя и остановился напротив середины.

— Один отдыхает, второй начеку, затем меняетесь. Понадобилось отойти, сперва разбуди товарища. Пока один спит, другой отвечает за жизнь обоих.

Кречет выдержал паузу.

— Очередность определяете сами. Вопросы?

Строй молчал.

— Разойдись!

Мы начали расходиться. Раджит что-то тихо сказал своим спутникам. Мастер-наставник, с которым мы боролись, посмотрел на Семена и коротко наклонил голову, вроде как с уважением.

Рыжий ответил так же.

— Похоже, понравился ты ему, — прохрипел я.

— Еще бы. Не каждый день ему с такими рыжими красавцами силушкой мериться выпадает.

— Угу. Давай шуруй спать первым, красавец наш рыжеволосый.

Но через пару шагов мы оба поняли, что спать сегодня негде. Семен упер руки в бока.

— Карачун нашим хоромам пришел, Абиссинец.

— Это точно.

Полностью восстанавливать шалаш ночью не имело смысла. До подъема оставалось недолго, но поспать хотя бы по паре часов было нужно.

Мы оттащили слегу в сторону, сложили рядом целые жерди и убрали обломки, на которые можно было напороться в темноте. Потом собрали лапник. Затоптаннные ветки положили вниз, сверху уложили более чистые и остатки папоротника.

Места хватило ровно на одного человека.

Из соседних шалашей доносились приглушенные разговоры. Ученики тоже распределяли смены. Возле одного укрытия уже устроился Сыч, а Бурый забрался внутрь. У другого Соболев сел на землю, подтянул колени и остался смотреть в проход между шалашами.

Теперь возле каждого укрытия кто-нибудь бодрствовал.

Семен кивнул на подстилку.

— Давай все-таки я первый посижу, а ты ложись.

— Добре, через час разбудишь.

Семен разбудил меня, как и обещал. Мне казалось, что я только закрыл глаза. Рыжий улегся на мое место, а я сел рядом. До рассвета мы ещё один раз сменились.

Едва рассвело, Кречет снова построил команду.

Возле сарая стояли четыре деревянные кадки. К каждой привязали по две веревочные петли, сквозь которые продели длинную жердь. Сверху лежали берестяные крышки.

Кречет разбил нас на четверки.

— К реке идете бегом. Двое несут, двое бегут рядом. По команде меняетесь. От своей четверки не отрываться. Обрато принесете воду. Кто расплещет, возвращается и набирает заново.

Кривой поднял руку.

— Бегать не могу.

— От бега освобождаю, от воды нет. Иди следом, догонишь остальных у реки и станешь помогать.

Я, признаться, не понимал, зачем сюда взяли хромого. Кривой был жилистым, и сила в руках была, но для бега по тайге не годился. Значит, чем-то другим сумел зацепить ведомство дяди Аркадия. Недоразумением его появление здесь точно быть не могло.

Мы с Семеном взялись за жердь первыми. С нами поставили Сыча и Бурого. Они должны были бежать по сторонам и сменить нас по команде.

Пустая кадка только с виду казалась легкой. На первых шагах она закачалась, веревочные петли натянулись и принялись дергать жердь то вперед, то назад. Семен рванул, а я попытался держать его темп, но кадка ударила меня по бедру, затем качнулась к Рыжему.

На узкой тропе ее край зацепил ветку. Жердь дернуло, и я едва не выпустил ее. Глянул на Бирюкова своим любимым взглядом, и он все понял без слов. Ноги у этого двужильного просто длиннее, оттого поймать общий ритм было нелегко. Но вскоре кадка почти перестала мотыляться.

Бежать все равно было тяжело. По команде Сыч и Бурый приняли жердь, а мы двинулись рядом. Через несколько сотен шагов сменились вновь.

На последнем спуске между деревьями блеснула вода. Услышав шум реки, все прибавили ходу и почти одновременно выбежали на каменистый берег.

Кадки поставили возле самой воды. Несколько человек тут же опустили на колени и начали пить, черпая воду ладонями. Остальные последовали их примеру.

Семен стянул рубаху и полез в реку.

— Вот чего мне со вчерашнего дня не хватало.

Он окунулся с головой. За ним в воду полезли еще несколько человек, в том числе и я.

Кривой появился, когда мы уже выбирались на берег. Он оглядел течение и выбрал место, где вода быстро шла над каменистым дном.

— Набирайте здесь. Со дна не черпайте, иначе песок да ил подымете.

Кадки наклоняли, удерживая за петли. До края не доливали на пару ладоней, потом возвращали берестяные крышки и притягивали их гибкими прутьями.

Полная кадка потяжелела в несколько раз.

Двое несли жердь, двое шли рядом. Бежать с таким грузом уже не выходило. На подъемах свободная пара подхватывала кадку за петли, на спусках придерживала, не давая раскачиваться. Менялись часто, иначе было никак.

По дороге Кривой велел снять с поваленной березы несколько цельных пластов коры, потом указал на гибкий орешник и попросил нарезать прутьев.

В лагере кадки установили в тени. Рядом положили общий берестяной черпак. Из набранной коры Кривой начал делать чашки, вернее, учить этому нас.

Он выбрал куски помягче, соскоблил ножом верхний белый слой и принялся тереть и разминать бересту ладонями. От тепла рук она стала податливой, словно выделанная кожа. Кри-

вой загнул края прямоугольного пласта вверх, формируя бортики. Чтобы посуда не потекла, углы не резал, а аккуратно уложил складками вдоль стенок. Затем расщепил вдоль прут орешника и этим упругим зажимом стянул верхний край, закрепив складки.

— Руками в кадки не лазить, своей посудой не зачерпывать, — распорядился Кривой. — Только общим черпаком.

Кречет дал полчаса, чтобы мы поснедали и оправились.

Подвешенная на ночь лосятина потемнела и обветрилась. Снаружи пласты стали почти сухими, однако под коркой мясо оставалось сырым. Кривой осматривал каждый кусок и прихвальнолся. У одного срезал потемневший край, другой целиком выбросил в отхожее место.

— Травой тут не исправить, — сказал он.

Сикхи сели вместе с нами. Мастер-наставник, который ночью едва не задушил меня, достал из-за пазухи несколько маленьких тряпичных свертков. В одном оказался красный порошок, в другом желтый. В третьем лежали темные семена, в четвертом кусочки сушеного корня.

Названий я не запомнил. Раджит произносил их медленно, но непривычные слова тут же вылетали из головы.

Семена и корень растерли на плоском камне. Добавили немного красного и желтого порошка, толченый лимонник и нарезанный дикий лук. Запах получился резкий и забористый.

Этой смесью натерли полосы мяса.

После первого укуса такого лакомства язык у меня словно онемел, а поврежденное ночью горло обожгло, будто я уголек из костра проглотил.

— Ночью душили, но не смогли, тепереча решили вот так меня взять, — прохрипел я, откашливаясь и запивая водой.

Семен рассмеялся, сам откусил от своей полосы, и ему сразу стало не до смеха. Он вскочил и рванул к кадке.

— Черпаком, — напомнил Кривой.

Рыжий схватил черпак, плеснул воды в чашку и дважды приложился.

— Порошки хорошие, забористые, етить! — объявил он, отдышавшись. — Только вкус мяса куда-то пропал.

— Пряность может скрыть дурной вкус. — Раджит внимательно посмотрел на него. — Дурное мясо хорошим она не сделает.

Говорил он по-русски медленно, с сильным выговором, но вполне понятно.

После еды Кречет снова выстроил нас.

— Мастера-наставники останутся в лагере на четыре дня. Три дня будете разбирать отдельные приемы, на четвертый пройдет проверку. Их задача — научить вас противостоять хорошо обученным малым группам. А вам нужно запомнить то, что в другом месте узнать не сможете.

— Выживать в тайге они вас учить не станут, хотя живут в наших краях больше пяти лет.

— За выживание в тайге отвечает ваш боевой товарищ. — Кречет указал на Кривого. — Опыта у него хватает, спрашивайте и учитесь. Мастера-наставники долго служили у англичан и сами прошли их подготовку. Они знают, как действует противник и где у него слабые места. Сейчас, когда британцы начали засылать в эти края небольшие обученные отряды, такой опыт нам пригодится.

— Мало заметить того, кто идет по вашему следу, — добавил Раджит. — Нужно вовремя понять, есть ли у него прикрытие, прежде чем получите пулю в лоб.

Первое упражнение выглядело простым на словах. Каждой паре назначили маршрут. Требовалось пройти его, не оставить заметных следов и вернуться в лагерь так, чтобы наставник нас не обнаружил.

Мы с Семеном двинулись через сухой сосняк. Выбирали твердую почву, обходили грязь, не задевали молодые ветви. Там, где лежала хвоя, ступали осторожно, стараясь не оставлять следов. Дважды меняли направление, останавливались и долго слушали.

Но ни хруста, ни шагов сзади не было.

Возле ручья мы прошли по камням, затем поднялись по сухому склону и сделали приличную петлю. Решив, что никто за нами не появился, вернулись в лагерь с противоположной стороны.

— Оторвались, кажись, — сказал Семен.

Наставника, с которым мы боролись ночью, звали Даршан Сингх. Раджит перевел его имя как Видящий. Даршан выслушал наш доклад и перечислил весь путь почти слово в слово: сосняк, ручей, склон.

Оказалось, все это время он шел сзади.

— Вот же ж, мы ни разу его не слышали, — пробормотал Семен. — И не глухие вроде.

— Вы старались исчезнуть, — объяснил Раджит. — Но ни разу не заставили преследователя пройти там, где могли бы его увидеть. Поэтому не знаете наверняка, оторвались или только решили, что оторвались.

Во второй раз задача изменилась. Теперь следовало не скрыться, а доказать, что за нами идут, выявить преследователя.

Во влажной низине мы нарочно оставили хорошо читаемые следы. Вышли к ручью, некоторое время двигались вдоль воды, затем свернули и широкой дугой вернулись назад. Позицию выбрали на склоне, откуда просматривался наш след.

Ждали недолго. Между деревьями показался Даршан. Он двигался не торопясь, осматривал отпечатки и время от времени прикладывал ладонь ко лбу.

Семен коснулся моего плеча, указал на него и улыбнулся. В это время чья-то ладонь легла мне между лопаток, а другая коснулась шеи Рыжего.

Мы не заметили, как сзади приблизился второй наставник, Балдев Сингх. Раджит перевел его имя как Бог Силы. Даршан спокойно продолжил идти по нашему следу, словно ничего не произошло.

— Убиты, — произнес Раджит, когда мы вышли к лагерю.

— Но мы нашли преследователя, — возмутился Семен.

— Вы нашли человека, которого вам позволили заметить. Значит, он мог быть приманкой.

К вечеру мы повторили упражнение еще несколько раз. Иногда преследователь шел один, иногда наставники менялись ролями. Один нарочно шумел, второй держался в стороне. Один показывался на открытом месте, другой обходил позицию тех, кто пытался следить за ним.

После занятий мы едва держались на ногах. До отбоя пришлось восстановить шалаш. Вернули на место уцелевшие опоры, связали каркас новыми прутьями и набросали сверху лапник. Получилось хуже прежнего, но сил наводить красоту не было.

Перед отбоем опять сдали ножи. Теперь в каждой паре один бодрствовал.

Следующие два дня наставники гоняли нас, учили выявлять лазутчиков, распознавать ложные следы и устраивать скрытые перехваты на тропе. Работали парами и тройками: один высматривает, другой слушает, третий прикрывает отход.

Сказать, что эта наука была для меня совсем новой, не могу. Тот же Албазов со своими пластунами в тайге дал бы этим индусам прикурить, как пить дать. Но наставников, как и говорил Кречет, прислали затем, чтобы мы поняли образ действий противника.

Отдельно нам вбивали в головы приемы английских стрелков: как по коротким командам и перестроениям определить, где наблюдатель, где прикрытие и куда смещается застрельщик.

На четвертый день устроили проверку. Требовалось связать все вместе: заметить слежку, не выдать себя, завести преследователя в засаду и найти того, кто прикрывает его со стороны, самим не подставившись.

Мы с задачей справились, хоть и с оговорками. Остальные тоже прошли проверку лишь частично: нескольких условно убили. На этом наше знакомство с гостями из Индии закончилось.

Раджит признал задачу выполненной и сразу перечислил ошибки. В одном месте Сема слишком резко отвел ветку, я тоже пару раз сплеховал. По словам сикха, засаду мы устроили слишком явно. Будь противник настоящим и хорошо подготовленным, он мог бы раскусить нашу задумку.

— Принцип поняли, дальше будете учиться на практике, — подвел итог Кречет. — Времени, чтобы отточить все навыки до совершенства, у нас нет.

Когда занятия закончились, Кривой осмотрел остатки лосятины и большую часть выбросил в выгребную яму: без соли и обработки мясо стухло. Оставил лишь несколько пластов, которых всем толком не хватило бы и на ужин.

— Запас кончился, — объявил Кречет. — С этого дня кормите себя сами.

Первыми на заготовку провизии назначили Соболя и Бурого. Им выдали плетеную корзину и ножи. Кречет разрешил пройти к определенному участку реки, не выходя за линию секретов.

— Если вернетесь пустыми, голодными останутся все, — предупредил он.

К вечеру Соболя и Бурого вернулись с тяжелой корзиной. Улов был небогатым: четыре крупные рыбины и около дюжины разномастной мелочи. Но после четырех дней на сырой лосятине от вида свежей рыбы на лицах всех учеников появились улыбки.

Кречет отвел место в середине площадки.

— Отныне разрешается одно общее костровище. Огонь разводить только здесь и в установленное время. После приготовления угли погасить.

Крупную рыбу насадили на очищенные прутья, мелкую уложили на плоские камни возле углей. Наконец-то удастся поесть горячего. Жаль, не было котелка, чтобы сварить похлебку.

Я смотрел, как рыба доходит над углями, и вспомнил ночь, проведенную с побратимом на берегу Уссури. Тогда, чтобы не замерзнуть, Илья посоветовал уложить под лапник нагретые камни. Это сильно помогло.

— Рыжий, собирай большие камни. Сейчас нагреем их в костре и уложим под лежанку. Спины прогреем, спать теплее будет.

— А раньше сказать не мог? — Бирюков перестал жевать.

— А ты раньше костер где-то видел?

Он хмыкнул, и мы начали таскать к костру камни. Остальные спросили, что мы задумали, и, поняв идею, присоединились. Вскоре у углей лежала груда булыжников. Перед самым отбоем мы палками перетаскивали их к шалашам, уложили в ямки под подстилками, засыпали землей и вернули сверху лапник.

— Вот это я понимаю, Абиссинец! — Сема расплылся в улыбке и вытянул ноги на лапнике. — Почитай, как на печи лежишь, и кости хорошо прогревает. Эх, еще бы в баньку да с веничком!

— Будет тебе и банька, и веничек, — улыбнулся я. — Дай срок...

Глава 5. Третий не лишний

Через несколько дней мы перестали считать ушибы, содранные ладони и случаи, когда Кречет объявлял нас условно убитыми.

За оградой наставники устроили полосу, которую Рыжий сразу окрестил бесовым кругом. Начиналась она на дне распадка. Оттуда надо было бегом подняться по крутому склону, перейти ручей по мокрому бревну и проползти под натянутыми веревками. К ним привязали костяные погремушки: заденешь хоть одну, получишь лишний круг.

Дальше шли частокол и болотистая низина, а за ними участок с веревочными петлями, спрятанными в траве. Стоило зацепить одну ногой, как бечева дергала подвешенную погремушку. За каждую сработавшую ловушку назначали лишний круг. Затем следовало перетянуть через валежник условно раненого товарища, метнуть нож в деревянную колоду и вернуться в лагерь с мешком песка на плечах.

Пройти полосу быстро было недостаточно. Кречет требовал, чтобы мы делали это бесшумно.

В первый раз Семен попытался взять препятствия с наскока. Легко взлетел по склону, проскочил половину бревна, поскользнулся и рухнул в ручей. Пришлось возвращаться к началу.

Я двигался осторожнее. Не упал, не задел погремушек и обошел первую петлю, но потерял столько времени, что Кречет не преминул это отметить.

Монах лучше всех переносил тяжести. Он взваливал условно раненого на плечо и нес, будто мешок с сеном. Зато под веревками его широкая спина постоянно цепляла сторожки, и справиться с этим он никак не мог.

Кривой проходил круг последним. Подъемы давались ему тяжело, через частокол он перелезал долго, зато почти все ловушки замечал заранее. Там, где остальные видели обычную траву, Кривой будто носом чувал сторожки и обходил их безошибочно.

Сыч и Бурый поначалу не могли договориться меж собой, преодолевая препятствия, но через несколько дней уже двигались слаженно: один проходил опасное место, второй наблюдал и подсказывал. Потом менялись.

Мы с Рыжим тоже притерлись и научились понимать друг друга без слов. Видать, полоса с ее каверзами для того и была устроена, ведь в одиночку выполнить все требования Кречета не получалось.

Семен перестал рваться вперед, а я сократил время на проверку опасных мест. Мы проходили круг быстрее, и проклятые погремушки звенели все реже.

Ночью возле каждого шалаша по-прежнему бодрствовал один из пары. Кречет установил двухчасовые смены. Если наблюдатель засыпал или вовремя не будил товарища, обоих считали уничтоженными, поднимали и запрещали спать до утра.

Через несколько таких ночей тело привыкло просыпаться от первого прикосновения, но полноценным отдыхом это назвать было трудно.

Еда по-прежнему оставалась скудной. Каждый день очередная пара уходила добывать пропитание. Иногда приносили рыбу, орехи, корневища рогоза и съедобные растения, а бывало, возвращались почти с пустыми руками.

Особенно удачным оказался наряд Монаха и Кривого. К вечеру они вернулись с четырьмя зайцами, корзиной грибов и связкой дикого лука.

Зайчатину жарили на сырых деревянных рожнах, воткнутых наискось у огня. Грибы нарезали и разложили на плоском камне возле углей.

Рыжий получил кусок заячьей ноги, втянул аромат и выдал:

— Эх... Как бы сделать так, чтобы Монах да Кривой каждый день за добычей уходили. Авось приносятся и в следующий раз нам подсвинка приволокут.

Этот заячий ужин вспоминали еще несколько дней.

Утром после очередного бесова круга ворота открылись, и во двор въехала подвода. На ней лежали длинные ящики, несколько скатанных шинелей и треноги в кожаных чехлах. Рядом шли двое мужчин в такой же одежде, как у нас.

Первый был высоким, с седыми висками. Кречет представил его Стрелком. Второго, заметно ниже и круглее, назвал Мерщиком.

Они разгрузили подводу и открыли ящики. В одном лежали винтовки. Английскую винтовку «Ли-Метфорд» я узнал сразу: с такими ходили люди, стрелявшие в изыскателей. Рядом лежала целевая винтовка с длинной прицельной трубой над затвором. Отдельно стояли коробки с патронами, видать, теми самыми, с пулями в мельхиоровой оболочке.

Во втором ящике хранились зрительные трубы, компасы, дальномерные рейки и разные мелкие приспособления.

— Оружие и снаряжение изъято у английских лазутчиков и их помощников, — объявил Кречет.

Стрелок поднял винтовку с трубой.

— Кто-нибудь прежде имел дело с прицельной телескопической трубой?

Я поднял руку.

— Говори, — обернулся Стрелок.

— Делал похожую из половины морского бинокля. Потом пытался приладить ее к берданке.

— И как?

— Стрелять можно дальше и точнее. Вот только толкового крепления сладить не удалось. После пяти-шести выстрелов, а бывало и после двух, прицел сбивался. Приходилось снова пристреливать винтовку. Морока одна, хотя сама мысль дельная.

— Сравни. — Стрелок протянул мне винтовку.

Здесь крепление оказалось иным. Трубку намертво удерживали массивные стальные кольца на жестком основании. Все винты были притерты плотно, без зазоров. Никаких кожаных прокладок и тонких медных пластинок, которыми я пытался зажимать свой бинокль.

— Чувствуешь разницу? — спросил наставник.

— Само собой. Тут мастер делал. Тонкая работа, в сарае одним молотком такую не повторишь.

— Верно. А еще ты, вероятно, выверял ее на одной дистанции и решил, что этого достаточно.

— Нет. Что на разных расстояниях она работает по-разному, я понял почти сразу.

Стрелок кивнул и положил ладонь на зрительную трубу.

— Запомните. Оптическая труба не заставляет пулю лететь дальше. Она лишь помогает лучше видеть цель. Чем дальше цель, тем заметнее действие ветра и падение пули.

Мерщик расставил на дальнем краю поляны вехи и рейки. Он заставлял нас определять расстояние на глаз, а потом проверять шагами и простым угломером. На ближней дистанции небольшая ошибка почти не сказывалась, но чем дальше стояла цель, тем сильнее пуля клонилась к земле.

— Чем больше расстояние, тем выше нужно целиться. Ветер тоже сносит пулю, особенно на излете, и часто дует неодинаково по всей дистанции. Мало посмотреть, как шелестят листья рядом с вами, — предупреждал Мерщик. — Следите за травой по всей линии выстрела, за листьями, дымом и поднятой пылью.

У телескопической трубки хватало недостатков. Линза могла блеснуть на солнце и выдать лежку. На близком расстоянии узкое поле зрения мешало быстро поймать цель. После падения или сильного удара крепление сбивалось, поэтому трубу следовало регулярно проверять.

Часть занятий посвятили обратной стороне стрельбы: тому, как самому не стать легкой целью. Для этого Стрелок вывел нас на поляну между двумя укрытиями.

— От пули не увернешься, — сказал он. — Ваша задача не угадать момент выстрела, а не позволить взять себя на мушку.

Семен первым вызвался пройти поляну. Он рванул широким зигзагом, то и дело меняя направление.

Наставник следил за ним через незаряженную винтовку.

— Убит. Еще раз убит. И еще.

Рыжий добежал до укрытия и недовольно обернулся:

— Я же петлял.

— Правильно петлял. После двух поворотов я уже знал, куда ты сделаешь следующий шаг.

Стрелок объяснил, что опаснее всего двигаться равномерно и по прямой. Но и правильный зигзаг быстро становился предсказуемым. Следовало беспорядочно менять длину перебежек, скорость и направление, использовать каждую складку земли и двигаться поперек линии огня.

Порывистый боковой ветер мог помочь: стрелку приходилось одновременно учитывать движение человека и снос пули.

— Но ветер вас не спасет, — предупредил наставник. — Он лишь добавит противнику еще одну заботу. Остальные проблемы должны доставить ему вы.

Я пошел следующим. Дождался порыва, резко пересек поляну и упал за кочкой. Потом рванул вправо, замер и неожиданно вернулся на несколько шагов назад.

— Убит, — объявил Стрелок, когда я добрался до укрытия. — Но не сразу. Теперь ты хотя бы не был ярмарочной мишенью, как Рыжий. Жизни это не гарантирует, но шансы увеличивает.

Он отдельно предупредил, что нельзя вскакивать сразу после выстрела. Противник мог нарочно промахнуться, заставляя цель покинуть укрытие, или рядом мог работать второй стрелок.

Оставшийся день и несколько следующих мы провели на стрельбище. Результаты у меня оказались лучшими среди учеников. Ничего удивительного: в феврале я бил по французам в качающихся шлюпках со стен Сагалло, причем из берданки. Английская винтовка была куда совершеннее.

Большую часть наставлений я знал из памяти Добрецова. Но знать и уметь в новых условиях не одно и то же. Приходилось привыкать к винтовке, прицелу и патрону, проверяя каждое свое движение на стрельбище.

Мне было важнее уверенно работать на дистанции до пятисот шагов и быстро делать следующий выстрел. Для наших будущих дел этого пока должно хватить.

Я не выпячивал свои знания, но по уверенным действиям Стрелок, кажется, и сам кое-что понял. Сема тоже заметно подрос в дальней стрельбе. Сначала ему плохо давались оценка ветра и расстояния, но через несколько дней он уверенно поражал грудную мишень с трехсот пятидесяти — четырехсот шагов.

Когда занятия по дальней стрельбе и противодействию ей закончились, мастера-наставники собрали оружие и упаковали английские винтовки в ящики.

Подвода скрылась за воротами. Нам дали немного отдохнуть, а к вечеру в лагере появился новый наставник.

Он был невысоким, сухим и жилистым казаком лет сорока с небольшим. Волосы коротко острижены, выдающийся чуб, одежда самая простая. Двигался он бесшумно, а смотрел так, будто сразу оценивал обстановку.

— Мастер-наставник Хопёрец, — представил его Кречет. — Родовой казак, пластун с большим опытом. Некоторое время прожил на Хоккайдо среди айнов, кое-какие их ухватки перенял и пристроил к своей многолетней пластунской выучке. Где и как служил прежде, вас не касается. Он научит пользоваться тем, что вы носите с собой от рождения: глазами, ушами, носом, головой и даже кожей.

Хопёрец обвел строй внимательным взглядом.

— Оружия у человека может быть много, — произнес он. — Только первым своим оружием не всякий пользоваться умеет.

— Каким первым? — спросил Соболев.

Хопёрец коснулся пальцами виска.

— Этим.

Первый урок мастер-наставник устроил сразу. Перед колодой он положил обычный нож, несколько прямых металлических стержней, плоские пластинки с острыми краями и небольшой топор. Кречет поднял один из стержней.

— Японцы называют такие стержни бо-сюрикенами, а плоские — хира-сюрикенами. Эти вот мне от айнов достались, — сказал Хопёрец, — названия запоминать необязательно. Важнее понять, для чего они годятся.

Мастер-пластун почти без замаха послал стержень в доску. Следом в щит вошли плоская пластинка, нож и топор. Потом наставник вытащил из кучи лосиных костей обломок ребра, заостренный черепок и короткую деревянную палочку. Кость застряла в дереве, черепок расколол сырой глины, а палочка сбила с веревки подвешенное яблоко.

— Так и ложкой убить можно, — уважительно присвистнул Рыжий.

— Можно. — Хопёрец перевел на него взгляд. — Только суп потом руками хлебать придется.

По строю пробежал смешок.

— Это не волшебство, — сказал Кречет. — Шагов с пяти даже ложка может быть опасна. С двадцати она скорее отвлечет внимание, но иногда и этого достаточно, чтобы спасти жизнь.

Мы с Семеном хорошо владели метанием ножей. Мне навык достался от Добрецова, а Бирюков служил в пластунской команде, да и свои родовые ухватки переданные отцами и дедами были у каждого, потому для нас это открытием не стало.

Однако Хопёрец заставил по-другому взглянуть на вещи вокруг. Кроме ножей мы метали камни, палки, металлические пластинки и обломки костей. Предметы он подбирал разной длины и веса. В настоящей схватке привычного ножа под рукой может не оказаться, зато с земли можно поднять камень, черепок или брошенный инструмент. Иногда достаточно не поразить противника, а отвлечь его.

У каждого предмета был свой баланс. От него зависели хват, сила броска и число оборотов в полете. Не почувствуешь сразу, толку не будет. Для этого и требовалось бросать снова и снова, каждый раз что-нибудь другое.

Лучше всего у меня выходило с ножами. Их вес и поведение в полете были привычны. Камень то уходил выше, то бил рядом с мишенью. Семен, напротив, быстро осваивался с любым предметом, лишь бы тот удобно лег в ладонь. Он несколько раз подбрасывал находку, будто взвешивал, нащупывал хват и почти сразу понимал, как бросить.

— Враг ждать не станет. Рука должна решить раньше головы. А для этого выучка нужна.

В следующие дни он взялся по-новому учить нас пользоваться слухом, зрением, обонянием и осязанием.

Нам завязывали глаза и по очереди проводили через лес. Требовалось различать шум воды, ветер в кронах, птицу, зверя и человека. Потом задачу усложнили: надо было определить, сколько людей прошло рядом, куда они двигались и где остановились.

Поначалу все сливалось в общий шум. Я слышал ручей, шорох травы и стук дятла, но не всегда понимал направление и не мог отделить важное от обычных лесных звуков.

Хопёрец ходил вокруг бесшумно, не задевая ни одной ветки. Пластуны Албазова на подходе к китайскому импаню двигались почти так же, но какая-то неуловимая разница все же была.

— Обычный человек слышит шум, — говорил он. — Охотник слышит, чего в этом шуме не хватает.

На следующем уроке нам наглухо залепили уши размятым воском. В тишине пришлось понимать жесты товарищей и ловить движение краем глаза. Хопёрец заставлял замечать чужую тень на траве, неестественно качнувшийся куст и круги на стоячей воде.

Чтобы научить слушать землю, он сперва уложил меня ничком. Я прижал ухо к грунту, но слышал только удары собственного сердца. Тогда наставник достал короткую бамбуковую палочку, упер один конец в сухой корень, а второй велел зажать зубами.

— Ухо тут спит, а зубы слушают, — пояснил Хопёрец.

Я стиснул палочку и затаил дыхание. Дробный стук передался прямо в голову: Семен, отошедший на полсотни шагов, наступил на корягу.

Рыжий хмыкнул:

— Меня такому еще дед учил. Только бамбука у нас на Кубани не было, пользовались камышом или осокой, желательно чтобы сухой полый стебель был.

Он вбил нож в тропу и велел мне прижаться ухом к рукояти, а сам ушел вперед. Шагов через триста Семен развернулся и зашагал обратно. Теперь я отчетливо слышал его приближение.

Хопёрец одобрительно кивнул и протянул Рыжему бамбуковую палочку:

— Возьми себе.

Сам он срезал тонкую сухую ветку, очистил ее, один конец упер в тот же корень, а другой велел мне зажать зубами. Шаги Семена передавались слабее, чем через бамбук, но все же различимо.

— Бамбук хорош, да не обязателен, — сказал Хопёрец. — Сухое дерево тоже слушать может.

Запахам наставник уделял не меньше внимания. Он совал нам под нос холщовые кисеты со здешним табаком-самосадом, оружейным маслом, дегтем и разными травами. Мы угадывали их вслепую, а потом выходили в подлесок, ловили запахи по ветру и выслеживали по ним человека.

— Ветер — первый доносчик, — говорил Хопёрец. — Человек может молчать. Его сапоги, махорка и железо молчать не умеют.

По его команде мы полдня ходили босиком по мху, речному отсеvu, глине и каменистым перекатам, а глаза нам завязывали платками. Он учил ступать с носка на пятку. Голыми пальцами надо было нащупать сухой сучок или острый край глыбы и замереть прежде, чем ветка хрустнет или камень скрипнет. Семен управлялся лучше остальных: пластунская выучка никуда не делась.

Тяжелее всего давалась неподвижность.

Хопёрец рассаживал нас в засаде и запрещал шевелиться. Комары садились на лицо, ноги затекали, по шее ползали муравьи. Стоило кому-нибудь прихлопнуть насекомое или изменить положение, как рядом бесшумно появлялся мастер-наставник.

— Дерево не думает, сколько ему стоять, — говорил старый пластун. — Оно стоит годами.

Мы заметили у Хопёрца странную привычку. Через день он уходил в низину за лагерем, разводил крохотный огонь и ставил над ним небольшой котелок. Топил сухими тонкими ветвями, так что дыма почти не было. Потом засыпал золу, возвращал дерн на место и приносил с собой маленький мешочек.

Время от времени старый пластун доставал оттуда белую липкую массу, катал между ладонями продолговатые комочки и ел отдельно от всех.

Рыжий наблюдал за ним с нескрываемым подозрением.

— Кречет, похоже, ему особый сыр выдает, — сказал он однажды. — Или тесто какое. Вон втихую лопают, а мы корешками давимся.

— Это не сыр.

— Откуда знаешь?

— Видел похожее в Сингапуре. Вареный рис, может быть чумиза.

— И чего он его в мешке мнет?

— Спроси сам.

— Еще чего. Я и так пойму.

В один из дней очередь добывать пищу дошла до нас с Семеном. Кривой показал участок реки, куда разрешалось идти, и выдал плетеную корзину.

— Соболь вчера порвал сеть, — сказал он. — Так что сами думайте.

Мы вырезали две остроги из молодых жердей, обожгли концы на общем костровище и заточили ножами. В мелкой протоке Рыжий полез в воду и стал гнать рыбу к каменистой косе, где ждал я.

— Наконец-то дело понятное, — сказал он.

Первая рыба сорвалась с моей остроги. Вторая ушла между ног Семена. Но через час мы все же набили корзину: несколько крупных рыб и с десяток мелких.

На берегу принялись чистить улов. Я пластал самую крупную красную рыбу, когда рядом неслышно появился Хопёрец.

Наставник внимательно осмотрел добычу, раздвинул жабры одной рыбы и срезал с нее тонкий ломтик.

— Сырая, — заметил Семен.

— Свежая, — поправил Хопёрец.

Он достал из мешочка комочек риса, скатал его между ладонями, положил сверху ломтик рыбы и спокойно съел в один укус.

Потом сделал еще два таких куса и протянул нам.

— Айны меня на Хоккайдо к такому прирастили, — пояснил Хопёрец. — Вот привык, — пожал он плечами.

Семен с подозрением разглядывал угощение. Я попробовал первым. Рис оказался пресным, рыба — солоноватой и немного пахла огурцом. После нескольких недель лагерной еды сочетание показалось странным, но не дурным.

Рыжий вздохнул и отправил свою порцию в рот.

— Уха лучше. Но ничего, мне даже понравилось.

Хопёрец едва заметно улыбнулся, сделал себе еще несколько кусков и доел остаток риса.

После рыбалки мы зашли в воду, чтобы смыть запах. Я стянул рубаху, и наставник, стоявший на берегу, вдруг замер, разглядывая старые шрамы на груди и плечах.

Он подошел ближе и указал на частые ровные рубцы.

— Линчи?

Я кивнул.

— Хунхузы. Это они ножами резали.

Хопёрец посмотрел на меня и коротко кивнул.

Семен нахмурился:

— Это откуда у тебя такие художества? В Адене вроде не припомню.

— Уже здесь получил. Хунхузы меня тонкими ломтями нарезать пытались, — пожал я плечами.

Так шел день за днем.

Однажды за воротами послышался стук колес. Появился дядя Аркадий. Вместе с ним приехали Шлыков, несколько незнакомцев в темной одежде, вернувшиеся сикхи, Стрелок и Мерщик. Хопёрец уже ждал возле избы.

Кречет построил нас.

— Сегодня начинается итоговый смотр. Продлится до утра. Кто провалится, покинет лагерь.

Первой частью стали отдельные испытания. Бесов круг проходили в полном походном снаряжении. На последнем подъеме требовалось вынести условно раненого, затем метнуть нож и поразить из винтовки дальнюю цель. После бега сердце колотилось, но я выровнял дыхание. Нож вошел в щит по рукоять, следом пуля попала куда надо. Семен прошел полосу еще быстрее, не задев ни одной погребушки.

На испытании чувств нас с завязанными глазами усадили у самой тропы. Требовалось определить число прошедших людей и направление. Напарник безошибочно указал, куда они ушли, а я насчитал пятерых: последний шел след в след за Монахом, пытаясь сбить нас с толку.

В другой раз птицы внезапно смолкли справа. Я вскинул руку в сторону чащи и оказался прав: именно там затаился лазутчик.

Во время метания Хопёрец выставил перед каждым нож, железную пластинку, голыш и мешок со случайными предметами. Мне попался тяжелый кованый костыль, из тех, какими сплавщики скрепляют бревна.

— Ну, этот-то снаряд как раз по плечу, — шепнул Семен.

Костыль, пущенный с оборотом, с глухим треском расколол подвешенный глиняный шар. Хопёрец молча кивнул.

На стрельбе опять использовали английские винтовки с телескопическими трубками, затем навскидку били по ближней фигуре через обычный прицел.

Последним был открытый участок под наблюдением Стрелка. Выбрали место с сильным порывистым боковым ветром. Нужно было пробежать и не подставиться.

Мы с Семеном не пытались увернуться от пули. Дожидались, когда закачаются кусты, и пересекали прогалину короткими рывками. Семен резко уходил вправо, я двигался левее. Потом оба меняли темп, падали за неровностями и поднимались не сразу.

Стрелок дважды успел сопровождать меня прицелом, но я исчезал за складкой земли прежде, чем раздавался щелчок механизма. Рыжего он все-таки объявил пораженным: тот несколько секунд бежал с одной скоростью.

— По вам уже не так просто прицелиться, — заключил Стрелок.

После короткого отдыха Кречет объявил вторую часть испытаний.

Каждая пара получала отдельный маршрут. Требовалось найти лагерь противника, определить число людей и командира, забрать пакет и вернуться до рассвета, не подняв тревоги.

Мы с Рыжим вышли за ограду в сумерках.

Впереди перекликались птицы, шумел ручей, посвистывал ветер. Потом птицы смолкли, и мы залегли. Слева, откуда тянул ветер, пахло табаком и оружейным маслом. Человек прятался где-то выше тропы.

Семен показал два пальца: наблюдателей могло быть двое. Мы не стали искать первого. Оставили нарочно читаемые следы и вывели их к ручью. На камнях разулись, прошли босиком вверх по течению, затем выбрались на другом берегу. Сапоги несли в руках, наступая только на камни и мох.

Через несколько сотен шагов я достал зрительную трубу и осмотрел склон. Между ветвей мелькнул край темной одежды. Наблюдатель шел по нашему ложному следу, держась в стороне от ручья.

Семен тем временем обнаружил второго. Тот двигался позади первого и следил не за следом, а за местами, где могли затаиться наблюдатели.

Мы обошли обоих.

Учебный лагерь стоял в низине, с трех сторон прикрытой валежником. Огня не было. Я насчитал шестерых, но Рыжий заметил еще одного, лежавшего отдельно на склоне.

— Семеро, — шепнул он.

— Командир кто?

Возле шалаша на пне сидел человек, к которому то и дело подходили остальные. Рядом на виду лежал пакет.

Слишком просто.

Мы наблюдали долго. Сидевший на пне раздавал распоряжения, но настоящий командир находился у дальнего края лагеря. Он молчал, зато остальные перед уходом смотрели именно на него.

Пакет возле пня был приманкой. Настоящий висел у командира за поясом.

Подойти напрямую было невозможно. Рядом тянулся тонкий сигнальный шнур, соединенный с костяными погремушками. Семен вытащил учебную метательную пластину и, дождавшись порыва ветра, бросил. Острая кромка перерезала шнур, а ветер заглушил шелест.

Пока Рыжий отвлекал дальнего наблюдателя брошенным камнем, я подполз к командиру и коснулся его плеча тупой стороной ножа.

— Убит, — прошептал я.

Тот молча отдал пакет.

Назад мы пошли другой дорогой. Все складывалось удачно до открытого склона. За ним начиналась знакомая низина, по которой можно было уйти к лагерю.

На противоположном краю показался Стрелок.

Мы легли за кустами. Обход означал лишнюю версту, а до рассвета оставалось мало времени.

Ветер бил поперек склона, то ослабевая, то пригибая траву. Мы дождались сильного порыва и разошлись в разные стороны.

Я сделал короткий рывок, упал за камнем и замер. Семен пересек линию огня, резко сменил направление и скрылся в ложбине. Щелчка не последовало.

Стрелок успел взять Рыжего на мушку, но тот исчез раньше, чем наставник обозначил выстрел. Я поднялся только после следующего порыва и нырнул за складку земли.

К ограде мы вышли с первыми лучами солнца.

На площадке уже стояли несколько пар. Кто-то вернулся раньше нас, кого-то еще не было.

Кречет принял пакет и выслушал доклад.

— Задача выполнена, — сказал он. — Но ошибок хватило. Абиссинец слишком долго наблюдал за первой позицией и мог выдать себя блеском линзы. Рыжий на отходе оставил след возле ручья. Вы оба поторопились у открытого склона. В настоящем деле лучше опоздать, чем не вернуться.

К полудню вернулись остальные.

Из шестнадцати кандидатов прошли шестеро, остальные покидали лагерь. Кто-то хорошо стрелял, но не умел действовать скрытно. Кто-то терялся без прямого приказа и не был способен к самостоятельной работе. Один при ночном проникновении попытался взять приманку, не проверив подходы.

Кречет вышел перед строем.

— Работать будете тройками. Так давно заведено, родовые казаки, имеющиеся среди вас это хорошо знают. Один всегда делает что-то лучше другого, мастером во всем не бывает никто. Поэтому вы должны знать сильные стороны товарищей. Не раз это спасет вам жизнь. Командир в тройке один, его слово решающее, но совета спросить не зазорно.

Он посмотрел на правый фланг.

— Первая группа: Сыч, Бурый, Монах.

Кречет перевел взгляд на нас.

— Вторая группа: Абиссинец, Рыжий.

Я ждал, что следом прозвучит имя Кривого, но Кречет выдержал паузу и повернулся к нему.

— Голова у тебя работает хорошо. Тайгу знаешь лучше многих. Но старая травма ноги в походе подведет не только тебя, но и товарищей. В группу я тебя не поставлю. Предлагаю остаться здесь наставником, — продолжил Кречет. — Будешь обучать следующие команды.

Кривой посмотрел на нас, затем на первую тройку и после недолгого молчания кивнул.

— Я остаюсь, Кречет.

— Стало быть, мы пока вдвоем? — Семен глянул на Кривого.

— Пока вдвоем, — подтвердил Кречет.

— А третий?

— Третьего получите позже, когда появится подходящий человек.

Глава 6. Американский капкан

К Хабаровке мы подошли на рассвете. После нескольких недель в лесном лагере город показался мне едва ли не столицей. У торговых пристаней уже кипела работа: кричали артельщики, гремели по сходням тележки, манзы таскали тюки, возле складов ругались извозчики. Тут и там прохаживались военные патрули.

На этот раз нас высадили у торговой пристани. По городу мы шли следом за встретившим нас урядником Матвеевым в гражданской одежде.

Дом стоял в стороне от торговой части, за высоким серым забором. Едва нас провели во двор, знакомый голос распорядился:

— Мешки на стол, оружие рядом. Одежду снять и сдать.

Федюков выглядел так, будто за все эти недели ни разу не покидал своего кабинета.

Мы с Семеном переглянулись.

— Прямо здесь? — уточнил Рыжий.

— Можете и во дворе, если желаете удивить прислугу. Вон комната за дверью.

В тесном помещении стояли два табурета. На одном лежала моя прежняя справа, на другом — Семена Бирюкова. Все полученное в учебном лагере мы сложили перед Федюковым: черные рубахи и шаровары, ножи, суконные куртки.

— При вас ничего из лагеря остаться не должно.

Он протянул руку к Семену, и тот выложил бамбуковую палочку.

Федюков нахмурился:

— Это еще что?

— Подарок от мастера-наставника Хопёрца.

— Теперь все?

Федюков повертел палочку в пальцах и вернул Рыжему.

— Все, — ответил я. — Но есть одно пожелание.

— Говори, Громов.

— Одежда, которую нам выдали, черная. Это плохо. Только кажется, будто такой цвет незаметен. Если не действовать в полной темноте, человека видно издалека. Лучше серый или темно-зеленый, но не яркий, а пыльный, землистый. С виду справа выйдет невзрачной, зато для дела подойдет. Не на парад же нам в ней ходить.

Федюков выслушал, не перебивая, и постучал пальцами по столешнице.

— М-да... Удивил ты меня, Громов. Но я услышал. Подумаем, что можно сделать.

Из памяти Добрецова всплыло название цвета: хаки. Только существовало ли оно уже сейчас, я не знал, поэтому объяснил, как сумел.

Дядя ждал нас в кабинете на втором этаже. Увидев, отложил бумаги и улыбнулся.

— Поздравляю. Окончательный отбор вы оба прошли.

Мы с Семеном снова переглянулись.

— Обучение окончено, проверки тоже. С этого часа вы приняты на тайную службу и можете привлекаться к особым поручениям.

Дядя придвинул к себе папку.

— Разумеется, ни в войсковых списках, ни в открытых ведомостях сведений о вашей работе на наше ведомство не будет. Числиться станете помощниками торгово-изыскательских партий. Это ваше постоянное прикрытие.

— Географами, что ли? — спросил Семен.

— Не совсем. Назваться сотрудниками Императорского Русского географического общества нельзя. Настоящего представителя легко проверить телеграфным запросом. По легенде

вы служите при частной торгово-изыскательской партии, выполняющей поручения одного из корреспондентов Общества.

— А большая разница?

— Для человека, который надумает вас проверить, огромная. У представителей Общества потребуют удостоверения, служебные письма и подтверждение из Петербурга. Частная партия может нанять рисовальщика, проводника или сборщика образцов. Никого не удивит, что вы расспрашиваете о дорогах, реках, пристанях, населении и торговых путях.

Семен задумался.

— Значит, вроде ученые, но не совсем?

— Вы помощники изыскателей, — терпеливо объяснил дядя. — Андрей будет рисовальщиком и картографом. Ты — проводником, препаратором и сборщиком образцов. Когда потребуется, сможете появляться с картами и полевым снаряжением в Хабаровке, Владивостоке, на Уссури и в других местах Приморской области.

Он постучал пальцем по папке.

— Поручения будут поступать без четких сроков: иной раз через месяц, иной — через полгода. В остальное время живите обычной жизнью в станице. Служите, пашите землю, растите детей. Но будьте готовы сорваться с места по первому зову.

Я вспомнил остальных кандидатов. После итогового задания часть людей выбыла, и никто не объяснил, что их ждет.

— Аркадий Игнатьевич, а что будет с теми, кто провалил последнее задание? По домам отправят?

— Некоторых — да. Кого-то вернут на прежнюю службу, но станут привлекать к отдельным поручениям. Каждому найдется применение. Вполне возможно, еще не раз с ними пересечетесь.

Дядя открыл другую папку.

— Теперь о деле, с которого все началось. Участников нападений на изыскательские партии нашли. Четверых взяли живыми, остальных уничтожили. Инженеры вернулись на маршруты. Их по-прежнему сопровождают казаки, а в тайге действуют наши отдельные группы.

Он перевернул лист.

— Захваченные «Ли-Метфорды» передали нашим группам. Несколько винтовок оставили для обучения следующих команд.

Из ящика стола дядя достал два небольших свертка. Монеты звякнули о дерево.

Я развязал тесемку. Внутри лежали серебряные рубли и несколько бумажных кредитных билетов.

— Тридцать рублей каждому. Содержание за месяц вперед.

— Тридцать? — переспросил Семен. — Неужто теперь постоянно?

— Пока числитесь пригодными. Дорожные расходы и жилье во время задания оплачиваются отдельно. Траты на одежду, транспорт, снаряжение и подкуп нужных людей возмещат после отчета, в разумных пределах. За особо опасное поручение могут назначить дополнительную выплату. Но это не награда и не деньги на гульбу. Содержание идет за то, что вы обязаны явиться в любой день по первому требованию.

— Дядя, а как быть со станичным начальством? Ежели придет вызов, придется покидать службу. Я пока числюсь в учебной команде, а Семена должны записать в Уссурийское войско, как положено. Там свои распорядки и обязанности.

— Об этом не беспокойтесь. Поначалу вызовы станут оформлять так, чтобы станичное начальство не могло противиться вашей отлучке. Дальше поглядим. Возможно, самого атамана частично посвятим, насколько это дозволено.

Потом мы отправились в военную канцелярию. Почти целый час двое писарей перекладывали бумаги, а пожилой чиновник мудрил с печатями.

Наконец мне вручили свидетельство: с казака Андрея Васильевича Громова подозрения сняты, дознание прекращено, права восстановлены, ведомство ко мне претензий не имеет.

С этой бумагой мы отправились на склад.

Кладовщик Мухин долго изучал опись, потом еще дольше разглядывал меня. Наконец вынес Лебель, Кропачек, тесак и ранец — все мои трофеи с «Метеора».

Отдельно лежал опечатанный сверток.

— Револьвер Шамело-Дельвиня, — пояснил Мухин.

Я проверил печать и убрал сверток в ранец. Надо будет вернуть оружие Албазову.

Винтовки сохранили хорошо: вычистили и смазали. Я разобрал затвор Лебеля, осмотрел канал ствола и нарезы, затем собрал обратно. То же проделал с Кропачеком.

До обеда оставалось время, и следующей остановкой стал чиновник окружного суда, исполнявший нотариальные обязанности. Дядя привел меня туда, чтобы наконец оформить бумаги на курень в Червленной.

Кабинет был заставлен шкапами. На стене висел портрет государя, под ним тикали часы с кукушкой. Чиновник перелистал привезенные бумаги и принялся объяснять то, что я отчасти уже знал.

Сначала доверенному человеку предстояло оформить мои наследственные права. Доверенность составили на Павла Сергеевича Вороновича, человека дяди в Екатеринодаре. Он получал право вступить от моего имени в наследство, составить опись, продать курень и постройки, распорядиться личным имуществом, уплатить долги и сборы, а оставшиеся деньги перевести в Хабаровку или Козловское окружное правление.

Чиновник подвинул ко мне лист.

— Подпись здесь поставь.

Я взял перо, и перед глазами словно возник наш баз. Не такой, каким я видел его в последний раз, когда мы с батей уезжали, а прежний, еще при живой матушке. Она развешивала белье. Отец сидел на широкой скамье и чинил сбрую. На столе у стряпки подходило тесто, в печи потрескивали дрова, варилась саломеха. Я, босой семилетний мальчишка, носился по двору и не ведал ни о Сагалло, ни об Уссуре, ни о мире за границами родной станицы.

Рука замерла. Подписью я будто навсегда прощался с прошлым.

— Дом остается домом, пока в нем живет семья, — тихо произнес дядя. — Твоей семьи там больше нет. Но будет здесь, Андрей. Непременно будет.

Я подписал доверенность. Чиновник присыпал чернила песком, стряхнул его и приложил печать.

После обеда дядя выложил перед нами два комплекта документов.

— Теперь знакомьтесь.

По бумагам я стал Алексеем Васильевичем Мирским из Благовещенска, сыном покойного почтового служащего. Окончил четыре класса гимназии, после смерти отца поступил помощником к частному изыскателю Петру Николаевичу Буслову. Умел рисовать, вести маршрутные записи и составлять простые карты.

Семен превратился в Трофима Степановича Бирюка, уроженца Кубанской области, охотника и проводника, нанятого Бусловым для сбора образцов и изготовления чучел.

— Еще раз повторю, — сказал дядя. — В Лончаково вы останетесь казаками. Для службы вы Абиссинец и Рыжий. Во Владивостоке или Хабаровке, но только когда того потребует дело, станете Алексеем и Трофимом. Следующие два дня будете ходить по городу с новыми документами и представляться только по ним.

Он передал нам карту Уссурийского края, несколько выпусков «Известий Императорского Русского географического общества», старые отчеты путешественников, описание Приморской области, наставления по сбору растений и минералов и образец маршрутного журнала.

Я пролистал наставление.

— А если меня попросят определить камень?

— Определяй.

— А если не сумею?

— Скажешь, что окончательное заключение даст ваш начальник после сравнения с образцами.

До позднего вечера мы учили легенды: новые имена, места рождения, маршрут и цель поездки. Я запоминал, как укладывать растения между листами бумаги, чем осадочная порода отличается от изверженной, как вести записи о местности.

Наутро началась работа с внешностью.

Дядя поставил нас перед большим зеркалом.

— Люди редко запоминают лицо. Они помнят папаху, лампасы, походку, оружие и то, как человек держит голову. Снимите с казака папаху, уберите шашку, заставьте сутулиться, и половина знакомых пройдет мимо. Но с новым именем должна меняться и внешность. Хабаровка только кажется далекой от Лончаково. Вас могут приметить знакомые, и тогда весь труд пойдет насмарку. В худшем случае сорвется важное задание.

Он гонял нас из угла в угол: обычным шагом, коротким, широким, быстрым. Приучал не держать руку возле оружия, иначе знающий человек и в сюртуке признает казака. Показывал, как менять поворот головы и взгляд, говорить быстрее или медленнее, убирать привычные слова.

Усы и бороды клеили пахучим составом. Брови слегка затемняли сажей и воском, кожу мазали ореховым настоем.

Мне достались потертый городской сюртук, картуз, очки и накладные русые усы. Под мышкой я носил старую кожаную папку с картами, чуть сутулился и говорил тише обычного.

Семена облачили в грубую куртку, просторную косоворотку, жилет и мятый картуз. К рыжим усам добавили короткую бороду. На плече висела сумка для образцов. Ходить он должен был чуть косолапая.

Два дня мы передвигались по Хабаровке порознь. Даже встретившись, не должны были здороваться или показывать, что знакомы.

В первый день дядя столкнул нас у бакалейной лавки.

Я заметил бородатого человека, разглядывавшего связки сушеной рыбы, и уже хотел пройти мимо. Но тот привычно потер большим пальцем кончики двух других. Семен всегда так делал перед покупкой.

Он тоже узнал меня. Мы разошлись, не подав вида.

Позже дядя сказал:

— Лица вы изменили, а привычки остались.

На следующий день Семен перестал тереть пальцы, а я отучался озираться исподлобья, ожидая засады или неприятностей.

В лавке торговца тканями мое внимание привлекли два отреза сукна: зеленый и бурый. Оба неброские, но однотонная материя оставляла человеческий силуэт цельным. Память Добрецова подсказала другое решение.

После торга я купил по небольшому куску каждого полотна, а в соседней лавке — щелок, железный купорос и моток нити. Сажу раздобыл на кухне, отвар ольховой коры приготовил во дворе дома, ржавой воды набрал из бочки возле кузницы.

Ткань затемнял сажей, корой и слабым раствором купороса, отдельные места высветлял щелоком. Пятна делал разного размера, без правильных кругов и повторяющегося рисунка.

Дядя наблюдал молча.

Покрашенную материю я разложил на пожухлой траве. Лучше всего сработал смешанный рисунок из грязно-зеленого, бурого, серого и темного.

— Один защитный цвет человека не прячет, — объяснил я. — Пятна разбивают очертания плеч, рук и туловища. Глаз видит клочья травы и тени, а не фигуру целиком.

Дядя отошел шагов на сорок и долго рассматривал ткань.

— Для осени годится. Летом понадобится больше зеленого, зимой — другой рисунок.

— Можем купить такую материю?

— Купим. Бери несколько аршин и красители.

— Справу сошью уже в Лончаково. Может, в Козловскую съезжу, там у меня есть знакомый мастер.

— Посмотрим, что получится. Но это всяко лучше однотонной зеленой одежды, тем паче черной. Федюков уже передал мне твою придумку.

Пока приказчик отмерял ткань, я отправился к шорнику. Нужна была мягкая кожа для скрытого патронташа под будущую справу.

На стенах мастерской висели хомуты, уздечки и ремни, в углу стояло старое седло. На полке я увидел мяч, сшитый из плотно подогнанных кожаных долек крепкой вошеной нитью. Внутри, судя по весу, были шерсть и конский волос. Мяч вышел тяжелым, упругим и хорошо держал форму.

— На заказ делал, — пояснил шорник. — Покупатель пропал. То ли уехал, то ли передумал.

Я подбросил мяч на ладони. Для килы подходил отлично, поэтому не сдержался и купил.

На улице Семен посмотрел сначала на мяч, потом на свертки кожи.

— Мы вроде на серьезную службу поступили, а ты первым делом игрушки берешь.

— Отдыхать тоже надо. Да и тренировка это отменная.

С боеприпасами к трофейным винтовкам все оказалось сложнее.

В казенном арсенале сообщили, что патронов ни к Лебелю, ни к Кропачеку нет и не будет. Иного я и не ожидал. Чужие калибры следовало искать у частных торговцев.

В оружейной лавке хозяин долго вертел принесенный патрон Кропачека.

— Редкая штука. Но найти можно.

— Подскажите, где, любезный.

Он осмотрел мой сюртук, очки и папку с картами.

— Есть один человек, связанный с морскими торговцами и китайским берегом. Рубль серебром — и я вас сведу. Дальше сами решайте.

Первую встречу назначили на заднем дворе чайной неподалеку от торговых пристаней.

Я пришел один, в облике Алексея Мирского. Семен ушел раньше, чтобы осмотреть место и подстраховать.

Посредником оказался узколицый мужчина лет сорока в добротном, но засаленном сюртуке. Назвался Григорием.

Он осмотрел оба патрона, прикинул размер и царапнул ногтем край гильзы.

— Найти можно, хотя насчет второго не уверен. Много нужно?

— По сотне на ствол хотя бы. Можно и больше.

— Этот к Кропачеку, знаю. А второй?

— К новой французской винтовке Лебеля.

Григорий вскинул глаза:

— Откуда у молодого человека такие винтовки?

— От прежнего хозяина остались.

— Умер?

— Подарил и уехал. Далеко.

Григорий хмыкнул.

— Принеси Кропачек. Встретимся вечером в доме возле пристани. Французских винтовок хватает, надо проверить, тот ли боеприпас. И деньги не забудь.

Я ушел через торговую улицу, дважды свернул, заглянул в хлебную лавку и только потом вернулся в дом, где мы квартировали.

Семен появился минут через двадцать, войдя со двора.

— За тобой никто не шел. А Григория встретил человек в серой накидке. Перекинулись парой слов и разошлись.

Я пересказал условия второй встречи. Рыжий покачал головой.

— Города разные, Андрюха, а повадки у жулья одинаковые. У нас в Екатеринодаре тоже говорят: приходи вечером и деньги не забудь. Потом бац по башке — и проснется покупатель в канаве без сапог. Это еще ежели повезет.

— Может, он честный торгаш?

— Честные торгуют в лавке, при приказчиках и по правилам. А в доме у пристани ждать станут другие люди. Ты пойдешь, я прикрою. Даже интересно стало на местных прохиндеев поглядеть.

Мы не успели повечерять, когда дядю срочно вызвали. Куда именно, он не объяснил. Во дворе уже ждала коляска, а Федюков передавал кучеру дорожный чемодан.

— Андрей, ты должен попасть на ближайшую «Сунгачу», — напомнил дядя, натягивая перчатки. — Судно отходит завтра. Семен дождется бумаг о переводе и зачислении в переселенческие списки. Потом доберется до Лончаково с оказией.

Вечером я снова приклеил усы, надел очки и потертый сюртук. Кропачек завернул в холстину. Деньги разложил по двум карманам. Французский тесак спрятал вдоль бедра под одеждой. Ходить было неудобно, зато клинок не цеплялся за полы сюртука.

Семен вышел раньше. Он превратился в портового рабочего: грубая куртка, стоптанные сапоги, накладная борода, мешок на плече. Под курткой скрывались револьвер и кинжал.

Мы покинули дом по очереди. К пристаням я шел не спеша. Сумерки сгущались, от реки тянуло сыростью, между складами горели редкие фонари. Из трактиров доносились песни и пьяные голоса. На главной улице еще попадались извозчики, но возле старых складских дворов прохожих почти не осталось.

Указанный дом стоял за бондарной мастерской, возле узкого проезда. Одноэтажный, темный, с тремя окнами на улицу. В крайнем горел свет, а сам посредник ждал у дверей.

— Пришли, Алексей?

— Как видите.

Я показал сверток. Григорий посторонился, приглашая войти.

Комната была почти пустой: стол, несколько стульев, лампа на стене. У стола сидел широкоплечий человек с редкой бородой, еще один стоял у двери в соседнюю комнату.

Внутри было трое. На подходе я заметил тень между штабелями бочек, значит, четвертый караулил снаружи.

— Где патроны? — спросил я.

— Ты сперва винтовку покажи, — ответил широкоплечий. — Как иначе пойдем, какие нужны?

Я положил сверток на стол и развязал веревку.

Кропачек сразу привлек их внимание. Тот, что стоял у двери, шагнул ближе. Под полой поддевки мелькнула рукоять револьвера.

— Хороша, — сказал Григорий. — Откуда все-таки она у тебя?

— Уже говорил: от прежнего хозяина.

— Имя у хозяина имеется?

— Зачем оно вам?

— Редкое оружие просто так по рукам не ходит.

Григорий перестал улыбаться.

— Давайте смотреть патроны.

— Успеется.

Человек с револьвером сместился, перекрывая выход. Широкоплечий протянул руку к Кропачеку.

Снаружи скрипнула доска. Позже Рыжий рассказал, что еще на подходе заметил человека в серой накидке. Тот прохаживался возле мастерской, делая вид, будто ждет знакомого, но Семен его признал.

Рыжий прошел мимо, обогнул квартал и проник во двор соседнего склада. По теням на занавеске определил двоих в передней комнате, еще один голос услышал со двора, а у задней двери заметил наблюдателя в той самой накидке.

Семен обошел дом через дровяной сарай. Наблюдатель не успел даже вскрикнуть: Рыжий прижал его к стене и оглушил рукоятью кинжала. Когда тот обмяк, связал его же поясом и затащил под навес. Потом нашел незапертое окно чулана, проник внутрь.

— Деньги доставай, хлопец, — сказал Григорий.

Человек у двери вытащил револьвер. Я держал левую руку на столе, правую опустил вдоль бедра. В этот миг по стене тихо стукнули: один раз, пауза, еще два быстрых. Условный сигнал из лагеря. Рыжий уже был внутри.

— Хорошо, хорошо. Вот деньги.

Григорий наклонился ближе, и свет в этот момент почти погас. Единственная лампа висела рядом с приоткрытой дверью. Сема набросил на нее тряпку.

Я помнил, кто где стоял. Разворачиваясь, выхватил тесак из-под сюртука. Человек с револьвером успел нажать на спуск, но я отбил его руку. Пуля ушла в потолок, а клинок вошел стрелку в живот.

Я толкнул раненого на широкоплечего. Тот отшатнулся и опрокинул стол. Григорий шарханулся к выходу, но замер, услышав хрип подельника.

Раздался второй выстрел, вспышка на миг осветила комнату. Раненый снова нажал на спуск. Пуля разбила окно, не задев ни меня, ни Семена.

Широкоплечий схватил Кропачек за ствол и взмахнул им, как дубиной. Приклад просвисел над моей головой. Он уже разворачивался для нового удара, когда из соседней комнаты появился Рыжий.

Я почти не видел Семена: только фигуру за спиной противника и блеск кинжала.

Широкоплечий дернулся, выронил винтовку и рухнул на колени.

— Сзади! — крикнул Рыжий.

Григорий не стал ломиться к двери. Метнулся в чулан, надеясь уйти через окно.

Я рванул следом, схватил его левой рукой за шиворот и приставил тесак к шее.

— Далеко собрался?

Григорий пытался пырнуть меня ножом, непонятно откуда взявшимся у его в руке, но лезвие тесака полоснуло его по горлу быстрее. Придержав заваливающееся тело, я вернулся в комнату.

— Улица, — сказал я Рыжему.

Он выскочил и вернулся через полминуты.

— Кажись, тихо. На пристани шуму хватает, выстрелов могли не услышать.

Семен снял тряпку с лампы и снова ее зажег.

Человек с револьвером еще дышал, но уже отходил. Я откинул оружие ногой. Широкоплечий лежал у стола. Еще один мертв, ну и один связано во дворе. Кажись все.

Я вытер тесак о тряпку и посмотрел на Семена. Накладная борода съехала набок, но лицо оставалось спокойным, почти равнодушным. Весельчак и балагур Рыжий исчез. Передо мной стоял пластун Бирюков.

— А я все думал, отчего Кречет терпит твои шуточки.

Семен вытер кинжал о поддевку убитого.

— За красивые глаза. Ну и за добродушный нрав.

Из-под пола донесся стук. Мы замерли. Стук повторился, затем послышался хриплый голос:

— Эй... Наверху...

Люк нашли под рогожей в соседней комнате. Сверху его придавили ящиком.

В подполье лежал связанный мужчина лет пятидесяти. Дорогая шелковая рубаша порвана, лицо в синяках, один глаз заплыл. Запястья и ноги стянуты веревкой, на губах засохла кровь.

— Глаза, — сказал я.

Вытаскивали его почти в темноте. Когда подняли, Сема завязал незнакомцу глаза полотенцем.

— Господин хороший, мы тебя отпустим, о том не переживай. Но пока не разойдемся, повязку не снимай.

— Хорошо... Дайте пить, Христа ради.

Мы разрезали путы. Семен принес ковш воды. Незнакомец пил медленно, небольшими глотками.

— Рассказывай, кто таков и что здесь делал.

Звали его Саввой Ильичом Рудневым. Честным купцом он никогда не был: часть дел проводил через таможеню, остальное — через контрабандистов.

В Хабаровку Савва Ильич привез американские капканы, иностранные патроны, капсюли, несколько револьверов, охотничьи ружья, аптекарские товары и мелкое снаряжение. Григорий заманил его в дом под видом покупателя.

— Хотели узнать, где второй склад, — сказал Руднев, ощупывая разбитую губу. — Кто поставщик во Владивостоке, каким путем идет товар, кто мои люди на китайской стороне. Сперва предлагали поделиться барышом. Потом заперли в подполье, пока не расскажу.

— Обычные грабители? — спросил Семен.

Руднев покачал головой.

— Обычный грабитель заберет товар и убежит. Эти хотят подмять под себя торговлю в обход таможни. По Амуру и Уссури у них целая сеть. Грузы идут через Владивосток и с китайского берега. Там всяких хватает: русские, китайцы, корейцы, бывшие каторжане.

В чулане мы нашли ящики.

— Твой товар здесь?

Савва Ильич, не снимая повязки, описал два ящика капканов, патроны, аптекарские склянки и свертки с кожаными ремнями. Остальное принадлежало шайке.

У них оказалось четыре револьвера Смит-Вессона, две неплохие двустволки, правда с приметными вензелями, три охотничьих ножа и часы-луковица в латунном корпусе. По карманам и в тайнике набралось девяносто рублей серебром, два золотых перстня и пачка документов. Часть вещей явно принадлежала прежним жертвам.

Я нашел неприметный сидор и сложил туда револьверы, деньги, бумаги, часы и ножи. Два слишком приметных перстня, и ружья оставил на столе.

— Савва Ильич, слушай. Мы уйдем, ты досчитаешь до ста и снимешь повязку. На столе два золотых перстня, и ружья хорошие. Хватит, чтобы решить вопрос с мертвецами и двумя связанными?

— Хватит. Нужные люди в Хабаровке имеются. Разберемся без шума, комар носу не подточит.

— Вот и хорошо. Свой товар забирай, с остальным решай сам.

— Спасибо вам.

— Спасибо на хлеб не намажешь, — заметил Рыжий.

Я ткнул его кулаком в плечо.

— Поглядите в ящиках, — сказал Руднев. — Может, что пригодится. Патроны там имеются. Капкан возьмите, ежели охотой промышляете. Хороший, американский. Ньюхаус называется. Держит крепко, звериную ногу не шадит.

Я мотнул Семе на ящики. Нам повезло: обнаружили шесть коробок патронов сорок четвертого калибра к Смит-Вессонам, пять коробок по двадцать пять патронов для Кропачека и две коробки, всего сорок патронов, к Лебелю. Последние, похоже, мне и собирались продать.

— Немного патронов возьмем и капкан, раз даришь, — сказал я.

— Берите. За спасение мне ничего не жалко. А будете во Владивостоке, ищите меня на Миллионке. Достану почти все, если дадите время и будет чем платить. Вам цену положу лучшую.

— Хорошо. Прощайте, Савва Ильич.

Мы нагруженные «покупками» покинули злополучный дом, оставив Руднева разбираться с последствиями неудавшейся сделки.

На место постоя я вернулся первым. Снял усы, вымыл лицо, переоделся и разобрал Кропачек. Винтовка, к счастью, не пострадала.

Семен явился через четверть часа с американским капканом, завернутым в холст, и булкой хлеба под мышкой. Он снова стал прежним Рыжим: улыбался, болтал и жаловался, что накладная борода выдрала половину его великолепных усов.

Утром мы сложили мои вещи и документы. Бирюков оставался в Хабаровке ждать оформления перевода.

— Через несколько дней буду, — пообещал он. — А ты готовь хлеб-соль да зазнобу мне пригляди, погрудастее.

Мы пожали руки.

На пристань отправились порознь. Я шел как Андрей Громов, а Семен сопровождал издали в облике проводника Бирюка. Возле сходней он растворился среди грузчиков.

«Сунгача» отошла в первой половине дня.

Пароход шел по Уссури, останавливаясь у станиц и небольших пристаней. Я устроился возле борта и не выпускал из виду свое имущество, уложенное под брезентом.

В Венюковой у пристани встретил братьев Архиповых.

Старший, Ермолай, сперва меня не узнал. Сказал, что я сильно исхудал, потом улыбнулся и снова стиснул до хруста в ребрах. Дмитрий хлопнул по плечу.

— Вернулся все-таки! А мы думали, тебя в Хабаровке до ледостава продержат.

— Разобрались.

— Выходит, чист перед законом? А то тут про тебя всякого наговорили.

— Аки агнец Божий. Даже бумагу о том выдали.

Они расспросили о следствии и Лончаково, предложили помощь, если понадобится.

Я вспомнил про капкан и достал его из багажа.

— Вот, братцы. Отдарок за душевный прием.

Ермолай взвел пружину, осмотрел стальную дугу и осторожно спустил механизм палкой. Капкан клацнул так, что Дмитрий уважительно присвистнул.

— Ньюхаус, — сказал старший. — Добрая вещь.

Братья переглянулись.

— Такие в обычных лавках почти не найдешь, — заметил Дмитрий. — Их чаще контрабандисты с китайской стороны таскают. Где выменял, Андрей?

— История долгая. Как-нибудь расскажу.

— Ты с ними осторожнее. Контрабандистов на Уссури становится все больше. Раньше чай, опиум, ткани да капканы возили. Теперь все чаще оружие. И злые стали: чуть что, за стволы хватаются. Устали мы гонять этих супостатов.

— В Хабаровке слышал похожее.

— Это пока начало, — мрачно сказал Ермолай. — Мнится мне.

Я попрощался с братьями и вернулся на борт. «Сунгача» снова вышла на просторы Уссури.

К вечеру впереди показался лесистый мыс. Я узнал изгиб берега, темную полосу тракта, а затем увидел крыши куреней Лончаково.

Глава 7. Путина в Лончаково

«Сунгача» обогнула лесистый мыс, и Лончаково открылось целиком.

Сперва показалась часовня, потом серые крыши куреней. Возле правления высился новый сруб, которого месяц назад еще не было. На отшибе угадывалось подворье Кравцовых, а неподалеку темнели стены моего будущего дома.

Вдоль берега стояли лодки. На вешалах сушились сети, у самой протоки казаки разма-
тывали и чинили длинный невод. Доносились лай собак, стук топора и многоголосье.

Я стоял у леера и улыбался. После Хабаровки станица казалась совсем махонькой: несколько улиц, часовня, пристань да тайга вокруг. Только теперь я понял, как сильно соскучился.

На берегу уже заметили пароход. У пристани зашевелились люди. Двое остались возле караулки, остальные подошли к воде.

Когда «Сунгача» развернулась к причалу, я узнал Прохора Мельникова. Рядом с ним стоял Петр Минюхин.

Матросы бросили концы. Канаты натянулись, и судно мягко ткнулось бортом в причал. Загремели сходни, пассажиры потянулись на берег. Я дождался очереди и спустился со своим скрбом.

— Здорово вечерял, Андрей!

— Слава Богу, Прохор!

Он уже подался ко мне, чтобы обнять, но опомнился и вытянулся.

— Документы предъяви.

— Вот тебе и встреча, — сказал я, доставая бумаги. — Месяц не виделись, а ты сразу за документы.

— Нынче по-другому нельзя, — вздохнул Прохор. — Глеб Маркелович порядок уже сточил. Каждый пароход по списку, каждого приезжего по бумагам проверяем. Потом доклад подавай: кто сошел, кто ушел, что привез и куда направился.

— Правильно делает, — заметил Минюхин, принимая у меня свидетельство.

Он развернул лист, проверил печать и внимательно прочитал строки о прекращении дознания и восстановлении меня в правах.

— Значит, оправдали?

— Выходит, так.

— А чего тогда целый месяц держали?

— Бумаги долго ходят, Петр. Один написал, второй перепроверил, третий подписал, а четвертый решил, что без его печати все неправильно. Пришлось начинать заново.

— Это крючкотворы могут, — понимающе хмыкнул Минюхин.

Прохор тем временем раскрыл журнал и записал мое имя, сверяясь с судовой ролью.

— Громов Андрей Васильевич. Прибыл из Хабаровки. Цель прибытия... — Он поднял на меня глаза, улыбнулся. — Домой вернулся. Так и запишем.

Минюхину я предъявил оружие, значившееся в описи. Он проверил печати, сверил ярлыки с бумагами и велел отнести свертки в караульное помещение.

— До утра полежат здесь. Завтра заберешь после записи в оружейный журнал. Расписку я выдам.

— Добре.

Французский кожаный ранец остался при мне. Его не осматривали, а о лежавших внутри четырех «Смит-Вессонах» и охотничьих ножах я благоразумно промолчал: в описи они не значились.

Когда с формальностями закончили, Прохор захлопнул журнал, шагнул ко мне и крепко обнял.

— Ну, с возвращением, — выдохнул он. — А то по станице всякого болтали. Одни говорили, французы выдачи требуют, другие — тебя уже в Петербург увезли, третьи — на Сахалин отправили.

— Не дождутся.

— Рука как?

— Почитай зажила.

— Значит, в килу играть сможешь?

Я достал из мешка новый мяч и бросил Прохору.

Он поймал, пару раз подбросил на ладони.

— Тяжеленький, — одобрил Мельников. — Гожий мяч.

— Теперь можно козловским должок вернуть?

— С таким мячом мы им бока намнем! — просиял Прохор. — Завтра же Меренскому скажу. Илюху с Митькой соберем, на выгоне испытаем. Только ты сперва в силу войди, а то от тебя, гляжу, одна тень осталась.

— В Хабаровке меня не особо потчевали.

— Крестный на тебя глянет и сам рванет тех дознавателей в чувство приводить.

Я усмехнулся, убрал расписку за пазуху и спросил:

— Сашу давно видел?

— У Нюрки она, — Прохор расплылся в понимающей улыбке. — Роману Васильевичу по-прежнему помогает.

— А крестный?

— Должен быть дома. Но ты, как погляжу, не к нему первым намылился.

— Все успеется, Проша.

Я подхватил барахло и двинулся с причала к Нюркиному дому.

Сумерки сгущались на глазах. Сперва я старался держать обычный шаг, потом пошел быстрее, а последние дворы почти пробежал.

Возле Нюркиного куреня было тихо. Ставни закрыты, во дворе ни огонька. Видать, женщины уже собирались спать.

Я постучал в калитку. Никто не ответил. Тогда стукнул сильнее.

— Кого там нелегкая на ночь глядя принесла? — донесся недовольный голос.

В сенях загремело, хлопнула дверь. На крыльце показалась Анна Григорьевна с фонарем в руке и шалью на плечах.

Она подошла к калитке, подняла фонарь и прищурилась.

— Ты чего в ворота колотишь? Гостевой дом у правления строят, туда и ступай! У нас тут, чай, не проходной двор!

— Нюра, погоди ты...

Она поднесла фонарь почти к моему лицу, всмотрелась и тихо выдохнула:

— Андрей?

Несколько мгновений Нюрка молчала, будто глазам не верила. Потом развернулась к дому и заорала так, что наверняка всполошила соседей:

— Сашка! Вставай! Андрей вернулся!

В доме зажглась лампа. На крыльцо выбежала Саша: сонная, босая, в наспех накинутах платье. Она остановилась и прижала ладонь к груди.

— Здравствуй, Саша.

Она бросилась ко мне. Я обнял ее, а Сашка уткнулась лицом мне в плечо и тихо заплакала.

— Я знала, — шептала она. — Знала, что ты не виноват. Каждый день молилась. Каждый день, слышишь!

— Я же обещал вернуться.

Она подняла голову. На ресницах блеснули слезы.

— Обещал... Только оттого легче не стало.

Саша провела ладонями по моим плечам, отступила на полшага и нахмурилась.

— Господи, Андрей... Как же ты исхудал.

— Вот! — немедленно подхватила Нюрка. — Я сразу сказала: сатрапы! Месяц мальчишку в каталажке голодом морили. От него одна кожа да глаза остались.

— Не голодом, — возразил я. — Просто кормежка у них была особенная.

— Какая еще особенная?

— Потом как-нибудь расскажу.

Из дома вышла баба Серафима. Перекрестила меня и тут же принялась распоряжаться:

— Нюра, ступай печь растапливай. Саша, на стол собирай. Андрюша, проходи в дом, нечего тут стоять. Сейчас накормим.

— Благодарствую, баба Серафима, но крестный еще не знает, что я приехал. Мне к нему надо.

— Никуда он до утра не денется, — отрезала Серафима.

— А я себе места не найду, если сейчас не пойду.

Саша обернулась к бабе Серафиме:

— Я его провожу.

— Ишь ты... Проводит она, — проворчала та.

Мы вышли за ворота. Нюрка осталась у калитки с фонарем, делая вид, что вовсе за нами не следит.

Саша держала меня за руку.

— Завтра придешь?

— Приду. Сначала в правление схожу, бумаги отдам, оружие заберу. Потом сразу к тебе.

— Теперь уж постарайся не пропадать.

Я хотел пообещать, что больше никогда и никуда не денусь. Но после всего случившегося такое обещание было бы ложью.

— Постараюсь.

Саша чуть заметно вздохнула, подалась ко мне и чмокнула в щеку.

— Ступай.

До подворья Кравцовых шел спокойно. Стемнело, но мне и без света была знакома каждая яма на дороге.

На крыльце тлел огонек трубки. Степан Анисимович сидел, опершись локтями о колени, и смотрел в сторону ворот.

Я толкнул калитку. Она негромко скрипнула.

Крестный поднял голову, всматриваясь в темноту. Наверное, узнал по походке.

— Андрей?

— Здорово вечеряли, Степан Анисимович.

Он подорвался с места так, что трубка выпала в траву.

— Андрей вернулся! — крикнул крестный, распахивая дверь. — Матушка! Поля! Олег! Андрей приехал!

Дом ожил мгновенно. Первым выскочил Олег. Налетел с разбегу и едва не сбил меня с ног.

— Андрюха! Живой!

— Потихе, братишка, задушишь.

Следом Татьяна обхватила меня за пояс и уткнулась лбом в живот. Пелагея Александровна перекрестила и принялась ощупывать плечи. Акулина Никитична оттеснила всех, взяла меня за лицо обеими руками и запричитала:

— Ироды бессовестные! Совсем ребенка извели! Гляньте, щеки впали, одни глазищи остались.

— Какой я ребенок, бабушка? Восемнадцать уже.

— Для меня ребенок. И не спорь!

Крестный крепко обнял меня, потом отступил на шаг и осмотрел с головы до ног.

— Ну, слава Богу.

— Так, — Пелагея Александровна уперла руки в бока. — Сначала дорожную пыль смой. В дом такого не пушу!

— Да холодно уже.

— Не сахарный, не растаешь. В бане тепло осталось, днем подтапливали.

В остывшей бане вода в чане еще была горячей. Я обмылся, переоделся в чистую рубаху, и сон как рукой сняло.

Акулина Никитична уже накрывала стол. Пелагея Александровна поставила передо мной борщ, хлеб, соленую кету, грибы, картошку, сало и мясо. Я не успевал проглотить ложку, как бабушка подкладывала следующую порцию.

— Матушка, дайте ему хоть прожевать, — усмехнулся крестный.

Ко второй миске меня начало клонить в сон.

— Зеваешь уже, — улыбнулся Олег. — Я когда много съем, тоже зеваю. Тут все по науке. Я вопросительно поднял бровь.

— Кожа на животе натягивается, оттого глаза и закрываются.

— Слушай его больше, — махнул рукой Степан Анисимович и отложил ложку. — Лучше расскажи, что со следствием. Больше в Хабаровку не потащат?

— Ошибка вышла. — Я достал свидетельство. — Старые бумаги подняли, показания сверили. Виновным меня не признали. Больше времени на переписку извели, чем на расспросы. Вот свидетельство о прекращении дознания и восстановлении во всех правах.

Крестный взял документ, придвинул лампу и долго читал.

— Вот теперь другое дело. Завтра бумагу эту в правление отнесешь. Хотя черт с ними, канцелярские дела до утра подождут.

— А теперь я расскажу! — выпалил Олег, дождавшись паузы. — Ты бы знал, сколько всего случилось!

— Когда успело? Я только месяц отсутствовал.

Олег уже тащил из сундука кожаный кошель.

— Во-первых, вот твои деньги. Все до копейки сохранил. Пять туесов меда продал приезжему торговцу. Он хотел дешевле взять, но я не отдал. Потом Илька принес пушнину, я через Моренченко в Козловскую передал. На пасеке тоже порядок. Ульи мы с Сашей осматриваем. Один рой продали, другой у Нюрки поселили.

Он перевел дух и продолжил:

— А еще решили, что вместо постоянного двора в станице будет гостевой дом. Для служилых, проезжих казаков и чиновников всяких, а не для кого попало. Трактира там тоже не будет. Старики на Овсянникова насели, вот он и согласился.

— Погоди. Ты за месяц успел и медом, и пушниной, и пчелами поторговать?

— А что такого? Дело нехитрое.

Пелагея Александровна с Акулиной Никитичной переглянулись и улыбнулись.

Олег заметил, что к нему относятся недостаточно серьезно, и подбоченился:

— Еще твой курень почитай до потолочных балок вывели. Оконные проемы оставили, верхние венцы кладут. Мох я заготовил, парни помогли. Сушится под навесом. Китайцев нанимали по трое, когда свободны были. Деньги все записаны, счет покажу.

— Олег, — остановил его крестный, — дай Андрею опомниться. Курень до утра не убежит, как и писарь.

— Погодите, это еще не все!

Он метнулся в сени и вернулся с большой бутылкой мутноватого золотистого напитка.

— Саша научила медовуху ставить. Ей бы еще седмицы две постоять, молодая пока, но вы с батей пробую снимите.

Степан Анисимович недоверчиво взял бутылку, вытащил пробку и понюхал. Налил немного, попробовал и поморщился.

— Молодая еще, дрожжами отдает.

— Зато уже по голове шибает, — гордо заявил Олег.

Пелагея Александровна тут же выхватила у него бутылку:

— Тебе-то откуда знать, куда она шибает?

— Дык мне рассказывали. Сам я ни-ни. Ну разве капельку, для проверки.

— Проверятьщик нашелся.

Олег расстроено сел на место, а мы с крестным переглянулись.

— Вовремя ты приехал, — сказал Степан Анисимович. — Кета уже с седмицу как пошла. Завтра общая путина начинается. Вот и будешь мясо на кости наращивать.

Наконец все разошлись спать. Домашняя постель после лежанок, на которых довелось ночевать последний месяц, казалась царской.

Проснулся от запаха свежего хлеба. Несколько мгновений не мог понять, где нахожусь. Рука сама потянулась туда, где должен был лежать нож. Потом увидел знакомый потолок и выдохнул.

Я дома.

Едва оделся, первым делом пошел в конюшню. За несколько шагов услышал ржание. Беркут ударил копытом в доски денника, вытянул шею и потянулся ко мне. Я открыл дверцу. Жеребец тут же ткнулся мордой мне в плечо, обнюхал с головы до ног и фыркнул, будто выговаривал за долгое отсутствие.

— Здорово, братец. Ждал?

Я долго гладил его по шее. Проверил спину, ноги и копыта. Шерсть блестела, кормушка была чистой, сбруя висела на месте.

— Я его каждый день выводил, — раздался за спиной голос Олега.

— Благодарствую, братец.

После завтрака мы сходили к пристани. Там уже дежурил Игнат Парамонов, наслышанный о моем возвращении. Он выдал сданное вчера оружие под расписку, и мы с Олегом перенесли все домой.

На стол легли винтовки Лебеля и Кропачека, морской тесак, ранец, патроны, кожа, ткань и остальные покупки. Отдельно я положил опечатанный Шамело-Дельвина для Албазова.

Крестный вынес мой «Смит-Вессон». Я переломил рамку, проверил барабан и механизм.

К правлению направился с бумагами и французским револьвером. Возле часовни навстречу попался Моренченко.

Он нес на плече связку небольших досок, но, увидев меня, бросил их на землю и подскочил.

— Абиссинец! Живой! А говорили, тебя французы потребовали выдать.

— Требовали, да не вышло. Здорово, Саня.

Я хлопнул его по плечу.

Моренченко оглянулся, отвел меня к забору и заговорил тише:

— Слушай, Андрей. С Анной Григорьевной у меня дело понемногу движется.

— Да ну?

— Чего «да ну»? Не гонит больше со двора. Дала заплот починить, потом крышу. Два раза за стол посадила. И главное, при людях не высмеивает. Авось и сладится...

— Нюрка просто ждет, когда ты еще какую-нибудь тяжелую работу сделаешь за харчи.

— А я не против. Глядишь, к весне и сватов зашлю, там и поглядим.

— Ты сперва у нее самой спроси. Не девка молодая, чай. А то она тех сватов в бараний рог согнет, потом не распрямишь.

Моренченко мечтательно улыбнулся.

— А мне такие и нравятся. С характером.

Возле правления кипела стройка. За месяц постоянный двор, то есть теперь уже гостевой дом, вырос под крышу. Одну сторону начали крыть тесом. В оконных проемах пока темнела пустота, внутри не было ни полов, ни перегородок.

На крыше работали плотники, китайцы подавали им доски. Под навесом лежали длинные балки, сушился мох.

Я остановился, разглядывая здание.

— Быстро вы.

Фрол, сидевший верхом на коньке, услышал и засмеялся:

— Коробку поднять не фокус, Андрей! Теперь самое муторное: полы, окна, печь, сени. Да сруб осесть надо. Вон над оконными колодами зазоры оставили, не то зимой все перекосит.

В правлении меня уже ждали.

За столом сидел Овсянников. Справа от него Парамон скрипел пером. У окна стояли Степан Анисимович и Денис Павлович Албазов.

Глеб Маркелович посмотрел на меня так, будто я отсутствовал не месяц, а вышел из кабинета час назад.

— Громов, документы.

Я вытянулся и передал свидетельство о прекращении дознания, бумагу о восстановлении в правах и опись возвращенного оружия.

Овсянников читал внимательно. Сверил печати, даты и номера, потом придвинул бумаги Парамону.

— Внести в станичную книгу.

Атаман снова посмотрел на меня.

— Жалобы на обращение во время дознания имеются?

— Никак нет, господин атаман.

— К повторной явке в Хабаровку обязали?

— Никак нет.

— Вот и добре.

Я достал опечатанный сверток и протянул Албазову.

— Это ваше, Денис Павлович.

Он разорвал бумагу и, увидев Шамело-Дельвина, расплылся в довольной улыбке. Проверил барабан, взвел курок.

— Признаться, крепко расстроился, когда такая находка от меня ушла. Думал, замаринуют ее на каком-нибудь хабаровском складе, жди потом до второго пришествия. А он вернулся...

Овсянников дождался, пока мы закончим, и постучал карандашом по столу.

— Парамон поправился и за этот месяц втянулся, порядок навел. Тебя в писари возвращать не станем. Займешься учебой. Вам ведь в пятером еще в Хабаровку ехать.

— Постараюсь нагнать, господин атаман.

— Нагонять станешь позже. Сейчас кета пошла, почти все этим и заняты.

Он подвинул ко мне лист.

— Приписываю тебя к артели Георгия Степановича Конева. С тобой Меренский, Бортеньев и Медведовский. Понял?

— Так точно.

— Об остальном поговорим после путины. Сейчас каждая пара рук на счету.

До выхода к реке я успел заглянуть на свой будущий баз.

Сруб и правда подняли выше оконных проемов. Верхние венцы почти закончили, поперек стен лежали потолочные балки. Плотники устанавливали временные стропила.

Я впервые вошел в собственный дом.

Через пустые оконные проемы падали полосы света. Я остановился, представил, где будет красный угол, где печь, где поставим стол. А за перегородкой — наша с Сашей комната.

Долго мечтать мне не дал Олег.

— Андрей, ты сюда глянь! Сколько мы набрали, чтобы тебе нос не морозить.

Под навесом лежали длинные гряды мха, разложенного тонким слоем.

— Сырым в кучу бросать нельзя, — важно объяснил брат. — Запрееет. Мы его очистили, подсушили и между венцами клали. А после усадки дом еще раз конопатить будем.

— Научился, гляжу, — сказал я.

— А то. Глядишь, и ты мне дом поставить поможешь.

Георгий Степанович Конев подошел с тетрадкой и показал расчеты: сколько дней работали казаки, сколько подвод нанимали, сколько ушло гвоздей, скоб и прочего покупного, сколько дней трудились китайцы. Часть денег крестный уже выдал из моего запаса.

Я отсчитал остаток и протянул Коневу.

— Закончим верх, накроем крышу, — сказал он. — Потом сруб пусть осаживается. Печь, полы и окна сделаем позже. Но пока путина особо много не успеем.

— Так меня в вашу артель и записали, Георгий Степанович.

— Вот и добре! — Хлопнул он меня по плечу.

Я хотел еще рассчитаться за работу Олега, но крестный остановил:

— Ты чего родне серебро суешь? Вот понадобится ему свой дом ставить, станешь рубить. Никуда не денешься.

Мне оставалось только улыбнуться.

У протоки нас уже ждали.

Олег выдал мне старую рубаху, штаны, просмоленный фартук и сапоги.

На берегу лежал длинный невод. Поплавки были вырезаны из коры амурского бархата, того самого, что показывала мне Саша в тайге. Рядом приготовили грузила, багры, деревянные колотушки, ножи, кадки, бочки и мешки с солью.

Конев встал у лодки и распределил людей:

— Бортеньев, Меренский, в эту лодку ползайте. Громов и Медведовский держат береговой конец. Семен Семенович следит за сетью и корягами. Как заведем дугу, по моей команде выбираем невод.

Лодка пошла поперек протоки. Бортеньев с Меренским налегали на весла, а Семен Семенович постепенно спускал сеть в воду.

Поначалу невод шел легко. Когда лодка описала дугу и вернулась к берегу, Конев крикнул:

— Выбирай!

Мы потянули.

— Разом! Раз! Еще раз!

Невод нехотя пошел к берегу, потом начал тяжелеть. На поверхности замелькали серебряные и красноватые спины. Кета билась, рвалась к глубине, хлестала хвостами по воде.

Мокрая веревка впивалась в ладони. Я уперся сапогами в гальку и тянул вместе со всеми. Сашка Меренский поскользнулся и с размаху сел в воду.

— Ноги шире ставь! — гаркнул Семен Семенович.

— Я и так широко, куда уж больше!

Медведовский нагнулся, и здоровая кета, выскочившая из невода, хлестнула его по щеке. Он отпрянул, выругался и едва не выпустил веревку. Мы хохотнули, но пока было не до смеха, невод вдруг встал намертво.

— Коряга! — крикнул Бортеньев.

Я уже подался к воде, но Конев заорал:

— Стоять! Куда полез? Семен, багор тащи!

Опытный рыбак нащупал зацеп, ослабил сеть и уверенными движениями снял ее с подводного сучка.

— Теперь тяни!

Мы снова взялись разом, и невод пошел.

У самого мелководья вода забурлила. Кета билась одна о другую, серебристые спины мешались с темно-красными боками.

— Не стойте столбами! — закричал Конев. — Пока рыба свежая, под нож!

Казалось, на берег вытащили часть реки. Рыба хлестала хвостами, выпрыгивала на гальку. Бортеньев ухватил крупную кету, прижал к груди, а та изогнулась.

— Держи ее, Илюха!

— Сам вижу!

Кета ударила его хвостом по подбородку. Бортеньев сел на землю, но улов не выпустил.

По команде Конева мы разделились на группы. Одни оглушали рыбу деревянными коло-тушками, другие потрошили. Подошедшие женщины принимали икру, еще несколько человек промывали тушки в воде.

Меня поставили рядом с Семеном Семеновичем.

— Режешь неглубоко, — показал он. — Отсюда и сюда. Гляди, ястык не повреди.

Митька на первой же рыбе провел ножом слишком глубоко. Красные икринки брызнули на стол.

— Ты икру достать хочешь или всю рыбу до хребта распахать? — возмутился Семен Семенович. — Мельче нож веди. Вот так!

Я быстро приноровился. Несколько движений: икра в отдельную плошку, внутренности в кадку, тушу дальше на промывку. Там рыбу пластовали, пересыпали солью и укладывали в бочки плотными слоями. Сверху клали деревянный круг и гнет.

Часть пластов шла на вешала. Их расправляли так, чтобы они не соприкасались, и оставляли вялиться. Остальное готовили к копчению.

— Звягинским отдельную бочку, — распорядился Конев. — Мальчишки растут, едоков много.

— Вдовам еще отложить надо, — напомнил кто-то.

— Отложим. И в станичный амбар. Караулам, разъездам, больным и старикам хватит. Для гостевого дома запас тоже понадобится.

Рыбу делили между семьями участников, но часть улова шла на общественные нужды и тем, кто сам выйти на лов не мог.

К полудню мы сделали второй заход, потом третий.

К вечеру руки горели от соли и веревки. Рубаха прилипла к спине, от меня несло рыбой за версту. Я уже думал, что сыт одним запахом кеты до следующей весны, когда Конев поставил передо мной большую миску ухи.

— Ешь, Громов. Кравцов велел тебя лучше кормить. Говорит, в городе исхудал больно.

В миске лежал крупный кусок свежей кеты. Уха пахла укропом и дымком. Жирный бульон оказался на удивление сладковатым, а мясо утреннего улова таяло на языке. Миска быстро опустела.

Домой вернулся под вечер.

Пелагея Александровна встретила в сенях и сразу выставила ладонь.

— В баню иди. А лучше сперва во дворе чешую смой.

— Теть Польш, я только...

— Даже не думай в горницу заходить. От самой калитки рыбой несет.

Баня была натоплена на славу. Я сел на полог, плеснул воды на каменку и вдохнул пар. Когда вошел в дом, за столом уже сидели Саша и парни: Мельников, Меренский, Бортеньев, Медведовский и Моренченко.

Посреди стола высилась стопка горячих блинов. Рядом стояли миски со свежепросольной красной икрой, запеченная кета, грибы, мед и чай.

Проход принес новый мяч и показал парням.

— Ну что, — объявил он. — Козловским завтра весточку отправим. Пушай готовятся.

— Слыхал, Демьян у них уже команду гоняет, — сказал Меренский. — На выгоне каждый вечер занимаются.

— Пушай, — ответил я. — Так даже веселее будет.

Саша сидела рядом, но не прижималась: при всех такое было невместно. Время от времени она подкладывала мне икру или поправляла миску, если я отвлекался на разговоры.

— Ешь, — тихо сказала она. — Отъедаться тебе надо.

— За один день не выйдет.

— За один, не за один, ешь давай, Андрюша. Не болтай, — улыбнулась она.

Вскоре Олег торжественно внес бутылку с молодой медовухой.

— Теперь пробуем по-настоящему. Вчера Андрей с дороги был, то не считается.

Крестный снял пробку и налил себе. Проход тоже пригубил, потом Моренченко вызвался оценить.

— Молодая, — заключил Проход. — Ей еще стоять да стоять.

Моренченко пригубил и одобрительно кивнул:

— Очень недурно вышло.

Медведовскому с Меренским налили понемногу. Олегу Пелагея Александровна поставила узвар.

Саша попробовала каплю и покачала головой.

— Я же говорила, ей еще две седмицы стоять.

— Так чего же вы тогда все пьете? — возмутился Олег, глядя, как уровень в бутылке быстро снижается.

Крестный снова наполнил чарку.

— Дык, сынок, пока не попробуешь, не поймешь, как надо!

Когда гости начали расходиться, я вышел на крыльцо проводить друзей и задержался. Саша помогала Пелагее Александровне собирать посуду, а Проход с Олегом спорили в сенях о предстоящей игре.

За месяц я привык отзывать на чужое имя, спать вполглаза и держать нож под рукой. Теперь я был связан с тайной службой, о которой не мог рассказать даже близким.

Но здесь, в этих стенах, и с родными мне людьми, я снова был Андреем Грозовым.

Глава 8. Товарищеский матч

Большая путина продолжалась еще шесть дней. За это время я стер ладони до мозолей, насквозь пропитался запахом рыбы, который не брала даже баня, и научился почти вслепую потрошить кету. Невод заводили с рассветом, выбирали к полудню, а после короткого перекуса снова выходили на воду. Рыбы шло столько, что вся станица работала с рассвета до заката.

К шестому утру кеты в неводе стало меньше. На седьмое сделали всего два захода, а к вечеру Георгий Степанович Конев объявил:

— Все, братцы. Большую путину мы заканчиваем. Дальше каждая артель для своего хозяйства ловить будет, общественный запас мы заложили справный.

Мы вымыли столы, ножи, кадки и колотушки. Невод хорошенько прополоскали, местами и починить пришлось, а затем развесили сушиться.

Конев оглядел всю артель и довольно кивнул:

— Славно потрудились, благодарствую, братцы!

На том большая путина закончилась, а лето, будто этого и поджидая, сразу пошло на убыль.

По утрам над Уссури все чаще вставал непроглядный туман. Вода потемнела, дул резкий порывистый ветер. Если с вечера курень протапливали лишь слегка, то к утру хотелось натянуть одеяло до ушей. Тайга понемногу меняла цвет: желтели березы, на сопках проступали багряные пятна клена.

Лончаково готовилось к осени.

Женщины солили грибы, квасили капусту, сушили ягоды и корни. Казаки заготавливали дрова: валили поблизости худые деревья, складывали их штабелями, а вывозить собирались уже по снегу, на санях легче.

На новой кубанской улице уже стояли под крышей несколько законченных срубов. В гостевом доме при станичном правлении настилали полы, ставили перегородки и готовили место под большую печь, которой предстояло топить эту громадину. Тут конечно торопились, и нормальной осадки сруба не дождались, готовясь при необходимости повозиться с полами весной заново, если сильно осядет.

Мой курень тоже накрыли. Сруб оставили осаживаться, но Олег каждый день находил там работу: то перебирал мох, то осматривал бревна, то конопатил щели, которые, по его мнению, пропустили работнички.

Но осень принесла не только хозяйственные заботы.

Наш разъезд задержал у верхней протоки трех китайцев. Они ставили сети в запретном месте. При них нашли бочонки с икрой и две лодки, спрятанные в камышах.

Одного задержанного я узнал сразу. Он прежде работал в артели Ли, помогал чинить нашу баню и таскал бревна на постоянный двор.

Вечером Овсянников собрал в правлении крестного, Албазова, Макара Завьялова и меня. Парамон уехал с поручением в Козловскую, и я снова оказался временно прикрепленным писарем.

— Воруят нашу рыбу, — сказал Глеб Маркелович. — С этим все ясно. Только дело не сходится. Рыбы и на том берегу хватает, вон сколько мы одной кеты в путину добыли. Зачем они полезли туда, где их наверняка заметят?

Задержанный молчал, но, когда привели Ли, заговорил.

Ловля оказалась прикрытием. Люди Ли переправляли через Уссури свои семьи. После ареста англичанина хунхузы начали искать виновных в провале всей затеи, и под подозрение попала артель отходников.

— Они думать, мы русским помогать, — переводил Ли. — Семьи теперь убить хотят. Женщины, дети в тайге прятаться. Как холода придут, погибнут. В Миллионке тоже нельзя, там у хунхузов своих людей много.

Овсянников постучал карандашом по столу.

— Сколько их?

— Семь семей. Всего тридцать один человек. Детей много.

— Если пустить их в Лончаково, то завтра здесь половина китайского берега поселится, — заметил Албазов.

— А если не пустить, то их просто вырежут, — сказал я.

Глеб Маркелович посмотрел на меня.

— С чего это ты, Громов, так печешься о людях Ли?

— Работали они справно, зла не делали, вы про то и сами хорошо знаете.

Атаман еще немного подумал и принял решение:

— В станицу не пушу. Разместим на старой заимке у нижней протоки. Оттуда и до Лончаково недалеко, и выход к реке есть. Мужчины станут работать на общественных стройках, рыбу ловить. За порядок отвечает Ли. Оружия на руках у них быть не должно. Всех, включая детей, переписать и внести в отдельный список.

— Записывай распоряжение, Андрей, — повернулся он ко мне.

Так у нижней протоки появилось маленькое китайское поселение. За две недели люди Ли поставили несколько крытых корьем фанз, сложили общую печь и огородили лагерь плетнем. Станица выдала им в долг муку, крупу и соль, а мужчины отрабатывали припасы на стройках.

В конце сентября для десятка новоприбывших кубанцев наконец доставили лошадей.

Конский ремонт пришел, как всегда, на «Сунгаче»: восемь меринов и две кобылы. Коней распределяли на площади при всем обществе. Макара Остапенко получил гнедого с темной полосой по хребту, Трофиму достался мышастый мерин. Моренченко с широкой улыбкой вывел из станичной конюшни высокого рыжего коня с белой отметиной на лбу.

— Вот это другое дело, Андрюха! А то, как казаку без коня? Чай, не пехота какая.

— Сперва объезди, — предупредил крестный. — Норов у этого мерина имеется.

— Норов — дело хорошее. Я и сам не прост, — подмигнул Моренченко.

Кубанцы разом повеселели. Заждались они своих коней.

Однажды после обеда Саша помогала Олегу на пасеке. Они осматривали ульи перед холодами. Над двором тянуло дымом от стряпки, пчелы сонно кружили возле летков, пользуясь последним теплым днем.

Я дождался, когда Олег понес к дому туесок с медом, и позвал свою невесту:

— Саша, зайди-ка сюда, мне твоя помощь нужна.

— Куда это?

— В сарай.

Она посмотрела с подозрением.

— Зачем еще?

— Покажу кое-что. Не бойся, неужто я дурной какой?

— Вот еще, скажешь тоже!

Саша отряхнула руки от воска и пошла за мной. Я пропустил ее внутрь и прикрыл дверь, чтобы со двора не задувало.

В сарае было темновато, света, пробивавшегося через щели, не хватало.

Саша остановилась посреди прохода и обернулась, уперев руки в бока:

— Андрей, ежели ты меня сюда озорничать позвал, то даже не думай. До свадьбы нельзя.

— Как это озорничать? — только улыбнулся я.

— Сам знаешь как. — Щеки Саши покраснели.

— Да ты что! Я вовсе не про то!

— А зачем дверь прикрыл?

— Чтобы ветер ткань по сараю не разметал. Мне с тобой о шитье поговорить надо.

— О каком еще шитье?

Я прошел к сундуку, откинул крышку и достал отрезы. Следом выставил склянки с купоросом, мешочек щелока и лоскуты, на которых еще в Хабаровке испытывал разные составы.

Саша молча наблюдала, а потом выдохнула:

— Ну и напугал ты меня своим шитьем.

— Это еще кто кого напугал, — пробормотал я, раскладывая ткань на верстаке. — Сама невеста что придумала.

— А нечего девицу в пустой сарай заманивать да дверь за собой закрывать.

— Больше не стану, будь покойна.

Саша разгладила ладонью один из отрезов. По полотну неровными пятнами лежали зеленые, бурые и серые разводы.

— И что ты из этого сшить хочешь?

— Куртку и широкие штаны для тайги.

— Из такой мараной ткани?

— Ага. Только не мараной, а пятнистой.

Она покачала головой.

— Андрей, тебя даже дети камнями забросают. Решат, что по улице леший ходит.

— По улице я в таком ходить не стану. Только в тайге. Смотри.

Я набросил свою готовую накидку и отошел в дальний угол, где у стены лежали мох и обрезки досок.

— Отвернись.

— Опять начинаешь? — Саша подняла брови.

— Да не опять. Отвернись на миг, потом искать меня будешь.

— Ох, чего еще удумал? — все-таки отвернулась она.

Я присел возле стены, натянул капюшон и прикрыл лицо краем ткани.

— Теперь гляди.

Саша обернулась, посмотрела у двери, за верстаком, на полках. Ее взгляд дважды прошел по моему углу, но надолго не задержался.

— Андрей?

Я промолчал. Она шагнула вперед, осмотрелась еще раз и только тогда заметила меня. Вздрогнула, прижала ладонь к груди.

— Господи! И вправду не видно. Я же прямо на тебя смотрела, а не углядела.

Я поднялся и сбросил капюшон.

— В лесу будет еще лучше. Только накидка цепляется за сучья и мешает при беге. Нужна короткая куртка из такой же ткани, без длинных пол, и штаны, чтобы ничего не болталось.

— Для охоты, что ли, все это?

— Для нее, а куда еще.

Саша вернулась к осмотру ткани, потерла ее пальцами.

— Гляди, Андрей: вот здесь ткань крепкая, а тут ты ее щелоком пережег. Если сильно натянуть, порвется.

— Где слабое, можно подложить второй слой. А когда красить станем, подержим в щелоке поменьше. И внутри нужны карманы, чтобы снаружи ничего не болталось и за ветки не цеплялось.

— Сколько карманов ты удумал?

— Чем больше, тем лучше.

— Нет уж, так не годится. Ты хочешь на пугало походить? Куртка мешком повиснет. Сделаю два кармана на груди и еще два под полами.

— Тогда еще один узкий, для ножа, чтобы ножны вошли.

Она взяла веревку и стала снимать с меня мерки. Подойти пришлось вплотную, и наши взгляды встретились.

— Стой ровно, — Саша первой отвела глаза.

Она отметила длину веревки узелком.

— Когда тебе этот наряд понадобится?

— Не знаю. Как сможешь пошить, так и хорошо.

— А ты, похоже, опять куда-то собрался? — Улыбка исчезла с ее лица.

— Пока никуда, Саша.

— Тогда зачем тебе одежда, в которой можно по тайге незаметно ходить, да еще и бегать?

— Правда, не собираюсь. — Отшутиться не вышло. — Просто лучше иметь под рукой, чем искать, когда надо, а нету.

— Добре. — Саша немного помолчала. — Сошью тебе костюм лешего. Только смотри у меня...

— Постараюсь, — пожал я плечами.

Она собрала отрезы и направилась к двери. На пороге остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— А после свадьбы можешь позвать меня в сарай уже без всего этого, — тряхнула она тканью.

У меня даже уши загорелись. Саша выскочила во двор, звонко рассмеялась и вернулась к ульям.

Через несколько дней мы с Прохором принесли мяч в правление. Овсянников как раз заканчивал разбирать наряды.

— Глеб Маркелович, разрешите обратиться! — вытянулся Мельников.

— Обращайся.

— Разрешите игру с козловскими на Покров провести.

Атаман поднял глаза от бумаг.

— Какую еще игру, Мельников?

Прохор вытащил из мешка кожаный мяч и положил на стол.

— Дык вот в килу хотели сыграть, давно уж.

Овсянников взвесил мяч на ладони, надавил пальцами.

— Тяжелый какой.

— В Хабаровке шорник на заказ шил, — пояснил я. — Набит конским волосом и овечьей шерстью.

— И чего вы от меня хотите?

— Дозволения собрать две ватаги, нашу и козловскую. Они еще летом нам вызов бросили.

— А... Это я помню. Тогда на Успение должны были играть, но...

— Теперь-то спокойнее стало, — сказал Прохор. — Путина закончилась, страда к концу подходит, да и Покров для такого дела праздник подходящий.

— Сколько человек будет участвовать?

— По десять с каждой стороны.

Овсянников неожиданно бросил мяч крестному. Степан Анисимович поймал возле груди, сжал пальцами и усмехнулся:

— Гожий мяч. Давненько не держал такой, а гляди-ка, руки еще помнят.

— Так дозволите? — улыбнулся Прохор. — Козловские уже думают, что мы от вызова уклоняемся. Скоро разговоры пойдут, будто Лончаково струсил.

— Чего? Мы струсил? — с усмешкой поднялся атаман. — Играйте на Покров. И станичники после трудов пусть поглядят на вас.

Я потянулся за мячом, но Глеб Маркелович спросил:

— А что, если на поле выйдет не только подготовительный разряд? Можно и казаков постарше собрать, кости размять опять же на праздник.

Проход распылся в улыбке.

— Так еще лучше! Пусть козловские выставят свою ватагу, а мы свою.

— Это еще собрать надо, — заметил крестный. — Службу да дела по хозяйству никто не отменял.

— Соберем, — вставил я. — Моренченко половину кубанцев приведет. Хвалится, что у себя ватагой верховодил и ни разу в килу не проигрывал.

— Ни разу, говоришь? — переспросил Овсянников.

— С его слов. В деле я не видел.

— Значит, либо добрый игрок, либо брехун хороший. Там разберемся. — Крестный перебрал мяч мне.

— Парней Албазова позвать надо, и самого Дениса Палыча. Он сказывал, еще малолетком против казакевичевских выходил.

— Согласится, думаете? — спросил я.

— Станет отнекиваться, — ответил Овсянников. — Но, если скажем, что игра с козловскими, думаю, не устоит.

Пармон тихо хмыкнул над бумагами.

— Тебя это тоже касается, — повернулся к нему атаман. — Если Моренченко не наберет десять человек, то сам на поле пойдешь.

— Да как же так, Глеб Маркелович? У меня спину ломит, только оправился, — поднял брови Пармон.

— Не переживай, я пошутил, — улыбнулся атаман.

Овсянников придвинул чистый лист.

— Значит, решено: первого октября, на Покров, зовите козловских. В полдень играют малолетки. Старший ты, Проход.

— Слушаюсь!

— А под вечер выйдут реестровые казаки. Старшим запишем Александра Моренченко. Кравцов поможет обоим ватагам с подготовкой. Судить будем мы с Эповым, от каждой станицы поставим по помощнику на городские черты. Конечно, если козловские не откажутся.

— Сделаем, — кивнул Степан Анисимович.

— Разрешите идти? Нашим парням расскажу, вот обрадуются. — Проход уже рвался за дверь.

— Бегите давай, — отпустил его атаман.

Тренироваться мы начали на следующий день. Проход собрал десятерых и распределил роли. Бортеньев с Гришкой должны были вязать самых тяжелых противников, Меренский — ходить по краю, Митька Медведовский и Олег — перехватывать мяч. Мне досталось место ближе к середине.

Правила были простыми. Килу можно нести, бросать и пинать. Надо доставить ее за черту чужого города. Мяч отнимали силой, но без ударов. Упавший игрок обязан был выпустить его, а наваливаться на лежачего запрещалось.

На деле первое же упражнение превратилось в толкотню.

Мы тренировались по вечерам, когда выдавалось время. Моренченко показывал, как принять человека плечом, не подставляя голову, вырваться из захвата и уйти в сторону, заставив разогнавшегося противника пролететь мимо.

— Главное, братцы, не ломиться все время напрямик. Кила не стенка на стенку. Мяч передавайте друг другу чаще.

Взрослую ватагу возглавил сам Моренченко. Албазов сперва и вовсе отказался:

— Дел у меня будто других нет, как по полю за кожаным мячом бегать.

Но Овсянников усмехнулся:

— Что, Денис Павлович, боитесь, козловские одолеют?

В тот же вечер Албазов пришел на тренировку.

— Я не играть пришел, а показать, как людей правильно на землю класть.

Через час он уже играл вместе со всеми.

Козловские тоже готовились. Нам удалось узнать, что команду казаков там гоняет Матвей Тарасов.

— Тяжелых он собирает, — сказал Моренченко, услышав имена. — Чеботарев с Бугровым почитай по пять пудов каждый. Лоб в лоб с ними сходиться — дурным надо быть.

— Откуда знаешь? — спросил Прохор.

— Дак на ярмарке видал. Такие мордovorоты сразу запоминаются.

Накануне Покрова ударил первый настоящий мороз. Крыши и трава покрылись инеем. Над Уссури лежал молочный туман, в лужах возле колодца блестел тонкий лед.

— Завтра после службы народ на выгон пойдет, — сказал за завтраком крестный. — Козловские с семьями еще с утра прибывать начнут.

— А снег будет, бать? Как думаешь? — спросил Олег.

Акулина Никитична посмотрела в окно.

— К вечеру может крупой посыпать, нынче вон какой ветер с севера.

— Лишь бы поле не промерзло, — сказал я. — На твердую землю худо падать.

— К полудню солнце отогреет, не переживай, — ответил крестный. — А к вечеру, думаю, снова прихватит.

Днем подошел Сашка Меренский с кожаными рукавицами в руках.

— Андрей, разговор имеется.

Мы отошли к конюшне.

— Что такое стряслось?

— Любаша завтра приедет, с батей и матерью.

— Ну и хорошо, поглядит, как ты играешь.

— В том-то и дело. Ежели я перед ней мордой в грязь... Козловские до самой свадьбы вспоминать станут. И Игнат Олегович там будет.

— Ну ты сам в ватагу просился. Играй как умеешь и не думай о видаках.

Он помолчал и прищурился.

— Про свадьбу помнишь? Через десять дней уже. Ты старшим дружкой обещался. Не вздумай опять куда пропасть.

— Не пропаду, — хлопнул я его по плечу.

Первого октября все Лончаково поднялось еще до рассвета.

Трава похрустывала под сапогами, от дыхания шел пар, вода в бадьях и бочках покрылась ледяной коркой. В часовне было тесно от народу, а после службы все повалили на улицу.

Козловские прибывали кто верхом, кто на подводах, было даже несколько колясок. Женщины доставали узлы со снедью. Да и наши расстарались: для гостей напекли рыбников и блинов.

— Что, лончаковские, поле ровное нашли? — подначил кто-то из козловских.

— А то. Не в канаве же играть, — ответил Прохор.

На выгоне поставили длинные столы. Пелагея Александровна принесла круглики с кетой, соленые грузди, хлеб и большой туесок с медом. Нюрка с Сашей напекли блинов и выставили свежепросольную икру, на которую после путины я уже глядеть не мог. Олег притащил пару бутылей молодой медовухи, которая, по его словам, наконец дошла.

К полудню туман расползся, иней начал таять. Земля стала влажной и скользкой, зато падать было не так опасно.

Козловскую молодежную ватагу я высмотрел сразу. Впереди стоял Костя, Любашин двоюродный брат, крепкий парень со шрамом на скуле, с которым мы познакомились еще на Троицу. Рядом вертелся коренастый Митька, тот самый задира, с которого летом начался спор о киле. Тогда он пыжился, что козловские раскатают нас в блин, а их Демьян один стоит всей нашей ватаги.

Они подошли к нам.

— Здорово дневали, лончаковские, — поздоровался Костя.

— Слава Богу, гости дорогие, — ответил Прохор.

Митька подбросил мяч.

— Гляжу, и калеченый ваш все-таки на поле вышел.

— Так рука зажила, а ты больше о себе беспокойся.

— А чего мне беспокоиться? Мы вас и вашим мячом вынесем, коли хотите.

Прохор шагнул к нему, но Костя выставил руку.

— Угомонись, — Костя тихонько ткнул задиру в бок. — Уговор был честно сыграть. На поле и покажем, кто чего стоит.

В стороне стояли Игнат Олегович, Любаша с матерью. Меренский, завидев невесту, принялся разом поправлять пояс, чекмень и папаху.

— Не вертись ты, аки красна девица, — сказал Прохор. — Вроде не кривой, не косой, жених выходит не плохой.

— Только ссытся да глухой, — хлопнул Меренского по плечу Бортеньев.

— Да ну вас, шуты гороховые, — махнул рукой Сашка.

Ровно в полдень на середину поля вышел Петр Петрович Эпов. Рядом с ним встали по одному помощнику от каждой станицы. Отец Филарет благословил игроков.

— Правила знаете. За горло не хватать, лежачего не трогать, кулаками не бить, ногами не подсекать. Если мяч выпал, борьба продолжается. Взяли город — возвращаемся на середину. Игра до трех городов. Вопросы имеются?

— Нет! — отозвались обе ватаги.

Эпов бросил килу высоко над серединой поля.

Первая свалка сразу показала, что легко не будет. Бортеньев сцепился с козловским здоровяком, Медведовский подхватил отскочивший мяч и пустил его через меня к Прохору. Костя сбил меня с ног, однако Меренский успел перехватить передачу, прорвался по краю и первым пересек чужую черту.

— Город!

Лончаково взревело. Любаша хлопала, и Сашка, заглядевшись на невесту, едва не забыл вернуться на середину.

Козловские ответили стремительно. Их Митька подхватил мяч у самой земли, ушел от Олега, прорвался между Истоминым и Зиминным и передал Косте. Тот врезался в нашу линию, протащил на плечах Гришку Найденова и рухнул за чертой.

— Один — один! — взревели станичники.

Митька прошел мимо меня, ухмыляясь:

— Чего, Абиссинец? Не все тебе языком молоть?

— Играй, пока дают.

Дальше поле подраскисло, мы перемазались с ног до головы. Бортеньев получил плечом в грудь, но от замены отказался. Медведовского дважды укладывали в грязь, и оба раза он поднимался и снова лез в борьбу.

Я заметил, что козловские слишком стянулись к Прохору, ожидая очередной передачи через него.

— Саня! — крикнул я и показал на дальний край.

Меренский увел за собой двоих. Прохор отдал мяч мне, я сделал несколько шагов и бросил назад Олегу. Брат проскочил по освободившейся середине и взял второй город.

Козловские сравнивали счет длинной передачей. Их крайний поймал килу у самой линии, а Меренский поскользнулся и не успел тому помешать.

— Два — два!

Последний город решал все.

Мы вернулись к середине поля, тяжело дыша, от нас валил пар.

— Илюха, держи Костю, — скомандовал Прохор. — Андрей, следи за Митькой. Саня — твой левый край. Играем, братцы!

Эпов бросил мяч.

Кила несколько раз исчезала под ногами, пока козловский Митька не вырвался вперед. Я догнал его, ударил ладонью снизу по мячу, и тот взлетел из рук к Мельникову. Прохор поймал его на лету, отдал Бортеньеву, а Илюха, приняв на себя двоих, вернул мне.

Я перебросил мяч через головы Меренскому. Сашка поймал на краю, но поскользнулся, и кила выпала. К ней первым метнулся Митька, однако Медведовский нырнул в грязь и кончиками пальцев вытолкнул мяч за его спину. Олег подхватил и бросил Прохору.

Козловские стянулись к нему почти у самой черты. Прохор сделал вид, что пойдет напролом, и в последний миг снова отдал Меренскому.

Сашка вошел в город почти без сопротивления.

— Три — два! Лончаково победило! — объявил Эпов.

Наши взревели.

Меренского подхватили на руки и понесли к столам. Любаша смеялась, а Игнат Олегович поглаживал усы и одобрительно смотрел на будущего зятя.

Костя подошел к нам, переводя дыхание.

— Славная игра у нас вышла.

— Славная, — согласился Прохор и по-дружески хлопнул его по плечу.

Митька стоял рядом мрачнее тучи.

— Еще сыграем.

— Обязательно, — улыбнулся я.

Мы переоделись в сухое и уселись за столы. На блюдах лежали круглики с рыбой, с капустой и грибами, соленая кета и блины. Рядом стояли миски с красной икрой, мед, узвар и горячий чай. Старики обстоятельно разбирали спорные моменты.

Олег выставил свою молодую медовуху. Крестный снял пробу, подержал во рту и одобрительно кивнул:

— Вот теперь другое дело.

— Я же говорил, — просиял Олег.

Меренский сидел рядом с Любашей. Игнат Олегович позволял им разговаривать, но время от времени поглядывал на молодых.

Я подсел к Сашке.

— Ну что, жених, не опозорился нынче?

— Сам же все видел. Любаша сказала, что я лучший на поле.

— А то. Знай наших!

Со стороны реки донесся протяжный гудок. Народ у столов притих. За лесистым мысом показался дым, а затем и нос «Сунгачи».

— Пароход по расписанию только послезавтра должен быть, — заметил Прохор.

К берегу направились караульные. Минюхин позвал меня с Мельниковым:

— Андрей, Прохор, подсобите, народ сейчас с поля рванет к пристани, а у нас проверка пассажиров.

Пароход причалил, загремели сходни. На берег сошли два купца, женщина с ребенком, чиновник в пыльном сюртуке, несколько мастеровых и один рыжий улыбающийся кубанец.

Глава 9. По кубанскому обычаю

Семен заметил меня и разыграл удивление:

— Да чтоб мне провалиться! Никак сам Громов?

Я шагнул навстречу.

— Сема? Рыжий? Вот так встреча. Здорово дневали, братец.

— Слава Богу. Почитай с самой Африки тебя не видел.

Мы крепко обнялись.

— Вы знакомы? — с любопытством спросил Прохор.

— Еще бы, — ответил Рыжий. — В Новой Москве вместе были, потом на одном французском корыте ходили, правда, в кандалах.

— Значит, ты тот самый Семен? Андрей рассказывал.

— Надеюсь, только хорошее?

— В основном.

— Врет, стало быть, — хохотнул Бирюков.

Минюхин откашлялся:

— Разговоры после, сначала документы предъявите.

— Вот вам бумаги, господин хороший.

Семен достал из-за пазухи пакет. Минюхин проверил печать и развернул предписание.

— Бирюков Семен Трофимович. Кубанская область. Перевод в Уссурийское казачье войско. Направляется для поселения в станицу Лончаково.

Прохор заглянул через плечо и присвистнул:

— Вот так да, еще один кубанец.

Оружие Семена тоже внесли в опись: берданка, шашка, револьвер в кобуре и два охотничьих ножа. Остальной скарб осмотрели бегло. Все было по форме.

— Теперь ступай в правление, — сказал Минюхин. — Атаман должен внести тебя в списки и определить на постой.

— Веди, Андрей. Гляжу, ты тут все знаешь.

В правлении находились Овсянников, крестный и Парамон. Глеб Маркелович долго читал бумаги Бирюкова, сверял печати и номера.

— Ранее в Амурском войске не состояли?

— Никак нет, господин атаман. До Африки нес службу в пластунской команде на Кубани.

— Семья?

— Холост.

— Лошадь, хозяйство?

— Ничего нет, — развел руками Рыжий.

— Временно разместим тебя с десятком Макара Остапенко. Жить будешь в общем курене, пока не определим пай и не поставишь свой. Службу начнешь с завтрашнего дня в десятке Остапенко.

Когда с бумагами закончили, Овсянников вручил Рыжему временный пропуск.

— Из станицы без разрешения не уходить. На границе живем, как-никак.

На крыльце Семен огляделся.

— Ну что, Андрей, показывай, что тут да как.

— Сначала на выгон. Там сейчас вся станица.

По дороге Рыжий расспрашивал:

— Атаман ваш, стало быть, хорунжий Овсянников?

— Глеб Маркелович. Службу знает, характер, правда, непростой. Рядом с ним был мой крестный, Степан Анисимович Кравцов.

— Тот, к которому ты из Адена поехал?

— Он самый. Вахмистр, товарищ атамана. В станице его уважают.

— Прохор кто таков?

— Мельников, старший в учебной команде. Вон тот здоровяк — Сашка Моренченко, тоже кубанец. Сегодня взрослую ватагу в киле поведет.

— Моренченко? Так я его знаю. Он из Каневской, мы на сборах пересекались. И вы тут в килу играете? Вот это дело. Я дома едва ли не каждый праздник выходил.

— Взрослые играют под вечер.

Навстречу шли Саша и Нюрка с пустыми корзинами и кувшином. Возвращались от праздничных столов за новой снедью.

Саша увидела меня первой.

— Андрей, ты куда пропал? Мы уж думали, Овсянников тебя с игры прямо в правление посадил за бумаги.

— Встречал вот своего друга. Саша, знакомься: Семен Бирюков. Мы с ним в Африке вместе были. Семен, это Александра Семеновна. Невеста моя.

Саша зарделась.

Рыжий улыбнулся.

— Здоровы были, Александра Семеновна. С самой Африки Андрея не видел. Думал, он здесь давно ребятишек нянчит, а он вон какую красавицу дожидается!

— Курень он уже почти поставил, — улыбнулась Саша. — До ребятишек дело еще не дошло.

Семен хохотнул, перевел взгляд на Нюрку и замер.

Анна Григорьевна тоже остановилась и смерила его с головы до ног.

— А это Анна Григорьевна, — представил я.

Рыжий расплылся в улыбке и поклонился куда ниже прежнего.

— Теперь понимаю, отчего мой друг на Дальний Восток подался. У вас тут каждая встречающая казачка краше другой.

Нюрка прищурилась.

— Ты, рыжий, сперва пыль с себя смой, потом казачек разглядывай. От тебя углем за версту несет.

— Стало быть, заметили меня, Анна Григорьевна, это уже хорошо.

— Тебя попробуй не замети. Такого рыжего детину с другого берега Уссури видать.

— А мне нравится, когда женщина сразу правду в лоб говорит.

— Не торопись радоваться. Я еще не всю сказала.

Саша прикрыла улыбку ладонью.

От выгона к нам шел Моренченко со связкой кольев для факелов на плече. Завидев Семена рядом с Нюркой, он замедлил шаг.

Рыжий радостно развел руки:

— Моренченко! Вот кого не ожидал встретить!

Они поручкались. Семен хотел обнять здоровяка, но тот встретил его сдержанно, поглядывая то на него, то на Нюрку.

— Какими судьбами?

— Переселенцем. Направили жить в вашу станицу.

— Вот оно как.

— А ты, гляжу, уже освоился.

— Освоился, — коротко ответил Моренченко.

Нюрка подхватила корзину.

— Хватит посреди улицы торчать. Саша, пошли.

Проходя мимо Рыжего, добавила:

— И вправду умойся, Семен Трофимович, в баню тебе надо.

— Для вас хоть в Уссури нырну.

— Вот поди и нырни, только не отморозь себе чего.

Женщины ушли. Бирюков проводил Нюрку взглядом и мечтательно вздохнул:

— Эх, хороша...

Моренченко поставил колья на землю.

— Ты поосторожнее, Сема.

— А что такое?

— Анна Григорьевна женщина серьезная.

— Я тоже не балагур какой.

— Не сказал бы.

Я шагнул между ними:

— Хватит. На выгоне народ ждет, Семен, отнеси вещи и приходи.

— Дорогу сам тогда найду.

Рыжий закинул мешок на плечо и пошел к новой улице. Моренченко некоторое время смотрел ему вслед.

К вечеру подморозило сильнее. Солнце клонилось к закату, но игру рассчитывали закончить засветло. На всякий случай по краям поля зажгли смоляные факелы.

Козловские вышли в красных перевязях. Впереди шел Матвей Тарасов, невысокий, коренастый казак с широкой грудью. За ним — Чеботарев и Бугров, каждый размером с небольшого медведя. Остальные тоже выглядели крепко.

Нашу ватагу вел Моренченко. Перед выходом он поймал взгляд Нюрки у столов и лихо поправил усы. Рыжий стоял среди зрителей, уже умытый и переодетый в чистый бешмет.

Эпов вывел ватаги к середине.

— Играем до моего свистка. Если кто раньше возьмет три города, закончим. Скоро стемнеет. Замена только при травме. Понятно?

— Понятно.

Мяч взлетел, и понеслась. Эта игра мало походила на нашу. Два десятка матерых казаков врезались друг в друга с таким грохотом, что зрители отступили от ограды.

Чеботарев прижал килу к животу и пошел напролом. На нем повисли Трофим и Егор Рындин, но он протащил обоих еще несколько шагов. Моренченко налетел сбоку и выбил мяч плечом. Албазов подхватил, отдал Орлову, дальше кила ушла на край, где Луку Чернова вынесли за линию вместе с ней.

Первый город все же взяли козловские. Демьян Кочетов выманил Моренченко к краю и передал Матвею Сомову. Тот прорвался посередине и пересек черту.

— Один — ноль!

Лончаковские сравняли после долгой борьбы. Моренченко стянул на себя троих и бросил Албазову. Денис Павлович ушел от захвата, отдал Фролу Дегтяреву, и тот ввалился в город вместе с двумя противниками.

— Один — один!

С каждой минутой темнело. Факелы чадили, от игроков шел пар, мяч намок и стал еще тяжелее.

В следующем розыгрыше Моренченко поймал килу и рванул к чужой черте. Навстречу вышел Бугров. Саня попытался обойти его, но тот успел выставить плечо.

Столкнулись на большой скорости. Моренченко отлетел, перевернулся и остался лежать, прижав руку к боку.

— Стой! Игру остановить! — закричал Эпов.

Юдинцев уже бежал к нему.

— Не трогайте. Дыши, Саня. Где болит?

— Плечо... И бок.

Доктор ощупал ребра, осторожно поднял руку. Моренченко зашипел.

— Все. Больше не играешь.

— Да ты чего, Роман Васильевич? Нормально я!

— Это ты мне завтра расскажешь, а сейчас на скамью.

— Так я старшой ватаги.

— Со скамьи и будешь верховодить.

Моренченко попытался подняться, но пошатнулся. Его подхватили и увели с поля.

Эпов оглядел лончаковских.

— Замена дозволена. Есть запасной?

Наши стали совещаться.

— Дозвольте мне, — раздался голос с края.

— На Кубани играл, правила ваши понял. — Рыжий вышел из толпы. — Я тут человек новый, но коли сегодня меня приписали к Лончакову, могу выйти за станицу.

Эпов посмотрел на Овсянникова. Тот пожал плечами:

— Сегодня приписан к станице. Если обе стороны не против...

Матвей Тарасов оглядел Семена.

— Пускай, нам без разницы, кого валять.

— Зря ты так, братец, — усмехнулся Рыжий.

Он снял бешмет и папаху, повернулся к Нюрке и с шутивым поклоном передал папаху Остапенко.

— Анна Григорьевна, пожелайте удачи новоприбывшему станичнику.

— Ступай уже, балагур. Гляди, чтобы усы рыжие тебе не оторвали.

— Ради вас постараюсь сохранить.

Саня сидел на скамье, пока Юдинцев перевязывал ему плечо. Лицо у Моренченко было мрачнее ночи.

Семен вышел на поле.

Поначалу он держался сзади, присматривался. Потом перехватил передачу по краю, дождался, пока на него двинутся Чеботарев с Сомовым, и отдал Трофиму. Тут же сместился, принял обратную передачу и ушел от захвата разворотом через плечо.

— Любо! — закричали кубанцы.

Рыжий добрался почти до города. Его остановили втроем, но, падая, он успел вытолкнуть мяч Албазову. Денис Павлович не удержал, зато Никита Трофимов подхватил килу и пересек черту.

— Два — один!

Козловские спорили, будто мяч коснулся земли до передачи, но Эпов посоветовался с помощниками и город засчитал.

После этого Матвей приставил к Рыжему Бугрова. Тот навалился всей массой, но Семен ушел в сторону и использовал разгон противника. Бугров пролетел мимо и рухнул в грязь, подняв тучу брызг.

Игра металась от одного города к другому. Кила проходила через Албазова, Дегтярева и Трофима, снова возвращалась Семену. Рыжего валили в нескольких шагах от черты, козловские тут же уносили мяч обратно, а лончаковские успевали перехватить.

Земля превратилась в грязевое месиво, вдобавок начал сыпать снег. В свалке уже трудно было понять, у кого кила.

Вдруг мяч вылетел к Матвею Тарасову. Он понесся к нашему городу. Рыжий выбрался из кучи, догнал у самой черты, ухватил за пояс и развернул. Оба рухнули, кила покатила по земле.

Козловский Елисей Шестаков подхватил ее. Трофим Остапенко навалился сверху, но Шестаков, уже падая, вытянул руки и вместе с мячом проскользнул за черту.

В тот же миг Эпов свистнул:

— Время! Стой! Игру остановить!

Не сразу, но игроки замерли. Некоторых пришлось растащить.

Эпов посовещался с помощниками и объявил:

— Итог: два города у Лончаково, два у Козловской.

— Не пересек он! — крикнул Албазов.

— Пересек до свистка. Судьи все видели. Два — два. Ничья.

Обе ватаги загудели. Кто-то требовал играть до последнего города, хотя многие уже едва стояли на ногах. Юдинцев перекричал всех:

— Закончили! Я вас лечить до Крещения не собираюсь!

Эпов поднял руку:

— Решение окончательное. Весной сыграете еще.

Спор понемногу утих. Игроки побрались и потянулись к столам.

Рыжий стянул мокрую, перепачканную рубаху, выжал ее. На плече краснела ссадина, под глазом наливался синяк, но он довольно щерился и натягивал сухой бешмет.

— Добрая у вас тут игра.

Нюрка подошла с кружкой.

— На, герой. Воды выпей, пока не рухнул.

— А медка не нальете?

— Обойдешься, с тебя и воды довольно.

Семен сделал несколько глотков и вернул кружку. Нюрка потянулась забрать ее, но Рыжий придержал кружку пальцами.

— Анна Григорьевна, коли за каждый город вы лично воду подносить станете, я для вас хоть три за вечер возьму.

— Для начала научись на ногах стоять, — ответила она, но руку сразу не отняла.

Моренченко поднялся со скамьи. Плечо было туго перевязано, двигался он осторожно, но лицо налилось кровью.

— Нюра, — окликнул он. — Тебя баба Серафима к столам звала.

— Не слыхала ее.

Рыжий усмехнулся, и Саня это заметил.

— Чего ухмыляешься?

— Радуюсь, что в славную станицу попал.

— Слишком что-то ты радуешься, не рано ли?

— А ты мне не указ.

Нюрка сразу шагнула между ними.

— Вы оба чего удумали? Один поломанный, второй только с парохода, а уже петушиться взялись.

— Я ничего, Анна Григорьевна. Просто разговариваю.

— Слишком много разговариваешь и не с теми, — отрезал Моренченко.

— А тебе какая печаль? Анна Григорьевна сама решит, с кем ей говорить.

Моренченко шагнул ближе.

— Я тебе объясню, какая.

Я встал между ними.

— Саня, охолоди. Сема, и ты не лезь.

— Андрей, не вмешивайся, — процедил Моренченко. — Мы по-взрослому разберемся.

— С одной рукой? — спросил Рыжий. — Ты сперва плечо вылечи.

— Мне и одной достанет.

Нюрка уперла руки в бока.

— Слушайте сюда, оба два. Я не корова на ярмарке, чтобы из-за меня рогами мериться. Ты, Саша, мне пока ни сват, ни муж. А ты, рыжий, только приехал и уже больно голосист. Еще раз устроите такое — обоих разом погоню. И неважно, кто начнет свару.

Она развернулась и ушла к столам.

— Хороша... — тихо процедил Рыжий, провожая ее взглядом.

Это стало последней каплей. Моренченко шагнул первым. Здоровая рука пошла тяжелым крюком в голову. Семен чуть развернулся боком, пропустил кулак мимо и коротко ударил в ответ.

Удар пришелся Моренченко в скулу. Тот качнулся, но устоял. Он был тяжелее Семена почти на полпуда. С ходу навалился всей массой, сгреб Рыжего за пояс и потащил в грязь.

Оба заскользили на раскисшей земле.

Семен попытался вывернуться, но Саня держал крепко. Рыжий ткнул его под ребра. Моренченко хекнул и в ответ боднул лбом.

Губа Семена лопнула, по подбородку потекла кровь.

— Ах ты ж... — выдохнул Рыжий.

Он зацепил Сашкину ногу и рванул на себя. Моренченко повалился, но противника не выпустил. Оба сцепились, словно дворовые псы.

— Отставить! — заорал я, вклиниваясь между ними. — Охолоните, дурни!

Мне тут же прилетело локтем в грудь. От кого именно, я не разобрал.

Подоспел Прохор. Он навалился на Моренченко со спины и ухватил за пояс. С другой стороны Семена обхватил Сашка Меренский.

— Саня, пусти! Плечо совсем угробишь, дурак! — кричал Прохор.

— Уймитесь, мать вашу! — надрывался Меренский. — Чего вы как петухи?!

Рыжий пытался достать Моренченко ногой. Тот рвался вперед, не обращая внимания на боль в плече.

Нюрка стояла рядом, побелев от ярости.

— Я вам сейчас обоим покажу! Совсем сдурели?!

— Овсянников идет! И Эпов с ним! — донеслось сбоку.

От накрытых столов к нам направлялись Глеб Маркелович и Петр Петрович. Рядом шагал крестный.

— Сейчас оба в холодную угодите, — прошипел я. — А ты, Саня, еще и с перевязанным плечом. Заканчивайте!

Упоминание холодной подействовало. Моренченко перестал вырываться. Семен сплюнул кровь в грязь и вытер губу ладонью.

Прохор отступил от Сашки, Меренский отпустил Рыжего.

Когда подошло начальство, мы уже разняли обоих.

Овсянников остановился перед нами. Сначала посмотрел на разбитую губу Семена, потом на перепачканного Моренченко.

— Что здесь происходит?

Моренченко сообразил первым. Он расплылся в улыбке, шагнул к Рыжему и с силой хлопнул того по спине. Семен едва устоял.

— Победу после килы отмечаем, Глеб Маркелович! У нас на Кубани так заведено. Хорошо Семен сыграл, чертяка!

Рыжий опешил лишь на миг. Потом тоже оскалился окровавленными зубами и от души хлопнул Моренченко по больному плечу.

Саня стиснул зубы, но не издал ни звука.

— И ты молодец, братец! — громко сказал Семен. — Уважил!

Эпов оглядел обоих, затем посмотрел на вытопанную грязь.

- Станный у вас обычай.
- Как уж есть, Петр Петрович, — невозмутимо ответил Моренченко.
- Степан Анисимович кашлянул в кулак, пряча усмешку.
- С таким празднованием вы друг друга покалечите, — без улыбки сказал Овсянников.
- Особенно ты, Моренченко. У тебя и без того плечо перевязано.
- Виноват, Глеб Маркелович. Перестарался малость.
- Глядите у меня.
- Овсянников повернулся к Эпову:
- Пойдемте, Петр Петрович.
- Думаете, поверил? — спросил Прохор, когда начальство отошло.
- Ни единому слову, — ответил крестный. — При Петре Петровиче раздувать скандал не стал. Повезло вам, обормоты.
- Он поспешил вслед за атаманом.
- Нюрка шагнула вперед, и оба ухаря вытянулись перед ней.
- Я вам уже все сказала, — заговорила она негромко, но так, что даже у меня мороз по спине прошел. — Еще раз сцепитесь, к моему двору и близко не приближайтесь.
- Семен попытался улыбнуться:
- Анна Григорьевна, да мы вовсе не...
- Она обожгла его взглядом, и Бирюков замолк.
- Ты, Саша, уяснил?
- Уяснил, — буркнул Моренченко.
- Вот и славно.
- Нюрка развернулась и пошла к столам.
- Эх, хорошо отпраздновали, — сказал Прохор.
- Рыжий провел языком по разбитой губе и скривился.
- М-да. От души вышло.
- Не думай, что мы закончили, — бросил Моренченко, окинув его тяжелым взглядом.
- И не думал, — ответил Семен.
- Саня шагнул было к нему, но я снова встал между ними.
- Довольно. Мало вам?
- На следующее утро нас вызвали в правление. В кабинете уже находились Овсянников и Степан Анисимович. Семен пришел с распухшей губой и синяком под глазом. Моренченко выглядел не лучше: скулу украшала ссадина, левую руку он держал прижатой к боку.
- Думаете, я вчера не понял, что вы из-за юбки сцепились? Дурака из меня сделать решили?
- Рыжий и Моренченко молчали.
- Представление устроили, про кубанские обычаи наплели, а сами друг дружке по мордасам навалили. И все это перед окружным атаманом Эповым, на празднике, возле баб и детей.
- Виноват, Глеб Маркелович, — сказал Саня, опустив взгляд.
- Кто начал?
- Я, — после короткой паузы признался Моренченко.
- Бирюков?
- Так и было, господин атаман. Да только я тоже не удержался. Мог же и отойти...
- Овсянников постучал карандашом по столу.
- Арестовывать вас не стану, но без последствий дело не оставлю. Каждому по три наряда. Будете заканчивать гостевой дом: полы, перегородки, печь и двор.
- Есть, — ответили оба.
- Еще раз сцепитесь, оформлю все как положено и отправлю рапорт Эпову. Тогда уже в Козловской станете объяснять про свои обычаи. Уяснили?

— Уяснили, Глеб Маркелович.

— На этом все. Моренченко, ступай. Бирюков, останься, твои бумаги закончить надо.

Семена внесли в станичную книгу. Парамон записал имя, отчество, возраст, прежнее место службы и приметы, отдельно описал оружие. Овсянников определил Рыжего в десяток Макара Остапенко.

— Покуда состоишь в строевой команде и несешь действительную пограничную службу, пойдет жалованье по табельному окладу нижнего чина, — продолжил атаман. — В походе положены кормовые, а когда обзаведешься строевым конем, то и фуражные. До обзаведения хозяйством правление выдаст возвратную ссуду.

Из станичного амбара Рыжему выписали пуд муки, крупу, соль, две связки сушеной кеты, кусок мыла, свечи и кое-какие хозяйственные мелочи, с этим уже можно начинать хозяйствовать.

Вечером Саша позвала меня к себе в горницу. На столе возле окна лежала почти готовая пятнистая куртка. Рядом стояли корзинка с нитками, ножницы и жестяная коробочка с иглами. Рукава пока были прихвачены крупными стежками, вместо пуговиц торчали петельки из белой нитки, а один бок оставался незашитым.

— Уже сшила, что ли? — удивился я.

— Не сшила, только сметала для примерки. Надевай, надо поглядеть, как сядет.

Я снял чекмень и осторожно просунул руки в рукава. Куртка оказалась короткой, чуть ниже пояса. В плечах сидела плотно, но движений не стесняла. Полы Саша сделала без складок, воротник невысоким.

— Руки подыми. Теперь вперед вытяни, будто из ружья целишься.

Я исполнил. Ткань слегка натянулась между лопатками, но не мешала.

Саша обошла меня кругом, поправила плечевой шов и недовольно цокнула языком.

— Здесь еще клин надо поставить. Иначе, когда полезешь через бурелом, по спине разойдется.

Она встала сзади, распоролла несколько временных стежков и снова стянула ткань. Затем велела согнуть руки, присесть и потянуться к сапогу.

Я выпрямился. Саша разгладила ткань на груди и распахнула левую полу.

— Гляди, здесь будет глубокий внутренний карман, чтобы ничего не выпало. С другой стороны сделаю поменьше, с клапаном. Под полами будут еще два узких.

— А для ножа?

— И для ножа будет. Только ножны надо подобрать подходящие.

Я несколько раз свел и развел плечи. Куртка нигде не цеплялась и не задиралась.

— Хорошая вещь выходит.

Саша улыбнулась.

— Куртку скоро закончу. Со штанами труднее. На коленях и сзади надо второй слой подложить, а крепкого полотна почти не осталось. И нитки нужны другие: эти после твоего купорося рвутся.

— На днях еду в Козловскую. Зайду к Моисею Абрамовичу. Напиши, чего купить.

Саша усадила меня за стол, взяла лист бумаги и принялась перечислять:

— Два мотка суровой льняной нитки. Тесьмы узкой, темной, аршина три. Пуговиц роговых десятка полтора, гляди, чтобы не блестели... Еще можно взять кусок мягкой кожи, укрепить локти и колени. Только не толстую юфть, а тонкую и гибкую.

Я посмотрел на себя в маленькое зеркало у стены. Пятнистая куртка выглядела непривычно, но в сумраке ее очертания уже расплывались на фоне бревенчатой стены.

— Саша, а капюшон получится сделать?

— Отдельный. Если пришить намертво, будет мешать и собирать воду за ворот. Сделаю на пуговицах, чтобы можно было снять. Только тогда пуговиц бери больше.

Она забрала список, исправила число и снова подала мне.

— Теперь снимай.

Саша подошла, взялась за края куртки и осторожно стянула ее с моих плеч. Потом подняла на меня глаза.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Руку давай вынимай.

— Какую?

— Андрей!

Я рассмеялся и наконец снял куртку. Саша аккуратно разложила ее на столе, расправила рукава и проверила временные стежки.

Через пару дней нам предстояло ехать в Козловскую. Семену требовалось оформить предварительный земельный отвод и записаться в поземельную книгу. Макар Остапенко сопровождал его как десятник и подавал от своего десятка прошение.

Дело нашлось и для меня. Овсянников вручил запечатанный пакет с рапортами и ведомостями для окружного атамана.

— Передашь лично Петру Петровичу или его писарю, — распорядился Глеб Маркелович. — Заодно заберешь бумаги, которые окружное правление приготовило для нас. Макар с Бирюковым по земельным делам занят будет.

Так мы и отправились втроем: я, Семен и Макар Остапенко.

В окружном правлении нас встретила привычная канцелярская волокита.

Семен Иванович, урядник, который уже оформлял мой надел, разложил перед нами чертеж новой кубанской улицы.

— Вот здесь предварительный отвод. По соседству с Моренченко, но не вплотную. От двора Громова тоже недалеко. Поставите затесы, вобьете колышки и можете валить лес.

Он постучал пальцем по бумаге.

— Только держите в голове, что пока это только отвод под топор. На днях прибудет войсковая межевая комиссия с землемером, тогда вот и проверят ваши колышки, углы и границы, и все на карту ляжет окончательно. Если предварительная межа заступит на улицу или соседний пай, придется передвигать.

Семен заглянул в план.

— А здесь чего угол такой кривой?

— Потому что мерили на глаз, да все по старым затесам. Землемер на месте разберется. Может, земли у тебя чутка убавится, а может, прибавится, в обиде не останешься.

— Главное, чтобы курень потом двигать не заставили.

— Потому и не лезь близко к меже, — посоветовал Семен Иванович.

Писарь принес еще две книги и целую кипу бумаг. Отдельно требовалось записать выделяемое имущество, прежнее место службы и то, что у Семена пока нет собственного строевого коня.

Рыжий посмотрел на бумаги с тоской.

— Андрей, я отсюда до вечера не выйду.

— Ты ступай по своим делам, — Остапенко кивнул мне на дверь. — Все одно здесь от тебя пользы нет.

Я уже собирался уходить, когда урядник окликнул:

— Постой, Громов. Ты ведь Андрей Васильевич?

— Он самый, Семен Иванович.

— Тогда зайди в почтово-телеграфное отделение. Там уже вторую неделю разыскивают Громова из Лончаково. Вроде посылка на твое имя лежит.

— Какая посылка?

— Откуда мне знать? С Кубани, кажись, пришла.

В почтово-телеграфном отделении чиновник в черных нарукавниках выслушал меня, поправил очки и полез в шкаф.

— Андрей Васильевич Громов?

— Да.

— Проживаете в станице Лончаково?

— Там приписан.

— Документ имеется?

Я подал бумаги. Чиновник сверил имя и достал небольшой холщовый тюк, перетянутый бечевой. На ткани расплылись почтовые штемпели, а сверху значилось: «Через окружное правление станицы Козловской. Для передачи в Лончаково. Андрею Васильевичу Громову».

— Почему она здесь оказалась? — спросил я. — «Сунгача» ведь и в Лончаково заходит.

— Пароход заходит, но отдельного почтового отделения у вас нет. Мешки сдают сюда, в окружной центр. Потом корреспонденцию забирают станичные нарочные или передают с надежными пассажирами. Отправитель указал Козловское окружное правление как место получения, потому посылка здесь и осталась.

— А в Лончаково сообщить не могли?

Чиновник недовольно пробубнил себе под нос:

— Дважды передавали записки в окружную канцелярию. Там, видимо, решили, что кто-нибудь из лончаковских сам объявится. Распишитесь здесь.

Я поставил подпись в книге. Под холстиной оказалась коробка, а в ней письмо, завернутое в промасленную бумагу. Обратный адрес был кубанский. Фамилию отправителя я узнал сразу.

Чугунов. От Федора Николаевича, стало быть.

«Здорово был, Андрей. Письмо твое получил, чему от души порадовался. Стало быть, жив ты, крестного на Уссуре нашел и при новом войске устраиваешься. Значит, дальняя дорога была не напрасна, и слава Богу.

Пишу в ответ и посылаю кое-что с родной земли, чтобы ты про Кубань не забывал. Башлык тебе справил новый, из здешней шерсти. Кисет с табачком положил, мой самосад. Сушеные груши из моего сада. Еще посылаю образок Николая Угодника. Когда свой курень поставишь, будет что первым в красный угол определить.

У нас все по-прежнему. Несу службу в станице. Урожай сейгод вышел средний. Ты пиши, не забывай. А коль судьба забросит на Кубань, адрес мой знаешь. Даст Бог, свидимся. Федор Чугунов».

В коробке лежал темный шерстяной башлык, аккуратно свернутый вокруг жестяной коробочки с табаком. Рядом нашлись расшитый кисет, мешочек сушеных груш и небольшой потемневший образок в медном окладе.

Я взял одну грушу и с удовольствием схрумкал. Образок завернул обратно и сложил все в коробку.

Из почтового отделения я направился к лавке Моисея Абрамовича.

Портной стоял за прилавком и раскладывал мотки цветной тесьмы. Увидев сверток у меня под мышкой, он отложил товар и всплеснул руками.

— Андрей, что я вижу? Неужели вы занялись торговлей? Судя по тюку, первый товар уже получили, а за дельным советом только теперь пришли.

— Почту получил с Кубани. А к вам за другим пришел.

— С Кубани — это хорошо. С родины любая весточка греет душу.

Я протянул ему список. Моисей Абрамович надел очки, пробежал глазами, поднял брови и перечитал внимательнее.

— Андрей, вы решили научиться шить?

— Не я.

— Слава Богу. А то я уже испугался. Таки кто же вам этот список составил?

— Невеста моя, Александра Семеновна.

— Вот как? Поздравляю. И в шитье она, вижу, понимает хорошо.

— Откуда знаете?

Моисей Абрамович постучал пальцем по бумаге.

— Человек несведущий написал бы просто: нитки, пуговицы и кожу. А здесь указано, какие нитки, какая тесьма и даже чтобы пуговицы не блестели. Разве я не прав?

— Правы. Она сама мне куртку шьет.

— Тогда будем уважать желания мастерицы, даже если пока не имеем чести ее знать.

Он снял с полки несколько мотков, придирчиво осмотрел каждый и два положил передо мной.

— Вот суровая льняная нить. Крепкая. Есть и подешевле, но дешевая нитка обладает скверным характером: в лавке бережет копейку, а в работе портит вещь на целковый.

— Саша говорила, что нитки после купороса рвутся.

Моисей Абрамович замер.

— После какого купороса?

— Она ткань красила.

Портной посмотрел сперва на меня, затем снова на список.

— Теперь понимаю, зачем темная тесьма и неблестящие пуговицы. Не отпускает вас желание стать невидимым. Но нитку берите эту и сперва проверьте на окрашенном обрезке. Купорос, Андрей, существо неблагоприятное.

Он высыпал на прилавок несколько связок пуговиц.

— Костяные, медные и роговые. Медные вам не годятся: так блестят, что будете издали сверкать.

Я взял темную роговую пуговицу и повернул к свету. Она почти не блестела.

— Такие подойдут.

— Разумеется. Но молодые казаки обычно любят понаряднее, чтобы их было видно с другого конца улицы. Вы первый желаете, чтобы вас не заметили.

Моисей Абрамович отсчитал два десятка пуговиц.

— В списке полтора десятка, — заметил я.

— Это написано человеком разумным, но слишком доверчивым к пуговицам. Пять возьмите про запас.

— Мне столько не нужно.

Портной посмотрел поверх очков.

— Андрей Васильевич, нужда в запасной пуговице возникает именно после того, как человек убедил себя, что она ему не нужна. Заплатите за пятнадцать, остальные я прибавлю. Пять роговых пуговиц меня не разорят.

С кожей пришлось повозиться. Моисей Абрамович достал из-под прилавка кусок толстой юфти.

Я пощупал ее и покачал головой.

— Нет. Александра отдельно велела толстую юфть не брать. Нужна тонкая и гибкая кожа, чтобы укрепить локти и колени.

— Теперь я окончательно уверен, что список составляли не вы.

— Почему это?

— Потому что самое важное вы вспомнили только после того, как я показал неподходящий товар.

— И правильно велела, — сказал он, убирая юфть. — Эта хороша для сапог и ремней. Если из такой сделать, то ваши локти перестанут гнуться.

Козья кожа оказалась мягкой, но слишком легко растягивалась. Моисей Абрамович помял ее и тоже отложил.

— На перчатки такая годится. На коленях долго не проживет: один раз проползете по камням, и останется от нее одна память.

Наконец он выдвинул нижний ящик и достал свернутый кусок темной телячьей кожи.

— Вот опоек. Тонкий, гибкий и достаточно крепкий.

Я согнул кожу пополам, потянул за края и провел пальцем по сгибу. Она легко поддавалась, но не вытягивалась.

— Подойдет.

— Конечно, подойдет. Зачем же я столько времени с вами разговаривал? Чтобы в конце продать неподходящее?

Я сверился со списком. Моисей Абрамович собрал покупки в сверток и перевязал шпагатом.

— Здесь все, что просила ваша невеста, и ничего из того, что вы могли бы по недоразумению выбрать сами.

— Вы обо мне невысокого мнения.

— Напротив, Андрей, я вам доверяю. Но если человек умеет стрелять, ездить верхом и шастать по тайге, из этого еще не следует, что ему можно без присмотра выбирать материалы для рукоделия.

Когда я вернулся в окружное правление, Семен все еще сидел перед раскрытой книгой.

Рыжий увидел меня и посмотрел с надеждой.

— Андрей, ты свои дела закончил?

— Закончил.

— А мои, похоже, еще внуки доканчивать станут.

Обратно в Лончаково мы вернулись к вечеру, уставшие. Я только завел Беркута в конюшню, как где-то в стороне раздался знакомый хлопок. За ним второй. К гадалке не ходи, стреляли из винтовок.

— Олег, что там? — спросил я у брата. Он тоже прислушивался, но лишь пожал плечами.

Я схватил винтовку, прихватил патроны и выбежал за ворота. Далекие выстрелы зачастили. А затем над станицей ударил набат, поднимая тревогу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.